

LETTRES

SUR LA

CRIMÉE, ODESSA ET LA MER D'AZOF.

Les personnes qui habitoient Odessa, il y a cinq ans, ne s'y reconnoissent plus; et si tout-à-coup l'on transportoit au milieu de nos fêtes publiques, ou de nos sociétés, un des primitifs habitans de la ville, ou bien un des Tartares qui erroit il y a vingt ans dans les déserts de la Bessarabie, l'un et l'autre croiroient à l'effet d'un enchantement. Pag. 285.

DE L'IMPRIMERIE DE N. S. VSÉVOLOJSKY: 1810. 9/ 330 предувъдомление отъ издателя.

Въ Британской библіотекь, журналь, давно уже заслужившемь уваженіе публики, помъщены сій письма изъ Полуденной Россій, которыя я собраль и издаль съ Россійскимъ переводомь, будучи увърень, что, ежели переводь ихъ будеть несовершень для разборчивости нъкото ыхъ читателей, то по крайней мъръ самой подлинникъ доставить можеть пользу и занятіе многимъ.

Письма пушешественника, недавно бывшаго въ сихъ плодоносныхъ странахъ, понравятся всъмъ читателямъ; а особливо повъствованте того, что съ нимъ случилось у тъхъ народовъ, которыхъ простые обычаи и нравы столь различны отъ нашихъ просвъщенныхъ нравовъ.

Его отступленія въ повъствованій, его историческія замьчанія кратки и вмъсть пріятны. Онъ начинаеть путешествіе свое, отправляясь изъ Одессы въ Яссевь, откуда возвращается по прежнему пути опять въ Одессу, проъхавъ

AVIS DU LIBRAIRE.

La Bibliothèque Britannique, journal du plus grand mérite, a donné ces Lettres sur le Midi de la Russie; je n'ai fait que les rassembler; elles seroient peut-être perdues pour ce pays sans cette édition que je publie avec une traduction en langue Russe, afin qu'elles ayent une plus grande utilité.

Le voyageur, qui a récemment visité ces fertiles contrées, plaira à tous les lecteurs, par le récit de ce qu'il lui arrive chez des peuples dont les usages et les mœurs sont si différentes des nôtres. — Ses digressions, ses remarques historiques, sont rapides et agréables. Il commence son voyage en partant d'Odessa pour Jassy, d'où il revient sur ses pas; parcourt la Crimée, fait le tour de la mer d'Azof, et retourne à Odessa.

C'est dans l'espace de trois mille verstes de chemin, qu'il fait connoître successivement les événemens de son voyage; les Крымъ и Азовское море. На шрехъ шысячахъ версшахъ, онъ описываешъ до подробности свое путешествіе, мъста имъ видънныя, города, пристани, колоніи и другія заведенія, находящіяся въ плодоноснъйшихъ странахъ и пребывающія въ благоденствіи, коимъ обязаны мудрымъ попеченіямъ Правительства, которое знаеть, что польза отъ завоеванія, не столь была бы важна, если бы оставить сїй губерній безъ всякаго вниманія и что пошва земли и климать, будуть завсегда обильнымъ источникомъ богатства для земледъльца и пастуха.

Подробности въ письмъ къ гну. Пиктету объ Одессъ, коей торговля, начиная съ пяти лъть, имъеть сообщенія съ другими странами, ясно доказывають, что воля сильнаго Государя, открытая попеченіями прозорливаго Министра, можеть вскоръ возвысить богатство сихь губерній до высочайщей степени благоденствія народа.

Каршина уголка свъща, въ кошорой человъкъ наслаждается въ шишинъ илодами своихъ трудовъ, показалась мнъ, особливо въ наше время, предметомъ утъшенія, каршиною, которая достойна быть изображенною, хотя несовершенными чершами, для взора публики.

lieux qu'il voit, les villes, les ports, les colonies et autres établissemens, tous situés dans des pays fertiles, et dans un état de prospérité due aux soins d'un gouvernement, qui sait que l'utilité de la conquête, seroit peu importante, s'il abandonnoit à elles-mêmes ces belles provinces, qui, par la bonté de leur sol, et la douceur de leur climat, seront toujours une mine féconde de richesses, pour le Cultivateur et pour le Berger.

Les détails sur Odessa réellement créée depuis cinq années, et dont le commerce exporte déjà au-dehors les abondans produits de toutes ces contrées, prouvent assez, que la volonté d'un prince puissant, manifestée par les soins d'un ministre habile, peut bientôt porter la richesse de ces provinces au plus haut degré de prospérité.

Le tableau d'un coin du monde, où l'homme jouit en paix du fruit de son travail, m'a paru, à l'époque où nous vivons, être un objet de consolation, digne d'être mis sous les yeux du public. HAYLOBA SIBILIOTERA OFFICE AND INC. I. I. MELLINGORA

ПИСЬМА

одного путешественника

изъ

полуденной РОССІИ,

извлеченныя изъ Британской библютеки, 1808.

письмо первое.

Oдесса, omb 20 Maiя, 1808 года.

Когда Генераль *** вознам врился отправиться въ Яссы, въ главную квартиру Князя Прозоровскаго; я испросиль у него позволен сопутетвовать ему. Изъ Одессы мы выбхали 10 Маїя; я находился въ коляск въ съ его Адьютантомъ.

LETTRES

D'UN VOYAGEUR

DANS LES PROVINCES MÉRIDIONALES

DE RUSSIE,

EXTRAITES DE LA BIBLIOTHEQUE BRITAN-NIQUE, 1808.

LETTRE PREMIÈRE.

Odessa, le 20 Mai 1808.

Le Général *** ayant projeté une course à Jassy, au quartier-général du Prince Prosorovski, je lui demandai la permission de l'accompagner; et nous partîmes d'Odessa le 10 Mai. Je voyageois en calèche avec un de ses aides-de-camp.

Пространство, от дълющее Одессу от в Фирасполя по Днепру, около шести сот в десяти версть. Тамъ не видно другихъ домовъ, кромъ шести станціонныхъ. Это долина, покрываемая водой, на которой нѣтъ ни одного дерева, кромъ растущихъ близъ жилищь, и которая, въ то самое время, какъ мы проъзжали, была покрыта на полфута тустою травою При семъ должно замъщить, что сей годъ быль очень худъ; трава здъсь обыкновенно подымается еще въ началъ Апръля.

Всѣ Губерній новой Россій, по Черному морю, состоять изр долинь, или такъ называемыхъ степей. Начиная оттъ Петербурга, до Одессы, проѣхалъ я около ста миль степями; но хоття снѣтъ и сощелъ, однако не льзя было судить о всходѣ травы.

На левой стороне от дероги, по которой мы бхали, вы разстоянии двухе или трехъмиль, находятся колонии, пребывающия, такъ какъ и все Губернии Полуденной России, въ цевтущемъ состоянии, которое возрастаетъ при мудромъ попечении правителя новой России.

Во всемъ пространствв, въ виду дороги, начиная от Одессы до Фирасполя, попадались полько намъ на глаза лошади, которыя

L'espace qui sépare Odessa de Théraspol sur le Dnieper, est de six cent dix verstes. On ne voit guères d'autres maisons, sur toute la route, que les stations de poste, au nombre de six. C'est une plaine légèrement ondulée, dans laquelle on ne découvre aucun arbre qu'auprès des habitations, et qui, dans la saison où nous l'avons traversée, est couverte d'une herbe epaisse d'environ un pied et demi de hauteur, Je dois observer que cette année-ci a été extrèmement retardée, ordinairement l'herbe est déjà haute au commencement d'avril,

Toutes les provinces de la nouvelle Russie qui avoisinent la mer Noire sont un pays de plaines que l'on nomme Steppes. En venant de Pétersbourg à Odessa j'avois déjà traversé cent lieues de Steppe; mais il étoit à peine débarrassé de la neige; je n'avois pas pu juger de la végétation.

Sur la gauche de la route que nous suivions, et à une distance de deux à trois lieues il y a des colonies qui sont, ainsi que toutes celles des provinces méridionales de l'Empire, dans un état de prospérité croissante, graces aux soins éclairés du gouverneur de la nouvelle Russie.

Dans tout l'espace qui est en vue de la route d'Odessa à Théraspol, nous ne vîmes que quelques chevaux qui paissoient dans le Steppe, паслись въ степи близъ станцій; прочія ходили по воль. Мы видьли драхвовъ, протуливающихся важно, по шею въ травь. Степныя курицы также время отъ времени показывались и переходили то на правую, то на львую сторону, какъ скоро мы подвигались впередъ; эта птица похожа на куропатку, впрочемъ гораздо больше ее; она летаетъ какъ утка съ протянутою шеею. Зуйки и пиголицы здъсь въ великомъ множествъ.

Вода въ степи очень рѣдка: однако по мѣстамъ находятся ручьи. Когда готовять переобразованіе новыхъ колоній, то пусть окопають ручьи для обращенія ихъ въ озера и для снабженія такимъ образомъ водою.

Здёшнія лошади зрезвычайно крёпки и сносны. Почта очень исправна; за версту плотиять двё копёйки; что обойдется за каждую почтовую лошадь восемь Французскихъ солдовь: здёсь не принуждають платить особо почталіону. Награжденіе ихъ состоить въ цёнё за лошадей; впрочемь обыкновенно дёлають имъ небольшую прибавку, изъ шести или семи Французскихъ солдовъ; они запрягають четыре лошади рядомъ и вздять по большой части вскачь. Мы въ восемь часовъ проёхали двадцать шесть миль.

près des stations de poste: tout le reste est abandonné au gibier. Nous y voyions des outardes qui se promenoient gravement, et dont le col dépassoit les herbes. Les poules du Steppe se montroient aussi de temps en temps et partoient à droite et à gauche, à mesure que nous avancions; c'est un oiseau qui a le port de la perdrix et un volume à-peu-près double: il vole comme le canard avec le col tendu. Les pluviers et les vanneaux s'y montrent en grand nombre.

L'eau est généralement rare dans le steppe: il y a cependant de place en place des ruisseaux qui le traversent. Lorsqu'on forme des établissement pour les colonies nouvelles on digue ces ruisseaux pour créer des etangs, et s'assurer ainsi une provision d'eau.

Les chevaux de cette contrée sont extrêmement vigoureux et rapides: la poste est bien servie, et à bon marché: l'on paye deux copeks par verste, ce qui revient à huit sols de France par poste pour chaque cheval: on n'est point obligé de payer à part les postillons: leur salaire se trouve sur le prix des chevaux; mais il est d'usage de leur donner une petite gratification qui revient à six, ou sept sols de France par relai; l'usage est d'atteler quatre chevaux de front et l'on connoît à peine d'autre allure que le galop. Nous mîmes huit heures à faire vingt-six lieues.

Фирасполь стоить на Днепръ; жителей въ немъ опть семи до осьми ппысячь. Улицы широки, а домы тесны; обмазаны глиною и крышы соломою. Въ полверств опть города протекаетъ ръка. Видъ острововъ, которые находятися въ великомъ множествъ, и окружные лъса составляютъ пріятную прошивоположность съ единообразіемъ сшепей. На половинъ дороги оптъ Фирасполя къ Бендерамъ есшь кръпость, гдъ находится небольшой гарнизонъ. На милъ отъ Фирасполя, перевзжають Днестръ на поромв близь Бендеръ, важной кр впости, на правомъ берегу, при въвздъ въ Молдавію. Сей городъ, недавно будучи взяпть Рускими, имбепть самое жалкое положение; — мы въ немъ видели пполько несколько полуразвалившихся домовъ, и малое число жишелей. Мой шоварищъ указалъ мив жилище стараго Турецкаго Паши, одного изъ знаменишыхъ вельможъ Блисшашельной Поршы, которое находится въ жалкомъ состояніи. Турки вообще мало заботнятися о своихъ жилищахъ; имъ нътъ нужды, хотия бы домъ ихъ едва спюялъ. Мысли ихъ о благополучи далбе не простираются, когда они могутъ сидъть, поджавь ноги, и курить спокойно прубку.

Мы въбзжаемь въ такую страну, коей видь совершенно новъ. Днепръ, какъ будто

Théraspol, sur le Dniestre, est une ville de sept à huit mille ames. Ses rues sont larges, mais ses maisons sont petites, bâties en glaise et couvertes de chaume. La ville domine le fleuve, à une demi-verste de distance; et l'aspect des îles, qui sont en grand nombre et bien boisées, contraste agréablement avec l'uniformité du Steppe. A moitié chemin de Théraspol à Bender, est une citadelle où l'on entretient une garnison peu nombreuse. A une lieue de Théraspol, on traverse le Dniestre sur un bac vis-à-vis de Bender, forteresse importante sur la rive droite, et qui est à l'entrée de la Moldavie. Cette ville qui avoit été récemment prise par les Russes avoit l'air du monde le plus misérable, nous n'y vîmes que des maisons à demi-ruinées, et peu d'habitans. Mon compagnon me fit remarquer en passant l'habitation de l'ancien pacha Turc, l'un des plus grands seigneurs de la Sublime Porte; et qui n'est qu'une misérable habitation. En général, les Turcs sont peu difficiles pour leurs maisons: peu leur importe qu'ils puissent à peine se tenir de bout dans leurs chambres; s'ils peuvent y être assis les jambes croisées, et fumer paisiblement la pipe, leurs idées de bien-être ne s'étendent guères au-delà.

On entre là dans un pays dont l'aspect est absolument nouveau. Le Dniestre sert comme бы проведент чертною между степью и льсами. Прелестные холмики возвыщаются, по мьрь приближентя къ Молдавти, и прекрасныя дерева покоящь взоръ, утомленный единообразтемъ луговъ. Хотя земля такъ населена; однако индъ примътны нъкоторыя селентя. Языкъ Молдавсктй сходенъ болъе съ Италтянскимъ, нежели съ другимъ языкомъ. Онъочень пртятенъ, и соглащается съ выражентемъ физтогномти жителей; судя по одеждъ, тотъ народъ кажется не новымъ. Лошади вообще очень малы; но скоры на бъту, такъ какъ Рускталошади.

Мы остановились ночевать въ деревнъ одного Молдавскаго Вельможи, коего жилище было великолъпно. Онъ насъ не ожидалъ; нашъ прівздъ надълаль довольно безпокойства. Слугь было много; и они болье старались на насъ смотръть, нежели услуживать. Сперва насъ ввели въ довольно прекрасную залу, и цълая дюжина слугь собралась у дверей въ ожиданіи приказаній отть Генерала. Хозяйка, убиравшаяся за туалетомъ, не замедлила вышти. Она говорила по Французски, хоття съ большею прудностію, и продолжая разговоръ до самаго прибытія ея мужа, котторой de ligne de démarcation entre le Steppe et le pays boisé. De jolies colines qui s'élèvent à mesure qu'on s'avance en Moldavie, et de beaux arbres reposent agréablement l'œil fatigué de l'uniformité des plaines. Quoique le pays ne soit pas peuplé, on apercoit au moins ca et là quelques villages. La langue moldave ressemble plus à l'italienne qu'à toute autre langue; elle est très-douce et s'accorde avec l'expression de la physionomie des habitans: on ne s'apercoit d'ailleurs pas, au costume du peuple, que l'on soit dans un pays nouveau. Les chevaux sont en général plus petits, mais vont tout aussi vite que les chevaux russes.

Notre halte du soir fut dans un village chez un seigneur Moldave, dont l'habitation n'étoit rien moins que somptueuse, et où nous n'étions pas attendus. Notre arrivée causa assez de confusion. Le nombre des domestiques étoit considérable: et ils étoient curieux et empresses de nous voir, plus que de nous servir. On nous fit entrer dans un assez joli sallon, et une douzaine de domestiques, se rassemblèrent vers la porte pour attendre les ordres du général. La maîtresse de la maison qui avoit été faire un peu de toilette, ne tarda pas de se montrer. Elle parloit français quoiqu'avec difficulté, et fit la conversation jusqu'à l'arrivée de son mari. Celui-ci ne parloit ni français, ni Russe не умъль ни по Французски, ни по Руски — и разговариваль знаками съ Генераломъ.

Нарядъ знашныхъ щеголей чрезвычайно спраненъ; лъпомъ носяпть они два или при шелковыхъ плашья, подбишыхъ мѣхомъ. Подпоясывающся сверхъ плашья шелковымъ поясомъ, а сверху распускающь поясъ. Они обувающся въ маленькіе сапожки желшаго сафыяна и сандаліи (sandales). Потомъ надывають на голову большую шапку, въ верьху очень широкую, а внизу очень узкую, котпорую называющь они колпакомь: сей колпакь сделань изъ толстой бумаги, покрытой Крымскою овчиною и подбить тафтою; еще они надъвающъ на шу часть головы, которая не бриша, маленькую красную скуфейку, кошорой никогда не снимають. Чтожь касается до колпака, они его завсегда носяпть; а снимающь полько погда, когда желающь изъявишь великое почшение.

Какъ мы были очень уппомлены, а ужина надобно дожидаться часа четыре: то и последовали примъру нашего Генерала, легли спать безъ ужина.

Съ самаго прихода Рускихъ въ Молдавїю, жены знапиныхъ особъ, приняли Европейскую одежду, и онъ уже находящъ свою старую Греческую одежду очень смъшною. У дамы, ко-

et l'entretien entre lui et le général se fit par signes.

Le costume des nobles Moldaves est extrêmement bizarre: ils portent, pendant l'été même, deux et jusqu'à trois robes de soie doublées de fourrures; une ceinture d'un tissu de soie assujettit autour de la taille des robes de dessous; et ils en ont une flottante par dessus. Ils sont chausses avec des petites bottines de maroquin jaune et des sandales. Enfin ils sont coiffes d'un grand bonnet très-évasé par le haut et resserré par le bas, et que l'on nomme calpack: ce bonnet est en carton, recouvert de peau d'agneau de Crimée et doublé de tafetas : ils ont encore sur la portion de la tête qui n'est pas rasée, un petit bonnet rouge qu'ils n'ôtent jamais. Quand au calpak ils le portent habituellement dans la maison, et ne l'ôtent que dans les cas où ils veulent témoigner beaucoup d'egards.

Comme nous étions très-fatigués, et qu'il auroit fallu attendre trois heures, au moins, nous préférames suivre l'exemple du général, et nous aller coucher sans souper.

Ce n'est que depuis l'entrée des Russes en Moldavie, que les femmes des principaux personnages du pays, ont adopté le costume européen, et déjà elles trouvent leur ancien costume grec extrêmement ridicule. La dame qui

торая насъ принимала, лежаль на столь дурной Французской романь: мы расхвалили выборь ея чтенія; а мужь торжествоваль тьмь, что жена его читаеть Французскихь Авторовь.

На другой день Молдавскій вельможа захотъль сопровождать Генерала до Яссъ. Онъ поъхаль въ старой дорожной коляскъ, которая разломалась на пятой станціи, и Генераль принуждень быль взять его въ свою коляску.

Та страна, которую мы провзжали, была чрезвычайно пріятна. Она пересвкалась высокими холмиками и лісами, составляющими много разнообразности въ видахъ; по містамь примітны сліды трудолюбія, но жаты, по положенію, были очень богаты; мы пробхали мимо одного изъ сихъ холмиковъ, близъ гробницы славнаго Потемкина: онъ умеръ скоропостижно отъ болізни, приключившейся ему въ состідственной деревнів.

Прежде ночи, мы не могли прівхать въ Яссы, потому-что Генеральская коляска увязла въ грязи; и мы дѣлали тщетныя усилія ее вытащить изъ грязи; потомъ рѣшились итти пѣшкомъ; другая коляска была также безполезна, потому что она находилась позади, а дорога была очень узка. Сїє произшествіє дало намъ случай замѣтить въ нашемъ Молдаванції дѣйствія обыкновенной беспеч-

nous recevoit avoit sur une table auprès d'elle, un mauvais roman français: nous lui fimes compliment sur le choix de ses lectures: et son mari étoit tout glorieux de ce qu'elle étudioit les auteurs Français.

Le lendemain le Seigneur Moldave voulut accompagner le général jusqu'à Jassy. Il se mit dans une vieille voiture, qui se brisa à la cinquieme station, le général fut obligé de le prendre dans sa calèche.

Tout le pays que nous traversames jusqu'à Jassy est extrêmement beau; il est coupé de hautes collines et de forêts, qui mettent beaucoup de variété dans les aspects; on ne voit que cà et la des traces de culture, mais les moissons sur pied étoient très-riches: nous passames sur une de ces collines auprès du tombeau du fameux Potemkin: il mourut presque subitement d'une maladie qui l'atteignit dans un village voisin de ce lieu.

Nous ne pûmes arriver à Jassy que de nuit, parceque la voiture du général demeura embourbée, et qu'après avoir fait de vains efforts pour la tirer de là, nous prîmes le parti de cheminer à pied, l'autre calèche nous devenoit également inutile, parce qu'elle étoit derière, et que la route étoit trop étroite pour que l'on pût passer. Cet incident nous donna l'occasion d'observer chez notre Moldave les effets de

ности богатых в сей страны. Чтобы пособить лошадямъ, мы привязали къ дышлу веревку, и шянули всв, по примвру Генерала, которой не щадиль себя. Молдаванець шакже изъявиль доброхопиство; но его нѣжныя руки вскорѣ ссаднились о веревку; а когда надобно было ишши прпкомр около мили, що онр весь запыхаясь, опіставаль опіь нась; хопія онь быль еще въ силахъ и имъль хорошее сложение. Уже наступила ночь; я примътиль, что когда собаки залаяли на нашъ экипажъ, Молдаванецъ прижался къ намъ, оказывая боязнь. Напослъдокъ онъ повшорялъ безпресшанно плачевнымъ голосомъ: mai buon! это не хорошо! По щастію коляски подъбхали къ намъ, прежде нежели мы вошли въ Яссы; а то онъ бы остался позади, не смотря на страхъ, быть одному на большой дорогв.

Генералу назначили кварширу въ общирномъ монасшырѣ, кошораго насшоящель находился въ ошсушствїи. Толпа монаховъ окружила насъ, какъ скоро вышли мы изъ коляски. Они разсматривали насъ съ любопышствомъ; провожали Генерала до самыхъ назначенныхъ ему покоевъ, какъ будтю бы почищая за обязанность находиться при немъ неотлучно; и ему многаго стоило труда отдѣлаться отъ нихъ учтиво.

l'indolence

l'indolence habituelle des riches de ce pays-là. Pour aider les chevaux, nous avions attaché une corde, à laquelle nous tirions tous à l'exemple du général qui ne s'épargnoit pas. Le Moldave montra aussi sa bonne volonté; mais ses mains délicates furent bientôt écorchées par la corde; et lorsqu'il fallut cheminer à pied l'espace d'environ une lieue, il étoit tout haletant derrière nous, quoique ce fût un homme dans la force de l'age, et en apparence très-bien constitue. Il étoit nuit, et je remarquai que quand les chiens aboyoient à notre passage, le Moldave se serroit contre nous, avec des signes de crainte non équivoques. Enfin il répétoit continuellement d'un ton lamentable a mai buon! Ceci n'est pas bon!» Heureusement pour lui, les voitures nous atteignirent avant que d'entrer à Jassy; il auroit fini par rester derrière, malgré la peur qu'il avoit de rester seul sur le grand chemin,

On avoit assigné au général son logement dans un vaste monastère, dont le prieur étoit absent. Une nuée de moines nous entoura à notre descente de voiture: ils nous examinoient avec curiosité; ils poursuivirent le général dans son appartement; prétendant qu'il étoit de leur devoir de ne point le quitter; et il eut toutes les peines du monde à les congérieurs.

dier poliment.

Яссы очень большой городь, впрочемь худо выспроенный; жиппелей въ немъ около 40 пысячь. Большая часть домовъ деревянные и каменные; улицы твсные, и вмъсто мостовыхъ, настланы онв дубовымъ валежникомъ, между которымъ находятся промежутки. Когда пойдетъ дождь, стоки воды увлекаютъ туда грязь и нечистюту; отъ чего происходитъ несносный запахъ; а какъ валежникъ худо сплоченъ: то скверная вода наполняетъ сти промежутки. Улицы не имъютъ спуску; отъ чего сей срамъ не стекаетъ, дълая воздухъ въ городъ нездоровымъ; хотя впрочемъ климатъ очень здоровъ.

Я быль у Аги, или начальника Полицій, и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ. Въ семъ городѣ, по входѣ Рускихъ, находится главная квартира фельдмаршала, Князя Прозоровскаго. Рускіе Офицеры стараются переобразовать знатныхъ Ясскихъ жителей по обычаямъ Европейскимъ. Они заставили женщинъ принять Европейскую одежду; но мущины до сихъ поръ не преклоняются на прозьбы ни своихъ женъ, ни Рускихъ Офицеровъ, — не перемѣняють своей одежды: впрочемъ они готовы бы были на это рѣшиться; но каждой изъ нихъ стыдится подать первый другимъ примѣръ.

Jassy est une grande ville mal bâtie, d'environ 40 mille ames, la plupart des maisons sont
en bois et en pierre, les rues sont étroites,
et au lieu d'être pavées, elles sont couvertes
en plateaux de chêne, au-dessous desquels il y
a un vide de quelques pouces. Lorsqu'il pleut,
les égoûts y entraînent les immondices; il s'en
exhale une odeur insupportable: et comme les
planches sont mal jointes, elles cèdent sous
les pieds des passans, et laissent jaillir l'eau
sâle dans leurs intervalles, les rues n'ayant
pas de pente ce dépôt d'ordure ne s'écoule
point, et doit rendre le séjour de la ville mal
sain, le climat est d'ailleurs très-salubre.

Je me fis présenter chez l'Aga, ou chef de la police, et dans quelques autres premières maisons de Jassy. Cette ville est, depuis l'entrée des Russes en Moldavie, le quartier-général du maréchal Prince Prosorovski. Les officiers Russes ont pris à tâche de former aux usages d'Europe la noblesse de Jassy. Ils ont engagé les femmes à adopter le costume Européen; mais les hommes ont jusqu'ici résisté aux sollicitations, soit de leur femmes, soit des Russes, pour changer leur vêtement: ils étoient cependant sur le point de le faire, mais chacun d'eux répugnoit à être le premier à donner l'exemple aux autres.

Женщины вообще малаго реста и лица смуглаго; но почти всв прекрасны. Въ чертахъ ихъ не видно ничего характернаго, и вездъ я сперва принималъ ихъ за Француженокъ.

Молдавское общество представляеть въ сём минуту странное зрълище. — Вообразите себъ женщинъ, искусныхъ въ свътскомъ обращенти посреди офицеровъ, которые забавляются на щеть ихъ; представьте себъ мужьевъ, которые, какъ словно пришельцы въ собственномъ своемъ домъ, гдъ они не много спустя, поступали съ своими женами съ неограниченнымъ деспотизмомъ. За то жены теперь вымещаютъ имъ, употребляя въ добро и злородъ свободы, данной имъ обстоятельствами.

Какъ всѣ женщины говоряшь по Французски, по тому могь я судить о тонѣ обращенія: оно внушило мнѣ чрезвычайное удивленіе, смѣшенное съ отвращеніемъ. Поступки сихъ дамъ совершенно были согласны съ ихъ намѣреніями; онѣ часто садились на софу съ небрежностію, не вестда приличною.

Вездь, гдь я ни быль, вездь представляли меня только хозяйкь; а когда я желаль видьть хозяина, то миь указывали ея мужа, которой находился въ обществъ между Молдаванами. Они обыкновенно собираются въ заль, прохаживаются взадъ и впередъ, разLes femmes sont en général de petite taille, et brunes, mais presque toutes jolies; leurs traits n'ont rien de fort caractéristique, et partout ailleurs je les aurois prises pour des Françaises.

C'est un singulier spectacle que celui de cette société moldave dans ce moment-ci. Qu'on se représente des femmes qui ont appris les manières du grand monde, au milieu des officiers qui se sont amusés à les rendre ridicules; qu'on se représente des maris, qui sont comme étrangers dans leur propre maison, où ils exerçoient peu avant un despotisme absolu sur leurs femmes. Celles-ci prennent aujour-d'hui leur revanche; elles usent et abusent de l'espèce de liberté que les circonstances leur ont donnée.

Comme toutes les femmes parloient français, je pus juger du ton de la conversation: et il m'inspira un extrême étonnement, mêl é de dégoût. Les manières de ces Dames étoient parfaitement d'accord avec leurs propos, et elles se placoient sur des canapés avec une négligence qui n'étoit pas toujours décente.

Partout ou je fus introduit on me présenta à la maîtresse de la maison seulement; et si j'en étois curieux on me désignoit son mari, parmi les Moldaves qui se trouvoient à l'assemblée. Ceux-ci se grouppent ordinairement ensemble dans le sallon, et se promènent en long говаривая на своемъ языкѣ о странной перемѣнѣ нравовъ ихъ отпечества. Только нѣкоторое число изъ Молдаванъ говорятъ по
француски; а женъ ихъ научили говорить Рускіе офицеры. Всего замѣчательнѣе то, что
онѣ говорятъ очень легко, а почти безъ словоударенія.

Надобно замѣтить, что Молдаване находяшся въ чрезвычайномъ невъжесшвъ, какъ слывенть у другихъ народовъ. Законъ запрещаеть имъ путешествовать безъ позволенія ихъ Князя, которой рѣдко даетъ на это позволеніе; они склонны въ этомъ върить ихъ слову, когда Рускіе даюшь имъ уроки о обыкновеніяхъ хорошаго общества между другими націями. Внутренность жилиць ихь очень роскошно убраны. Домы ихъ красивы; комнатты общирны и хорошо украшены. Чтожъ касается до внутренняго ихъ расположенія: то всегда бываешъ пространная зала продолговашой фигуры, кошорая раздёляеть домъ на двв равныя стороны. По правую и по львую находящся внушреннія комнашы, соединенныя вмъсто дверей маленькими дверцами, дабы свёжій воздухь удобнёе входиль во внуптренность. Молдаване даюпть пышные объды; но кухня ихъ очень худа для иностранца. Въ каждомъ домъ находишся множество слугь; они не имъюшь ливрей; но нъкошорые

et en large en discourant dans leur langue, sur la singulière révolution qui s'est opérée dans les mœurs du pays. Il n'y a qu'un petit nombre d'entr'eux qui parlent français, leurs femmes l'ont appris des officiers Russes, et ce qu'il y a de remarquable, c'est quelles le parlent facilement et presque sans accent.

Il faut remarquer que les Moldaves ont été maintenus dans une extrême ignorance de ce. qui se passe chez les autres peuples. Une loi de leur pays, leur défendoit de voyager sans une permission de leur prince, et celui-ci l'accordoit rarement. Ils sont donc disposés à en croire sur leur parole, les Russes, lorsque ceux-ci leur donnent des lecons sur les usages de la bonne société parmi les autres nations, Il y a beaucoup de luxe dans leur intérieur, Leurs maisons sont belles, leurs appartemens sont vastes et ornés. Quant à leur distribution intérieure, il y a toujours un grand sallon d'une forme allongée, qui coupe la maison en deux parties égales. A gauche et à droite, de cette salle sont les appartemens intérieurs, avec lesquels on communique par des portières, au lieu de portes, afin que l'air frais circule plus facilement dans l'intérieur, Les Moldaves donnent des repas somptueux, mais leur cuisine est mauvaise pour un étranger. Chaque maison a un domestique extrêmement nombreux; les

изъ нихъ носяптъ на поясъ четыре, или пять большихъ кинжаловъ съ серебряной на ножнахъ оправой. Прежде объда подносяптъ водку; послъ объда опять начинаютъ пить; потомъ подаютъ кофе и большія Турецкія трубки съ деревянными чубуками и маленькими тазиками мъдными.

Въ прочемъ роскошь еще не просперлась на экипажи. Въ Яссахъ одинъ полько карепникъ; экипажи выписываюнть изъ Вѣны; а лошади здѣсь прекраснѣйшія.

Хошя Молдавія иміла своихъ часшныхъ Князей; однако они всѣ зависили оптъ Консптанппинополя: и всякой разъ, когда Турецкій Папа дълаль осмотръ въ Молдавіи: то Господарь долженъ быль во время встрвчи его въ Яссахъ, — держать стремя и цъловать край его плашья. Господарь обыкновенно вымещаль сте принужденное уничиженте на своихъ подданныхъ. Вся власшь находилась въ рукахъ нъкоторыхъ фамилій, соединенныхъ родспівенническими союзами съ Княжескою: онъ держали верхъ въ диванъ, или въ совътъ Господаря, а другіе вельможи, или знапіные Молдавские владъщели были часто притъсняемы. Когда пребующь ошь нихь большой суммы денегь, шогда они умножающь свою жестокость къ крестьянамъ, ихъ невольниgens n'ont pas de livrée; mais quelques-uns d'entr'eux portent à la ceinture quatre ou cinq grands poignards à fourreau d'argent ciselé. Avant le dîner l'on présente de l'eau de vie; apres dîner on recommence à en boire, puis on apporte le café et de grandes pipes à la turque avec des tuyaux de bois et de petits bassins de métal pour les placer.

Le luxe n'est guères encore porté sur les équipages. Il n'y a pas un sellier à Jassy, et l'on tire les voitures de Vienne; il y a d'ailleurs de fort beaux chevaux.

Quoique la Moldavie cut ses princes particuliers, ceux-ci, étoient absolument dépendans de Constantinople : et toutes les fois qu'un pacha Turc, venoit faire sa tournée d'inspection dans le pays, l'Hospodar étoit obligé, lorsqu'il le recevoit à Jassy, de lui tenir l'étrier et de baiser le bas de sa robe. L'Hospodar prenoit ordinairement sur ses administrés sa revanche de cet abaissement forcé. Tout le pouvoir étoit entre les mains de quelques familles alliées de celle du prince: elles tenoient le haut bout dans le divan, ou conseil de l'Hospodar, et les autres seigneurs ou grands propriétaires de Moldavie étoient souvent vexés. Lorsqu'on exigeoit d'eux de l'argent, par des mesures extraordinaires, ils redoubloient de rigueur envers les paysans, leurs serss, et ceuxкамъ, — и крестьяне должны сносить все иго тиранти.

Харакшеръ Молдаванцевъ есшь послъдствіе сихъ привычекъ, подлежащихъ деспотнизму и невѣжеству. Въ короткое время (сколько я находилсяздёсь) примётиль неоднократно, сколько Молдавскіе Вельможи униженны предътівми, которыхъ они боятся; да они правда боятся почини всёхъ. Я приведу въ доказатиельство слѣдующій случай. Близь Яссъ находится большая равнина, гдв вечеромъ прогуливаются знашные въ своихъ экипажахъ; я туда по-**Б**халъ шакже въ коляскъ съ однимъ Рускимъ Офицеромъ; когда мы встръпили, при вы ъздъ изъ города, коляску въ шесть лошадей съ двумя верховыми, разпроспранявшими народъ; двое Молдаванцевъ сидъли въ ней; офицеръ запрешилъ нашему кучеру поворачивать въ сторону; и когда экипажь Молдавскій заділь нашу коляску, мой товаришь вскинулся тюгда на Молдаванцевъ, и началъ ихъ жестноко ругать: первое движение Молдаванцевъ было то, чтобы схващинься за колпакъ и просишь извиненія.

Если деспотизмъ Турецкій не истребиль бы въ сей странъ всъхъ отпрысковъ прилъжанія и енегріи: Молдавія была бы страною богатою и цвътущею. Солнце тамъ имъеть благотворное вліяніе; и хоття бы сколько нибудь земледьліе было тамъ ободряємо свонибудь земледьнів странци.

ci avoient à supporter tout ce fardeau de ty-

Le caractère Moldave est ce qu'il doit être en résultat de ces habitudes d'abjection, de despotisme et d'ignorance. Dans le peu de temps que je restai-là, j'eus occasion d'observer plus d'une fois, combien les seigneurs Moldaves sont humbles envers ceux qu'ils craignent; et ils craignent à-peu-près tout le monde. J'en citerai un trait. Il y a, près de Jassy, une grande plaine nommée Formosa, et où le beau monde va se promener le soir en voiture; j'y allois en caléche avec un officier Russe, lorsque nous rencontrâmes, à la sortie de la ville, une voiture attelée de six chevaux, précédée de deux coureurs qui faisoient ranger tout le monde. Deux Moldaves étoient dans la voiture, l'officier défendit à notre cocher de se détourner; et l'équipage Moldave nous accrocha. Mon campagnon apostropha alors les Moldaves des épithètes fort injurieuses; le premier mouvement de ceux-ci, fut de porter la main au calpak pour s'excuser humblement.

Si le despotisme Turc n'eût étoussé dans ce pays-la tous les germes d'industrie et d'énergie, il devroit être une des contrées les plus riches et les plus florissantes. Le sol y est de la meilleure qualité et pour peu que la culture y sût encouragée par un gouvernement libéral, боднымъ правишельствомъ: сїя страна снабжала бы изобильно хлѣбомъ, урожаю котораго оченьбы благопріятствовали Днепръ, Пруть и Серетъ истокомъ къ морю. Сїй наблюденія, которыя мы имѣли случай дѣлать, начиная отъ Бендеръ до Яссъ, утверждены были во время нашего проѣзда отъ Яссъ до Фалчи и Формоза, на границы Бессарабіи, чрезъ кои мы возвратились въ Бендеры.

На возврашномъ пуши мы были сопровождаемы однимъ Молдаванцемъ, кошорой говорилъ по Француски и по Нѣмецки, и колцорому повельно Диваномъ обеспечиватть Генерала въ перемънъ лошадей, шамъ, гдъ не было спанцій. Провожатой нашь, для изученія Нѣмецкому языку, долженъ былъ бѣжашь изъ своего отечества, куда онъ возвратился по прошестви семи или осьми л'втъ. Онъ живо чувствоваль унижение и презръние своихь соошечесшвенниковъ; очень гореваль, для чего онъ родился въ Молдавїи. Однако сей самой человъкъ не имълъ никакого чувсива справедливоспи въ опношени къ подначальнымъ ему; и не смотря на представленія Генерала, онъ пираниль креспьянь для доставленія намь лошадей и съ встныхъ припасовъ. Во время нашего опідыха, когда занимались мы спіръляніемъ изъ лука, то увидёли нашего Молдаванца идущаго съ кресшьяниномъ, несшимъ

le pays fourniroit abondamment des grains dont le Dniestre, le Pruth, et le Seret, favoriseroient l'écoulement vers la mer. Ces observations que nous avions eu occasion de faire depuis Bender à Jassy, furent confirmées dans la traversée que nous fimes à notre retour depuis Jassy jusqu'à Faltehi et Formosa, sur la frontière de la Bessarabie, au travers de laquelle nous revinmes sur Bender.

Nous fûmes accompagnés à notre retour par un Moldave qui parloit français et allemand, et qui étoit chargé par le Divan d'assurer des relais au général, dans les endroits où il n'y avoit pas de poste. Pour pouvoir étudier en Allemagne, il avoit été obligé de déserter de son pays, où il étoit revenu après sept ou huit ans d'absence. Il sentoit vivement l'état d'abaissement et la nullité de ses compatriotes; et il se désoloit d'être né en Moldavie. Cependant, ce même homme n'avoit aucun sentiment de justice envers ses inférieurs; et malgré les remontrances du général, il tyrannisoit les paysans pour nous procurer des chevaux et des vivres. Dans une de nos haltes du soir, et tandis que nous nous amusions à tirer de l'arc, nous vimes arriver notre Moldave, suivi d'un paysan tout chargé de poules vivantes. Le général en le voyant venir lui dit. - « Qu'est-ce donc que toutes ces poules? « - C'est, répondit gaîment живыхъ курицъ. Генералъ увидя его спросиль, что это за курицы? — Это поборъ съ деревни, отвъчалъ весело Молдаванецъ, для нашего ужина. — Заплатили ли вы? — А за чемъ платить, отвъчалъ Молдаванецъ съ удивлентемъ. — Отнесите поскоръе сихъ курицъ туда, гдъ вы ихъ взяли, сказалъ ему Генералъ. У него были также подны карманы яицъ, которыя ему также надлежало возвратить.

Сильные иногда дорого плашять за ужась, ими внушаемой. Не должно полагаться въ сей области, на вспоможение крестьянъ въ нещастномъ случав. Я это докажу примвромъ. Среди деревни одна изъ нашихъ колясокъ повредилась; всв крестьяне, вмвсто того, чтобы намъ помочь, разбъжались. Мы не могли обойтись безъ инструментовъ, чтобы починить колесо; не зная какъ дать намъ знать, что имъ будетъ заплачено за ихъ труды, наконецъ принуждены были привести пъкоторыхъ силою; и когда мы напоследокъ имъ заплатили, то они изъявили чрезвычайное удивление.

Паденїе коляски не лишило насъ удовольспів въ путешествін. Мы побхали очень скоро, и какъ обыкновенно въ четныре лошади, когда наше колесо разбилось о маленькой пригорокъ, находившійся на дорогъ, впроle Moldave, une contribution que j'ai levée dans le village pour notre souper. — «Et les avezvous payées?—Pourquoi donc payer? répondit le Moldave d'un air étonné. —Reportez-moi vîte ces poules où vous les avez prises, lui dit le général. Il avoit aussi ses poches pleines d'œufs qu'il fallut rendre comme les poules.

Les puissans paient cher quelquesois la terreur qu'ils inspirent. Il ne faut pas compter
dans ce pays la, sur l'assistance des paysans en
cas d'accident: nous l'éprouvames. Au milieu
d'un village une de nos voitures cassa; et au
lieu de nous aider, tous les paysans allèrent se
cacher. Nous ne pouvions pas nous passer d'outils pour raccommoder notre roue, et nous ne
savions pas comment nous saire comprendre
des paysans, pour leur promettre, qu'ils seroient payés de leurs peines. Ensin nous sumes
obligés d'en faire venir quelques-uns de sorce,
et lorsqu'ensuite nous les payames, ils parurent
extrêmement surpris.

Une chute de notre voiture me priva de l'agrément du reste du voyage. Nous allions très-vite et à quatre chevaux, comme à l'ordinaire, lorsque notre roue heurta contre une petite élévation qui se trouvoit sur la route,

чемъ очень прекрасной. Коляска сильно перевернулась; и мы оплетьли на большое разстояніе. Я сильно повихнуль ногу, и думаль, что совершенно разшибъ ее. Имъя ногу поврежденную, я чувствоваль сильную боль. Молдаванецъ, коттораго коляска слѣдовала за нашею, остановился, прибѣжавъ къ намъ, піопічасъ бросился на почталіона съ кулаками. Я ему кричаль, что это не почталіонова вина, а наша; потому что мы приказали ему скорве вхать — однако онъ не утерпвль, осыпая ударами почталіона. Когда я его спросиль, неуже ли онь выльчишь мою ногу, бьючи сего человъка; и когда онъ примътилъ, что я не могу держащься, тогда хотвль опять приняться за побои; однако товаришь мой принужденъ былъ удержатть его силою.

Сїє пушешествіє продолжалось восемь дней, въ кои мы провхали около десящи соть версть (двъсти миль Францускихь, хотя мы прожили цълые три дни. d'ailleurs très-belle. La calèche versa violemment et nous fûmes jetés à une grande distance. Je me cognai la jambe si fortement que je crus l'avoir cassée, et que j'en al été souffrant et boiteux le reste de la route. Le Moldave, dont la voiture suivoit la nôtre, fit arrêter, et accourut pour tomber sur le postillon, à coups de poing. J'eus beau lui crier que ce n'étoit pas la faute du postillon, parce que nous lui avions ordonné d'aller vîte, je ne pus lui éviter une grêle de coups. Lorsque je lui demandai s'il croyoit m'avoir guéri la jambe en frappant cet homme, et qu'il s'apercut que je ne pouvois pas me soutenir, il voulut recommencer, et mon compagnon fut obligé d'employer la force pour l'en empêcher.

Ce voyage nous a pris huit jours, pendant lesquels nous avons parcouru l'espace d'environ neuf cent verstes (deux cents lieues de France), quoique nous ayons séjourné trois jours entiers.

письмо и.

Ахмечень, от 18 Іюня, 1808 года.

Число сего письма вамъ докажетъ, что мы исполняемъ наше предпріятії путешествія въ Крымъ. От дохнувъ нѣсколько дней въ Одессѣ, по возвращеній нашемъ изъ Молдавій, отправился я въ путь, тому уже восемь дней, съ однимъ офицеромъ, очень умнымъ, которой имѣлъ препорученіе относительно Кубанскихъ козаковъ.

Изъ Одессы повхали на Николаевъ, которой отъ нее въ тридцати миляхъ. Какъ мы предприняли путь въ пять часовъ вечера, то остановились переночевать во владънти Комменданта сего города, въ двадцати миляхъ отъ Одессы. Здъсь находился Ктевской Митрополитъ С**, которой, назадъ тому нъсколько дней, освящалъ церковь въ Одессъ. Мы нашли многочисленную компанію, состоящую особливо изъ духовныхъ и гусарскихъ офицеровъ, склонныхъ отгдавать честь Шампанскому вину Комменданта. Мы также участвовали въ пиршествъ, и послъ ужина лег-

LETTRE II.

Ach-Metchet, le 18 juin 1808.

La date de cette lettre vous montrera que nous exécutons le projet formé d'un voyage en Crimée. Après quelques jours de repos à Odessa, depuis notre retour de Moldavie, je me suis mis en route, il y a huit jours, avec un officier du génie, qui avoit une mission chez les Cosaques du Couban.

En partant d'Odessa, nous nous dirigeames sur Nicolaïef qui en est à trente lieues. Comme nous nous étions mis en route à cinq heures du soir, nous nous arrêtames pour passer la nuit dans une terre du commandant de la ville, à douze lieues d'Odessa. Il y fêtoit l'archevêque de Kiof, S**., qui avoit consacré une église à Odessa quelques jours auparavant. Nous y trouvames nombreuse compagnie, surtout des prêtres et des officiers de hussards, tous trèsdisposés à faire honneur au vin de Champagne du Commandant. Nous prîmes notre part du festin, et après souper, nous nous étendî-

ли спашь на сѣнѣ, по примѣру другихъ. Его Высокопреосвященство изволилъ лечь въ своей карешѣ. На другой день, окончивши завпракъ, за коимъ шакже былъ Митрополитъ, пустились въ дорогу.

Мы прівхали въ Николаевъ въ вечеру т. е. въ восемь часовъ придцать миль. Степь во всю дорогу, въ самомъ единообразїи своемъ прекрасна; права почин вездъ въ одинаковомъ изобиліи и одинаковой вышины. Мы только примъщили по близости станцій на пасбиць нъкоторыхъ животныхъ — а болье лошадей. Степь такъ далеко простиралась, что наше зрѣніе ограничивалось ея обширностію; въ ней пребывають настоящія ея жителей, которое со стороны Днепра суть: драхвы, зуйки, степныя курицы, крысы и проч. Сій последнія сходствують съ ласточками, онв зарывающся въ землю, никотда не удаляющся опть своей норы; когда же услышать шумь, то приподымаются на заднія данки, чтобы узнать непріятеля—и проворнье убъжать. Спіенные жишели ловянть ихв, наливая воды въ норы, въ коихъ онъ живупъ, пипаясь своимъ мясомъ.

Въ нъкоторомъ разстояни отъ дороги, по которой мы Бхали, находятся Булгарския колонии; онв составляють пять большихъ

mes sur le foin, comme tous les autres pour passer la nuit, son Eminence coucha dans sa voiture. Le lendemain matin, après avoir déjeûné avec l'archevêque, nous nous remîmes en route.

Nous arrivames à Nicolaïef à midi, c'est-àdire que nous avions mis huit heures à faire trente lieues. Le Steppe est uniformément beau dans toute cette traversée; l'herbe y est à-peu-près partout de la même abondance, et de la meme hauteur. Ce n'étoit que dans le voisinage des stations que nous observions quelques animaux en pâturage: ordinairement des chevaux. D'ailleurs le Steppe étoit, aussi loin que notre vue pouvoit s'étendre, abandonné à ses habitans naturels, qui sont comme du côté du Dniestre, les outardes, les pluviers, les vanneaux, les poules du steppe, le rat du steppe, etc. Ce dernier ressemble à la belette; mais il s'enterre; il ne s'écarte jamais beaucoup de son trou, et lorsqu'il entend du bruit, il se dresse sur ses pattes de derrière pour reconnoître l'ennemi, puis s'enfuit légèrement. Les gens du pays le prennent en mettant de l'eau dans les trous qu'il habite, et se nourissent de sa chair,

Il y a des colonies Bulgares à une certaine distance de la route que nous suivions: elles composent cinq grands villages qui sont dans l'état селеній, пребывающихъ въ щастливъйшемъ состояніи. Въ сихъ степяхъ, а не по близости дороги, также бываютъ табуны лошадей.

Разводомъ лошадей занимаются богатые помъщики въ сихъ губерніяхъ новой Россіи. Ихъ вскармливаютъ въ полъ совершенно безъ закрышки опть погоды, и для пасенія 100 лошадей опредвляющь двухь человыкь. Благорасшворенность климата, которая въ обыкновенныя зимы не оставляеть снъга болье супюкъ, поощряетъ къ разводу лошадей; но сія неожиданность бываеть иногда жестоко наказываема; --- время отъ времени случаются въюги сивжныя, которыя здёсь называются метелицами, и которыя убивають много скота. Тому два мъсяца я самъ быль свидъшелемъ шакой мешелицы, исптребившей въ губерніяхъ Одессы, Херсонской и Крымской, 25 пысячь лошадей, 50 пысячь барановъ и 14 шысячь рогашаго скоша. Когда пошадей застигненть снъжная метелица, то онь обыкновенно бъгутъ противъ вътра и упадаютъ въ рышвины, гдв снвгъ скопляется - и онв тамъ погибающъ.

Николаевъ стоитъ на лѣвомъ берету рѣки Буга, коей течене очень медленно и котпорая походитъ болье на озеро, нежели на рѣку. Мы проѣхали около полмили въ большой шлюбкѣ съ парусами, и этаго мѣста нѣтъ

le plus prospère. Il y a aussi des haras dans ces steppes-la, mais non pas à portée de la route.

L'éducation des chevaux est une spéculation des grands propriétaires, dans ces provinces de la nouvelle Russie. On les élève absolument sans abri, et on compte deux hommes pour soigner cent chevaux. La douceur du climat, qui, dans les hivers ordinaires, ne laisse pas subsister la neige plus de vingt-quatre heures, encourage à ce régime; mais on est quelquesois sévèrement puni de cette imprévoyance; et il vient de tems en tems des orages de neige, que dans le pays l'on nomme metels, et qui tuent beaucoup de bestiaux. Il y a deux mois que j'ai été moi-même témoin d'un de ces orage, qui a fait perir dans les gouvernemens d'Odessa, de Cherson, et de Crimée, 25 mille moutons, et 14 mille bêtes à cornes. L'instinct des chevaux lorsque les orages de neige les surprennent, les porte à courir contre le vent : ils finissent par tomber dans les ravins du steppe, où la neige s'est accumulée et ils y périssent,

Nicolaïef est sur la rive gauche du Bug, dont le cours est très-lent, et qui a plutôt l'air d'un lac que d'un fleuve. La traversée que nous fimes dans une grande chaloupe à voiles, est d'une demi-lieue; et cet endroit est un des plus étroits du fleuve. On ne voit Nicolaief уже въ рѣкѣ. Неиначе можно видѣть Николаевъ, какъ переѣхавъ Бугъ; потому что его скрывають от глазъ горы. Въ семъ городѣ находятся складни и магазины черноморскаго флота. Когда мы проѣзжали, то еще въ гавани: не было ни одного линейнаго корабля въ отстройкѣ; какъ скоро они отдѣлаются, немедленно отправляютъ ихъ въ Севастополь. Жителей въ городѣ около девяти тысячъ; почти всѣ служащте во флотѣ, или Жиды; сти послѣднте имѣютъ отвратительной видъ. Положенте Николаева не такъ хорошо — улицы широки; а домы низкте и выстроены по большой части изъ дерева ,или глины.

Мы надъялись найти Маркиза Траверсе, Адмирала морскихъ Чериоморскихъ силъ, у котораго я былъ проъздомъ моимъ въ С. Петербургъ; однако онъ находился въ отлучкъ: мы объдали у Вице-адмирала, къ которому я имълъ письмо. Въ пять часовъ съли въ коляску и направили путь къ Херсоню, куда мы возвратились въ девять часовъ, проъхавъ пятнадцать миль. Степь, раздъляющая сти два города, есть самаяхудшая, какую я только видълъ: она пещана и трава, на ней растущая, тоща и низка. Это равнина такъ соединена, что кажется, будто находится посреди моря на гладкой плоскости: тамъ

que lorsqu'on a passé le Bug, à cause d'une hauteur qui le cache. C'est dans cette ville que sont les principaux chantiers et magasins de la marine de la mer Noire. Il n'y avoit, lorsque nous passames, aucun vaisseau de ligne en construction, ni dans le port; on les envoye à Sebastopol à mesure qu'ils sont construits. La ville a huit à neuf mille habitans presque tous marins, ou Juiss: ces derniers ont l'air misérable. L'aspect de Nicolaïef n'est pas beau; les rues sont fort larges, mais les maisons sont basses et bâties pour la plupart en bois et en glaise.

Nous espérions trouver le marquis de Traversé, amiral en chef des forces de la mer Noire,
et chez lequel javois couché en venant de Pétersbourg; mais il étoit absent: nous allâmes
dîner chez un vice-amiral pour lequel j'avois
une lettre. A cinq heures nous nous mîmes en
calèche, et nous nous acheminâmes vers Cherson, où nous arrivames à neuf heures après
avoir fait quatre lieues. Le steppe qui sépare
ces deux villes est le plus mauvais que j'aie vu:
il est sabloneux et l'herbe y est claire et courte.
C'est une plaine tellement unie, qu'il semble
qu'on soit aumilieu de la mer, par un calme
plat: il n'y a pas un buisson, et en quelque

нѣтъ ниодного ручья, и особенно ни одного растѣнія, котпорое бы превышало другое. Почтовая станція, на половинѣ дороги, между двумя городами, есть одно только жилище. Сїя степь сколь ни худа; однако питаетъ дикихъ лошадей, котпорыя имѣютъ странный инстинктъ—освобождать лошадей, если увидять запряженными; онѣ нападаютъ иногда толпами на запряженныхъ лошадей—разбивая повозки, перерываютъ збрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми товарищами если удастся имъ освободить ихъ. Однако къ счастію такія встрѣчи случаются очень рѣдко, а то была бы крайняя опасность для путешественниковъ.

Херсонь на правомъ берегу Днепра, болбе походишь на городъ, нежели Николаевь; домы въ Херсонъ гораздо выше, а улицы шъснъе; впрочемъ также худо выстроенъ; жителей въ пемъ гораздо болъе, нежели въ Николаевъ. Здъсь производится важная торговля строевымъ льсомъ. На набережной, которая простирается на цълую милю, видны больше анбары сего льса. Здъсь строютъ военные корабли; я видълъ одинъ о ста десяти пушкахъ, приготовленный къ спуску на воду. Здъсь столько же находится Жидовъ, какъ и въ Николаевъ и они здъсь также бъдны. Градской голова, родомъ Французъ, живу-

sorte, pas une plante qui passe l'autre. Une station de poste, à moitié chemin entre les deux villes, est la seule habitation qui y existe. Ce steppe tout mauvais qu'il est nourrit des chevaux sauvages, qui ont un singulier instinct et pour libérer les chevaux qu'ils voyent attelés, ils fondent quelquesois en troupes sur les attelages; ils brisent les voitures, rompent les traits, puis s'ensuient avec leurs nouveaux camarades, lorsqu'ils ont réussi à les dégager; heureusement de telles rencontres sont rares, sans cela ce seroit un danger réel pour les voyageurs.

Cherson, sur la rive droite du Dniepre, a un peu plus l'air d'une ville que Nicolaief, les maisons y sont plus hautes et les rues plus étroites: ilest d'ailleurs également mal bâti : sa population est je crois plus considérable que celle de Nicolaief. Le commerce des bois de construction y est un objet important. On voit de grands dépot de ces bois sur un quai qui a une longueur d'une lieue. On y construit des vaisseaux de guerre: j'en ai vu un de cent dix canons, prêt à être lancé. Il y a autant de juis qu'à Nicolaief, et ils y sont tout aussi misérables: le maire de la ville qui est un français établi à

щій въ Хереонь около двадцанни льнь, увъряль меня, что мудрено сказащь, чьмь эпи люди живунъ.

. Мы пробыли двѣ ночи у гражданскаго Одесскаго Губернатора. Въ каждой Россійской гутберніи находиться гражданской Губернаторъ, подначальнный Военному Губернатору.

Разлитіе Днепра тогда оставляеть по себь лужайки стоячей воды, отдыленной потомь от рыки набережною: сему приписывають перемежающіяся лихорадки, коихь эпидемій возобновляются вы Херсоны время от времени.

Мы ходили смотрѣть цидатель, въ которой военный Губернаторъ имѣетъ домъ; онъвъ немъ живетъ тогда, когда пріѣзжаетъ въ Херсонь.

Оставляя сей городь, мы побхали на Переяславль, имбя Днепръ по правую сторону. Въ четырехъ миляхъ оттъ Херсоня, мы пробзжали мимо развалинъ одного Татарскаго города, которой быль расположенъ на нъкоторомъ возвышенти близь небольшаго озера. Сти развалины по большой части состоять изъ камней, разсвянныхъ въ степи, потому что большая часть свезена въ Херсонь, какъ матерталы, годныя для строентя.

Cherson depuis vingt-ans, m'assuroit qu'il est dificile de dire de quoi ces gens-la vivent.

Nous couchames deux nuits chez le gouverneur civil du gouvernement d'Odessa. Il y a dans chaque gouvernement de la Russie un gouverneur civil, lequel est subordonné au gouverneur militaire.

Les débordemens du Dniepre, laissent, lorsque les eaux du fleuve s'abaissent, des dépôts d'eau stagnante qui se trouvent ensuite séparés du fleuve par le quai: on attribue à cette cause les fièvres intermittentes, dont les épidémies se renouvellent de temps en temps à Cherson.

Nons allames voir la citadelle dans laquelle le gouverneur militaire a un palais, qu'il habite lorsqu'il vient à Cherson.

En quittant cette ville, nous nous dirigeames sur Pereslaw, laissant le Dniepre à notre droite. A quatre lieues de Cherson, nous passames auprès des ruines d'une ville Tartare, qui était située sur une élévation auprès d'un petit lac. Il n'y a plus que quelques pierres éparses dans le steppe, parce que la plus grande partie a été chariée à Cherson, comme matériaux de construction.

Немного подалье миновали мы Ингуль, коего воды были очень высоки —въ это время вскрываются въ Россіи всь ръки.

Опть Ингула мы еще провхали десять миль до Переславля, которой называють городомь, хотя онь болье походить на деревню. На шестидесяти верстахь, начиная отъ Херсоня, намь не представлялось никакого разнообразія видовь; однако попадалися нікоторые маленькіе холмики, но всегда безь деревь; жилья здісь очень мало. Трава степная вь семь мість не такь изобильна, какь вь окружностяхь Одессы.

Мы ожидали довольно времени въ Переяславлъ барки, которая должна была насъ перевести на другую сторону ръки съ нашимъ экипажемъ. Толпа народа дожидалась переправы, потому что въ это время перевозили соль въ Крымъ. На берегу стояло около осьми тысячь быковъ и около четырехъ тысячь итълегъ, въ ожиданти ихъ возвращентя для переправы черезъ ръку. Обыкновенно кладутъ на барку шест десятъ такихъ телетъ, а сорокъ, когда онъ нагружены солью. Двадцать барокъ были заняты симъ перевозомъ. Въ полную воду, ръка имъстъ въ окружности двъ мили щирины; по благопріятному вътру перевхали мы въ часъ и три четвертм, всю острова ДвепрUn peu peu plus loin nous passames l'Ingul dont les eaux étoient fort hautes: c'est la saison où tous les fleuves de la Russie se débordent.

De l'Ingul, nous simes encore dix lieues jusqu'a Bereslaw, qu'on appelle une ville, quoique ce ne soit qu'un village. Les soixante verstes que nous avions saites depuis Cherson ne nous offrirent aucune variété d'aspect; il y a cependant quelques petites élévations, mais toujours point d'arbres, et fort peu d'habitations. L'herbe du steppe, dans cette traversée, n'est pas si abondante que dans le steppe aux environs d'Odessa.

Nous attendîmes assez long-tems à Pereslaw la barque qui devoit nous transporter de l'autre côté du fleuve avec notre voiture. Il y avoit alors grande presse pour les barques, parce que c'étoit la saison, où l'on charioit les sels de la Crimée. Il y avoit là environ huit mille bœus et quatre mille chariots, qui attendoient leur tour pour passer le fleuve. On met soixante de ces chariots sur une barque et quarante seulement lorsqu'ils reviennent chargés de sel. Une vingtaine de barques étoient occupées à ce service. Le fleuve dans la saison des hautes eaux, a environ deux lieues de large; nous mîmes une heure et trois quarts à le traverser avec un bon vent. Toutes les îles du Dniepre,

кіе, котпорые бывають многочисленные вы убылыя воды, и на довольную вышину покрышы водою. Величина деревь показывалась въ нъконюрыхъ мъстахъ-и наша барка ударялась часто на ходу своемъ о вътви деревъ, находящихся подъ водою. Посреди рѣки встрѣпились мы съ рыбаками, ловившими въ маленькихъ челночкахъ солмовъ-родъ рыбы, очень схожей съ меною, но коихъ размвръ гораздо больше: онъ въсяшь около сорока фунтовъ. Ихъ мясо жирно и невкусно; только степные жители Бдять стю рыбу. На лъвомъ берегу р'бки нашли мы великое множество пелегь, нагруженных солью. Сти телеги очень летки и корошки, пришомъ снабжены льстницами, внутри коихъ есть ящикъ изъ коры для клажи соли, покрываемой рогожей.

Мы ждали долгое время нашихъ лошадей; пошому чито мѣсто, гдѣ выгружаютъ, находится въ милѣ отъ станцїи; и мы, уже при наступленїи ночи, отправились въ дорогу; проѣхавъ вездѣ отъ семи до осьми миль, остановились на первой станцїи; и провели ночь; лежа на скамейкахъ и окуппавшись плащами; на другой день рано прїѣхали въ Перекотъ.

Такъ называемой Перекопъ составляютъ семь домовъ; онъ расположенъ на перешейкъ

qui sont nombreuses, quand ses eaux sont basses, étoient couvertes d'eau à une grande hauteur. L'extrémité des arbres se montroit à quelques endroits, et notre barque froissoit souvent, en passant, les branches des arbres cachées sous l'eau. Nous trouvames au milieu du fleuve des pêcheurs dans de petits bateaux, qui prenoient des solms, espèce de poisson fort semblable à la lotte, mais dont les dimensions sont beaucoup plus grandes: ils pèsent jusqu'à quarante livres. Leur chair est huileuse et mauvaise, et il n'y a guère que les gens du pays qui puissent en manger. Nous trouvâmes sur la rive gauche, un grand nombre de chariots chargés de sels. Ces chariots sont très-légers et courts, garnis d'échelles, en-dedans desquelles il y a un berceau d'écorce pour mettre le sel, qu'on recouvre d'un linge grossier.

Nous attendîmes longtems nos chevaux, parce que l'endroit où l'on débarque est à une lieue de la station de poste, et nous ne pûmes nous mettre en route qu'à nuit tombante, nous fimes encore sept à huit lieues et nous nous arrêtâmes à la première station, pour passer la nuit, étendus sur des bancs et enveloppés dans nos manteaux. Le lendemain de bonne heure nous fûmes à Perekop.

Perekop, proprement dit, n'est composé que de sept maisons; il est situé sur l'isthme de la

Крымской, какъ будто глава сей губерній; но чрезъ милю находишся насшоящій городь; называемый Базаръ Армянскій, служащій соединеніемъ малыхъ анбаровъ, содержимыхъ Армянскими Таппарами; мы шамъ видвли полкъ изъ сихъ последнихъ, которой, кажется, отправлялся въ Польшу. Крымскіе Ташары ередспвеннаго росту; собой смуглы; лице у нихъ широкое и общянущое; но въ чершахъ ихъ не видно ничего харакшернаго. Они одвты въ полукафтанье, въ шапку изъ овечьей кожи и широкіе шаровары съ маленькими сапожками; пришомъ они вооружены саблею й ружьемъ. Когда Мурза, или Татарской Вельможа хочетъ собрать роту волонтеровъ : то объъзжая Крымъ, собираеть твхь, которые дають согласие служишь. Между другими начальниками, показали мнв молодаго человька осьмнадцати льть, по имени Мустафу Мурза, сына одного богатвишаго Крымскаго Таппарина. Онъ прославился своею храбростію, возбудивь у своихъ собратій поревнованіе ему слідовать. Недавно набраль онъ солдашь гораздо болье, нежели другіе начальники; и когда онъ явился къ военному Губернатору, которой набиралъ полки: Губернатторъ сказалъ ему, что число его рошы не должно превышать другихъ; молодой человькъ упорствоваль,

Crimée, et est comme la clef de cette province; mais on trouve à une lieue plus loin la véritable ville, nommée le Bazar Arménien, qui est une réunion de petits magasins tenus par des Arméniens et des Tartares, nous vimes-là un régiment de ces derniers, qui partoit pour le fond de la Pologne. Les Tartares de Crimée sont de taille médiocre, très-bazanés; ils ont la face large et les os saillans, mais n'ont d'a.lleurs rien de bien caractéristique dans les traits. Ils sont vêtus d'une petite veste, d'un bonnet de peau d'agneau, et d'un pantalon large avec des botines: ils sont armés d'un sabre et d'un fusil. Lorsqu'un Murza, ou Seigneur Tartare, veut lever une compagnie de volontaires, il parcourt la Crimée, et se fait suivre de ceux qui consentent à servir. On me montra, parmi les chefs, un jeune homme de dix-huit ans, nommé Mustapha-Murza. Il est fils du plus riche Tartare de Crimée, et s'est fait une réputation de bravoure, qui a excité chez ses compatriotes beaucoup d'empressement à le suivre. L'année dernière il avoit levé une compagnie plus nombreuse ques le autres chefs; et lorsqu'il se présenta devant le gouverneur militaire qui organisoit la troupe, celuici lui observa que sa compagnie ne devoit pas être plus nombreuse que les autres; le jeune homme s'obstina à vouloir garder sous son comимѣть подъ своимъ начальствомъ всѣхъ ему посльдовавшихъ. Когда Генераль сказаль, что этого никакъ не можетъ быть. Въ такомъ случав, отвычаль молодой человыкъ, я васъ оставляю. Въ самомъ дыль, отъ сыль на лошадь; и всы Татары ему послъдовали. Губернатору стоило многаго труда его уговорить и представить свои причины

Офицерь, съ которымь я путешествую, находился съ молодымъ Мустафою при осадъ Измаила; онъ мнъ сказывалъ, что, когда въ первый разъ сей молодой человъкъ услышалъ пушечной выстрълъ: то изъявилъ нъко-торое восхищенте. Храбрость Мустафы-Мурзы есть настоящая Татарская т. е. смъшенная съ яросттю: онъ явилъ въ своей храбрости многтя доказательства, начальствуя вассалами его отща. Впрочемъ его физгогномтя самая пртятная, и поступки его скрываютъ расположенте къ свиръпости.

Въ Перекопъ находишся ровъ и сшъна, называемая Перекопскими линіями, котпорая просшираешся ощь одного моря до другаго ш. е. длиною около мили. Когда Рускіе вошли въ Крымъ; що Турки и Татары, защищавшие сей городъ, собрали всъ свои силы позади сихъ линій; но Рускіе перещли въ бродъ море, и уже шогда были въ равъ

mandement tous ceux qui l'avoient suivi. Lorsque le général lui dit que décidément cela ne se pouvoit pas : « En ce cas là , répondit le « jeune homme , je m'en vais . » Effectivement , il monta à cheval. Tous ses Tartares le suivirent , et on eut beaucoup de peine à leur faire entendre raison.

L'officier avec lequel je voyage, s'est trouvé, il y a un an, au siège d'Ismaïl, avec le jeune Mustapha: il me dit que lorsque ce jeune homme entendit le canon, il éprouva une sorte de ravissement. Le courage de Mustapha, Murza est tel qu'on se représente celui d'un Tartare, c'est-à-dire mêlé de beaucoup de férocité: il en a donné plusieurs preuves dans sa conduite avec les vassaux de son père. Il a cependant la physionomie du monde la plus douce, et rien dans sa tournure n'indique les dispositions qu'on lui connoît.

Il y avoit à Perekop un fossé et une muraille, qu'on nommoit les lignes de Perekop, et qui s'étendoient d'une mer à l'autre, c'est-àdire, environ à une lieue de long. Lorsque les Russes entrèrent en Crimée, les Turcs et les Tartares qui la défendoient, avoient rassemblé toutes leurs forces derrière ces lignes; mais les Russes passèrent à gué la mer de houe, et se trouvèrent dans les plaines de

нинахъ Кафшы, когда Турки воображали, что еще Рускіе все находяться предъ ними.

Въ Перекопъ также есть удивительные матазины соляные; соль отправляють изъ горъ, продавая от короны всегда на многія тысячи рублей. Эту соль вынимають изъ соляныхъ озеръ, близь Перекопа находящихся: соль, сама по себъ, составляется на поверхности; ее собирають въ челночки, ежегодно нагружая болье двадцати тысячь телегъ; всякой можеть нагружать свою телегу за три рубли.

Въ ясное время, начиная съ Перекопа, открывающся Крымскія горы, т.е. въ растояніи около придцапи миль; мы прим впили полько ихъ еще за пять миль. Въ одной, или двухъ миляхъ ошт Перекопа, проъзжали мимо соленыхъ озеръ. Вся сшень, раздъляющая Перекопъ ошъ Ахмечетя, очень богата произраствниемь; но кромв видънныхъ до сихъ поръ мною, нъшъ другихъ полезныхъ живоппныхъ. Мы здёсь видёли на пажиппи верблюдовь, котпорые также еще намь попадались: впрочемъ не вспрвчали ни деревъ, ни жилья. Еспь причины, почему этпа страна кажется дикою, которая въ самомъ дълв не такова, этому полагающъ причиною опасенте Татарь, удаляющихся от большихь дорогь; что, когда дълають дорогу чрезъ одно изъ ихъ селеній: по они совстмъ перевозяться въ друCafta, lorsque les Turcs croyoient les avoir

Il y a à Perekop de prodigieux magasins de sel: on en voit des montagnes, et il s'en vend tous les jours pour plusieurs milliers de roubles pour le compte de la couronne. On tire ce sel des lacs salés voisins de cette ville: il se forme spontanément sur la surface; on le recueille dans des bateaux et on en charge annuellement plus de vingt mille chariots: chacun peut venir charger son chariot pour trois roubles.

Lorsque le temps est clair, on découvre les montagnes de Crimée, depuis Perekop; c'està-dire, à environ trente lieues de distance: nous ne commencames à les apercevoir qu'à cinq lieues plus loin; entre une et deux lieues de Perekop, nous passames dans le voisinage des lacs salés. Tout le steppe qui sépare Perekop d'Ach-Metchet est fort riche, quant à sa végétation, mais n'est guères plus peuplé d'animaux utiles que celui que j'ai vu jusqu'ici. Nous y vimes au pâturage les premiers chameaux que nous eussions encore rencontrés; d'ailleurs toujours ni arbres, ni habitations; il y a une raison pour que le pays paroisse plus désert qu'il ne l'est en effet; c'est que les Tartares craignent tellement le voisinage des grandes routes, que si l'on en fait passer une par un de leurs villages, ils le transpore

гое мѣсто. Дичи было въ виду нашей коляски гораздо болбе, нежели прежде. Мы отправились изъ Перекопа въ первомъ часу по полудни; ночь насъ застигла на послъдней станціи передъ Ахмечешемъ, или шакъ называемымъ Симферополемь, куда мы прівхали рано по ушру на другой день. Въ осьми миляхъ огнъ Ахмечентя, находинися столица Крыма; тамъ сцена совсъмъ перемъняется; тамъвы ходишь изъ степи, т. е. оставляещь для того единообразныя долины пажитей, чтобы войти въ ту страну, гдв находятся деревья, обрабоппанныя нивы и ручьи; это все еще долина. Ошсюда мы начали встръчаться, время отъ времени, съ Таппарскими пелегами, коппорыя возвращались въ городъ. Сти телеги, у коихъ оси и коробки деревянныя, никогда не подмазываются, такъ, что онъ производять ужасный скрипь; когда же Ташаръ спрашивающь, для чего они не подмазывающь сво ихъ тнелегь: то они отвъчають пословицею: у добраго человъка всегда скрыпишъ шелега, а увора никогда. Они въ пословицъ находятиъ довольно причинъ къ оправданію.

Ахмечень, (собственно значить бълая мечеть), городъ малозначущій; домы въ немь нискіе, а улицы тівсныя; онъ походить на городъ въ минюатюрь. Крымской Гражданской Губернаторъ имъсть въ Ахмечетъ свое пре-

tent en entier dans un autre endroit. Le gibier en vue de notre voiture étoit plus abondant que jamais, Nous étions partis de Perekop à une heure après midi, et la nuit nous prit à la dernière station avant Ach-Metchet, qu'on nomme aussi Sympheropol où nous arrivames le lendemain de bonne heure, A environ huit lieues d'Ach-Metchet, la capitale actuelle de la Crimée, la scène change; on sort du steppe, c'est-à-dire, qu'on quitte ces plaines uniformes de parturages, pour entrer dans un pays où il y a des arbres, de la culture et des ruisseaux; mais c'est de la plaine encore. Nous commencames dès-lors à dépasser de temps en temps des chariots tartares qui se rendoient à la ville. Ces chariots, dont les essieux et les boêtes sont en bois, ne sont jamais graisses, en sorte qu'ils crient horriblement; quand on représente à ces gens-là qu'ils devroient graisser leurs chariots; ils repondent par un proverbe qui dit, qu'il n'y a qu'un voleur qui cherche à cacher sa marche; et ils crovent vous avoir donné une bonne raison.

Ach-Metchet, dont le nom signifie mosquée blanche, est une ville peu considérable, les maisons y sont fort basses, et les rues étroites; elle a un peu l'air d'une ville en mignature. Le gouverneur civil de la Crimée y fait sa résidence, nous lui étions adressés, mais il s'est

бываніе; мы было хоптьли къ нему отпнестись; но онъ находился въ онисупиствии. Мы остановились у одного пріяшеля моего спушника. Докторъ Губернаторовъ приняль насъ съ гостепримствомь, достойнымь сихь странь, гдь оно очень уважаептся. Мы объдали вчера у дворянскаго предводишеля, котторой родомъ Грекъ. За объдомъ, кромъ хозяйки, другихъ дамъ не было; она не говорила по Француски. Здёсь неизвёстно еще употгреблеленіе практировь; ихъ заміняють кофейныя, вознаграждая недостатокъ трактировъ въ этой странь. Когда мы вошли въ кофейную, подали намъ подушки, чтобы сидъть на полу, съ поджатыми ногами. Когда же мы спросили Бешь: то намъ поставили на столь, въ футъ вышиною, небольшіе куски бараньяго мяса, полщиною въ дюймъ, вошкнушые на вершель, на котторомъ обыкновенно жарятть; въ пто же самое время подали намъ блюдо сарачинскаго пшена, потпомъ бараній хвость, хабов и водку. Кофе, поднесенный посль стола, быль очень густь и смышань съ накоторымъ количествомъ винограднаго соку, какъ пьютъ обыкновенно Таппары. Въ кофе не кладупъ ни сахару, ни сливокъ; пьють его изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ, подъ кошорыми есть другая мещаллическая чашечка, чтобы не обжечь пальцевь; ибо у нихъ нъшъ чайныхъ

trouvé absent. Nous avons planté le piquet chez un ami de mon compagnon de voyage, le médecin du gouverneur, qui nous a reçu avec une hospitalité digne de ces contrées, où elle est fort en honneur. Nous avons dîné hier chez le maréchal de la noblesse, qui est un Grec de naissance. Il n'y avoit de femme que la maîtresse de la maison et elle ne parle pas français. On ignore ici l'usage des auberges ; mais les cafés les remplacent jusqu'à un certain point Ce sont les restaurateurs de ce pays-ci. Quand nous sommes entrés dans un café, nous avons trouvé des carreaux pour nous asseoir à terre, les jambes croisées. Quand nous avons demandé à manger, on nous a apporté sur une table d'un pied de haut, des petits morceaux de viande de mouton, gros comme le bout du pouce, et encore fixés à la broche qui a servi à les rôtir: on nous a présenté en même temps un plat de riz surmonté d'une queue de mouton, du pain, et de l'eau-de-vie. Le café qu'on nous a apporté après ce repas-la, étoit fort épais et mélangé du marc, tel que les Tartares le boivent toujours. On n'y met ni sucre, ni crême, et on le sert dans des petites tasses de porcelaines au-dessous desquelles est une autre tasse de métal destinée à empêcher qu'on ne se brûle les doigts, car il n'y a pas de soucoupe. La pipe est de rigueur après dîner ; on

блюдичекъ. Послъ объда неотмънно слъдуетъ куреніе трубки; и вамъ тотчась подаюнть трубку, которую употребляють всв въ домъ. Татары принявъ такимъ образомъ иностранца, не назначають платы, а оставляюшь на произволь плашишь, что кому разсудитися: всякой, по выход в кладеть н всколько денегъ въ опредъленной ящичекъ. Это самое показываенть добросов вспыность и добросердечие Татаръ. Хозяинъ кофейной служитъ самъ, и очень хорошо разумћетъ то, что изъясняющь знаками. Татары удивительно привыкли къ сему способу изъясненія мыслей, не показывая пришомъ ни мальйшаго желанія насмъхаться надъ тьми, которые говорять съ ними такимъ образомъ.

Если гражданской Губернаторь, котораго ожидали нынь, не будеть завтра, то мы предпримемь пупь въ горы. Мы прогуливались сего утра въ окрестностяхъ города, очень пріятныхъ со стороны Салгира; руческь, которой другіе называють ръкою, протекаеть близь Ахмечетя. Въ окружностяхъ также находятся прекрасные сельскіе домики. vous en présente une qui a servi à toutes les pratiques de la maison. Ce qui caractérise la bonne foi et la bonhomie tartaré, c'est qu'après avoir recu l'étranger de cette manière, on s'en rapporte à son équité pour payer ce qu'il juge convenable: chacun met en sortant sa pièce de monnaie dans une cachemaille fermée. Le maître du café qui sert lui-même, entend fort bien ce qu'on lui explique par signe. Les Tartares paroissent extrêmement accoutumés à cette manière de s'exprimer, et ne montrent nulle envie de se moquer de ceux qui leur parlent ainsi.

Si le gouverneur civil, qu'on attendoit déjà aujourd'hui, n'arrive pas demain, nous prendrons le parti de faire, en attendant, une tournée dans les montagnes. Nous avons été ce matin nous promener dans les environs de la ville, qui sont fort jolis du côté du Salgir, ruisseau qui passe près d'Ach-Metchet et que les autres appellent un fleuve. Il y a aussi quelques jolies maisons de campagne dans les environs.

письмо ии.

Ахмечень, 4 Іюля 1808 года.

Вотъ мы уже возвращились изъ первой нашей повздки въ горы, которая продолжалась семь дней. Провзжая Ахмечеть, мы направили путь къ Юго-Западу, на Бакчиссарай, прежде-бывшую столицу Татарскихъ Хановъ. Проводникомъ служилъ намъ Грекъ, которой бывалъ также съ военнымъ Губернаторомъ, во время повздки его въ горахъ.

Мы оставили свою коляску въ Ахмечеть, и до самаго Бакчиссарая, восемь миль, ѣхали на почтовыхъ кибиткахъ, которыя употребляются во всей Россіи, и называются перекладными: это небольшія телеги о четырехъ колесахъ, открытыя и надегко сдѣланныя. Двоимъ на нихъ трудно усъсться. Онъ ужасно тряски. Въ нихъ запрягаютъ по три лошади рядомъ; ѣздятъ же рысью.

Хотя страна сія, въ виду дороги, не степь; однако она по большой части еще не обработана: зд'єсь и тамъ растущіе тополы и дубы показывають плодородную пошву.

LETTRE III.

Ach-Metchet, le 4 Juillet 1808.

Nous voici de retour de notre première tournée dans les montagnes, qui a employé sept jours. En partant d'Ach-Metchet nous nous dirigeames vers le Sud-Ouest, sur Batchessarai, autrefois la résidence du Khan des Tartares; nous avions un guide Grec, qui avoit déjà été employé par le gouverneur militaire pour des courses dans les montagnes.

Nous avions laissé notre calèche à Ach-Metchet, et nous allames jusqu'à Batchessarai, à huit lieues de là, sur des chariots de poste en usage dans toute la Russie; ou les nomme perecladnoy: ce sont des petits chars à quatre roues découverts, très-courts, légèrement et grossièrement construits, sur lesquels il est difficile de se mettre deux, et qui secoue horriblement le voyageur. On y attèle trois chevaux de front et l'on chemine grand train.

Le pays en vue de cette route n'est pas steppe, mais est encore inculte pour la plus grande partie: les peupliers et les chênes qu'on y voit cà et là, indiquent une terre féconde. Никакъ не примъчая, вдругъ прітажаещь къ самому Бакчисараю. Товарищъ мой, которой уже быль въ семъ городѣ; и предвидя мое удивленіе, сказаль мнѣ тогда, когда мы уже находились близь города:
видите ли тамъ въ низу, на небосклонѣ верхи
Бакчисарскихъ мечетей? Лишь только я обратилъ глаза, то увидѣлъ вдругъ подъ ногами городъ; мы были на высоттѣ Бакчисара,
и внизу, родъ нѣкоторой пропасти.

Улицы въ семъ городъ тъснъе Ахмечеттскихъ: шириною онъ не болье семи, или осьми футовъ. Въ нихъ только живутъ Татары и ножевые мастера. Большая часть домовъ похожи на лачуги, въ коихъ видны ножевщики, которые сидятъ, поджавъ ноги, и кують въ семъ положенти; иначе имъ не возможно было бы достать станка; сполько-то они низки. Ихъ ножевыя лезвей очень славятся. Татарамъ извъстна тайна закалывать жельзо; послъдствте отъ сей закалки удивительное; но, можетъ бытъ, оно состомить въ качествъ воды.

Какъ мы очень любоны пствовали видъть дворецъ древнихъ Хановъ; то и пошли пъшкомъ къ опредъленному для смотрънія за нимъ чиновнику. Сей дворецъ походитъ не много на карточной домъ: онъ раскращенъ

On arrive jusqu'auprès de Batchessaraï sans le découvrir. Mon compagnon de voyage qui y avoit été, et qui prévoyoit mon étonnement, me dit lorsque nous fûmes tout près de la ville: «Ne découvrez-vous pas là-bas dans l'horison «les pointes des mosquées de Batchessaraï?» Je regardais de tous mes yeux quand tout-à-coup j'apercus la ville sous mes 'pieds: nous étions sur la hauteur et Batchessaraï et au bas d'une espèce de précipice.

Les rues en sont encore plus étroites que celles d'Ach-Metchet:ce ne sont que des ruelles de sept à huit pieds de large. C'est une ville toute habitée par des Tartares, occupés de la coutellerie. La plupart des maisons ne sont que des barraques, où l'on voit des couteliers assis les jambes croisées, et qui forgent dans cette attitude; il leur seroit impossible de se tenir de bout dans leurs atteliers tant ils sont bas. Leurs lames de couteaux ont beaucoup de réputation: les Tartares ont des procédés pour tremper le fer, dont ils font un secret; le résultat en est admirable, mais il tient peut-être beaucoup à la qualité des eaux.

Comme nous étions curieux de voir le palais des anciens Khans, nous mîmes pied à terre chez un major retiré, qui est chargé de le soigner. Ce palais à un peu l'air d'un château de carte: il est peint en rouge, bleu, noir, et

красною, синею, черною и другими яркими красками; въ немъ есть многіе внутренніе переходы — въ каждомъ изъ нихъ есть водоемъ, которой тамъ, по крайней мъръ дълаетъ воздухъ пріяшнымъ. Въ нѣкошорыхъ покояхъ находящся водомены, которые открывають попроизволенію. Хоппя дворецъ не великъ; однако совершенно походить на лабиринть, гдъ нуженъ проводникъ; тупъ находится великое число маленькихъ лесницъ, деревянныхъ галлерей странной архитектуры. Мы видъли диванную залу и галлерею, гд Ханъ присупсствоваль въ совъть, не бывъ видимъ. Каждое спекло въ окнъ имъепъ особенной цвъпъ. При входъ во дворецъ, надъ большою дверью, находится родъ стекляннаго шкафа, въ которомъ выставлялись на показъ головы, которыя Ханъ за благо судиль рубить. Мы примьшили на ствнахъ нвкоторыхъ внутреннихъ покоевъ живопись алфреско, очень грубую, безъ птви и перспективы; на одной изъ сихъ каршинъ написаны тополы, которые на каршинъ были меньше вооруженныхъ людей. Мы видъли также въ окружности дворца прекраснъйшій садъ, (въ миніатурь), наполненный разныхъ родовъ плодовишыми деревьями. У одного только Хана находился ключь ошь сего сада.

Мой товарицъ склонилъ меня потомъ итти посмотръть, въмилъ отъ Баккчиссари,

autres couleurs tranchées; il a plusieurs cours intérieures, dans chacune desquelles il y a une fontaine, au moins, qui y entretient une fraîcheur agréable: dans quelques-uns des appartemens mêmes, il v a des jets-d'eau qu'on ouvre à volonté. Quoique le palais ne soit pas grand, c'est un vrai labyrinthe, où l'on a besoin d'un guide: il y a un grand nombre de petits escaliers, de galeries de bois d'une construction bizarre. Nous vîmes la sale du divan, et la galerie, d'où le Khan assistoit à son conseil, sans pouvoir être vu. Chaque carreau de vitre des fenêtres de cette salle a une couleur particulière. A l'entrée du palais au-dessus de la grande porte, est une espèce d'armoire vitrée dans laquelle on exposoit aux regards du public, les têtes que le Khan jugeoit à propos de faire couper. Nous remarquames sur les murs de quelques appartemens intérieurs, des peintures à la fresque, très-grossières, sans ombres, ni perspective: il y avoit sur le devant d'un de ces tableaux des peupliers moins grands que des hommes qui étoient sous les armes, dans le fond du tableau. Nous vîmes encore dans l'enceinte du palais, un fort joli jardin, en miniature, remplis de fruits de toutes espèces. Le Khan seul en avoit la clef.

Mon compagnon de voyage m'engagea ensuite à aller visiter un endroit fort curieux à

очень любопышное мъсто - Юфуть-Кале, или Жидовскую кр пость. Это маленькой городокъ, построенной на веримив возвышенной скалы, которой населенъ одною сектою Жидовъ, называемою Карай-Жарди, или черными Жидами, Я Бхалъ верхомъ съ Ташарскимъ проводникомъ. Достигнувъ покатости горы, на вершинъ коей находишся сей городокъ, я примъшилъ пространную и высокую пещеру, вырынную въ скалъ, до конторой, казалось, никакъ нельзя было дойти: она походила на ласточкино гнъздо. Когда мы достигли подошвы очень круппаго уппеса, я взглянуль вверхъ, не понимая, гдъ мы пройдемъ съ своими лошадьми. Мой проводникъ, посмъявшись надъ моимъ замвшательствомъ, указалъ мнв излучистую тропинку, по которой на добно было ишши пъшкомъ и весши подъ узцы нащихъ дошадей. Нъкоторые изъ домовъ построены на покатости пропасти. Въ кръпость входяшь однимь шолько проходомь, кошорой, по произволенію, запирается жел взною дверью тогда тысяча человькъ могуть зашищать кръпость противъ всъхъ Россійскихъ войскъ. На вершинъ скалы есть долина, около мили въ окружноспи, которая чрезвычайно плодоносна: здёсь видны также прекрасные дубовые лъса; мой товарицъ прежде заправиль здёсь оленя.

une lieue de Batchessaraï, nommé Juffut-Calé, ou la forteresse des Juifs. C'est un petit village bati sur le sommet d'un rocher elevé, et uniquement occupé par une secte de Juis appellés Karay Jardi, ou Juifs noirs. J'étois à cheval avec un guide Tartare. Arrivé sur le penchant de la montagne, au sommet de laquelle est ce village, je remarquai un hermitage creusé dans le roc à une grande hauteur, et auquel il paroissoit impossible de parvenir : cela avoit l'air d'un nid d'hirondelle. Lorsque nous fûmes au pied d'un rocher très-escarpé, je regardais audessus de moi sans trop comprendre, par où nous allions passer avec nos chevaux. Mon guide après s'être amusé de mon embaras, me montra un petit sentier qui montoit en zig-zag, et tellement étroit que nous fûmes obligés de mettre pied à terre, et de mener nos chevaux par la bride. Quelques-unes des maisons du village sont bâties de manière à ce qu'elles sur-plombent le précipice. On parvient à la forteresse par un endroit qui est seul accessible, et qui se ferme à volonté avec une porte de fer; et alors mille hommes se défendroient là-dedans contre toutes les forces de la Russie. Il y a au haut du rocher une plaine d'environ une lieue de tour, qui est extrêmement fertile: on y voit aussi de beaux bois de chêne; mon compagnon de voyage y a chassé le cerf l'année dernière.

Жиды этого селенья носять Татарское платье; домы ихъ построены на подобіе Татарскихъ. Однако примѣтно здѣсь то, чего у послѣднихъ нѣтъ; женщины у сихъ Жидовъ не скрываются, какъ въ Бакчисарїи, гдѣ не видно на улицѣ ни одной женщины. Въ Ахмечетѣ же вездѣ видимъ Жидовокъ. Когда на дорогѣ случалось намъ повстрѣчаться съ женщинами, то онѣ закрывались, и отворачивались.

Видъ, начиная съ Юфіпъ-Кале, очень обширенъ со стороны уеста; къ полдню и къ Востоку граничится онъ высокими горами. Жители сего мѣста рѣдко показываются, и живутъ какъ будто отдѣльно отъ прочихъ людей.

Побывавь въ Бакчисарїи, побхали мы верхомь въ Севастополь, и переночевали въ мызъ Гжи Паллась, супруги славнаго Доктора Палласа, которая живеть въ разлукъ съ своимъ мужемъ. Долина, въ которой находится сте помѣстье, есть одна изъ прекраснѣйшихъ во всемъ Крыму; прозябенте здѣсь удивительно сильно; также есть дерева, а особливо орѣховыя чрезвычайнаго размѣра. Отплогость горы усѣяна дубовыми кустарниками, коихъ видъ немного однообразенъ; однако глубина долины усѣяна прекрасными плодовитыми садами. На половинѣ дороги между Бакчисартею и симъ помѣстьемъ, остановились мы у одного Les Juiss de ce village portent le vêtement tartare, et leurs maisons sont bâties comme celles de cette dernière nation. On s'apercoit cependant qu'on n'est pas chez des Tartares, parce que les semmes ne s'y cachent pas, au lieu qu'à Batchessaraï, on n'en voit aucune dans les rues. A Ach-Metchet, on ne voit en public que les Juives, et sur la route, quand il nous arrivoit de recnontrer des semmes elles se voiloient, ou se détournoient soigneusement.

La vue, depuis Juffut-Calé, est très-étendue du côté de l'ouest: au midi et à l'est, elle est bornée par des montagnes plus élevées. Les habitans de cet endroit en sortent rarement, et vivent comme séparés du reste du monde.

Après que nous fûmes redescendus à Batchessaraï, nous partîmes à cheval pour Sebastopol, et allâmes coucher dans une terre de Mad. Pallas, la femme du célèbre docteur de ce nom, qui vit séparée de son mari. La vallée dans laquelle cette terre est située, est une des plus belles de la Crimée; la végétation y est d'une vigueur étonnante; il y a des arbres, et surtout des noyers, dont les dimensions sont prodigieuses. La pente des montagnes est tapissée de broussailles de chênes, dont l'aspect est un peu monotone, mais le fond de la vallée est garni de beaux vergers. A moitié chemin, entre Batchessaraï et cette terre, nous

Ташарина, Измаила Бея. Хозяина не было дома, и мы вельли сказащь его жень, что бы намы подали вств. Она отпевчала намы, что мы пришли очень кы спати, и прислала бараній хвость, приготовленный вы Сарачинскомы пшень, копченой рыбы и водки. Прогуливаясь вы саду, находящемся близь дома, примытиль я сквозь ставни окошка, двухы женщинь, котторыхы я почелы за жену и дочь Измаила Бея. Какы оны смотрыли на меня сы любопытнымы видомы, то я почелы за долгы сдылать имы мое почтене; оны тотчась скрылись и болые уже не показывались. Я видыль только верхнюю часть лица, потому что подбородокы обернуты быль быль быльты покрываломы.

Спросить ў Татарина о жень его, или дочери, есть величайшая обида, какую только можно ему сдылать. Они положили за правило не говорить о честной женщины ни худа, ни добра. Татары, какы и другіе мусульмане имыють столько у себя жень, что не могуть во всякой дать отчета. Сін затворницы живуть вы покояхь, совершенно отдыльныхь, называемыхь, такь какь и вы Турціи, гаремомь.

При наступленти ночи возвратились мы къ Гжѣ Паллась; однако ее не было дома. Мы видѣли ее въ Ахмечетъ; она просила насъ за-ъхать къ ней въ загородной домъ. Сказав-

nous arrêtâmes chez un Tartare nomme Ismaël Bey. Le maître de la maison étoit absent, et nous sîmes dire à sa femme que nous désirions manger. Elle nous fit répondre que nous étions les bien-venus, et elle nous envoya du riz une queue de mouton, du poisson fumé, et de l'eaude-vie. En me promenant dans un verger qui est auprès de la maison, j'apercus à travers les barreaux d'une fenêtre, deux semmes, que je pris pour la femme et la fille d'Ismaël Bey. Comme elles me fixoient d'un air de curiosité, je crus qu'il m'étoit permis de les saluer : mais alors elles se retirèrent précipitamment et ne parurent plus. Je ne pus voir que le haut de leur visage, parceque leur menton étoit enveloppé d'un voile blanc.

La plus grande injure qu'on puisse faire à un Seigneur Tartare, c'est de lui demander des nouvelles de sa femme, ou de sa fille: ils ont pour principe qu'on ne doit parler d'une honnête femme ni en bien, ni en mal; les Tartares, ainsi que les autres musulmans, ont autant de femmes qu'ils en peuvent entretenir. Ces femmes vivent dans des appartemens absolument séparés, qu'on nomme aussi le harem, comme en Turquie.

Nous arrivames à l'entrée de la nuit chez Mad. Pallas ; elle n'y étoit pas ; nous l'avions vue à Ach-Metchet, et elle nous avoit engagé

шись ея именемь, мы были приняшы ея людьми съ оттивннымъ гостепримствомъ. На другой день пробхавъ пять миль, перемвнили лошадей въ одномъ домь, въ котпоромъ жило одно семейство Агличанъ, находившееся тогда въ Севастополъ. Сей домъ построенъ близь одного развалившагося замка, отть коттораго уцълъла одна только башня. Мы были въ ней; она теперь служить анбаромъ, и на ней еще видны шесть малыхъ чугунныхъ пушекъ, поставленныхъ на зубцахъ. Въ трехъ миляхъ отъ Севастополя выбажаещь изъ гористой части въ безплодную степь. Мы проъзжали мимо развалинъ древняго и знамениmaro Херсоня, Гераклійской колоніи, котюрая въроящно простиралась до того мъста, гдь нынь Балаклава. На пространствь сего мъста видно очень мало развалинъ; однако еще примъпны мостовыя улицъ. Севастополь построенъ изъ матерјаловъ сего древняго города, которой самое время чипило.

Морская пристань ни въ чемъ не сходствуетъ съ другими городами Крыма; она болъе похожа на Аглинской городъ; домы выстроены прочно; и жителей кажется довольное число. Она снабжена всемъ тъмъ, что принадлежитъ до морскато флота, коего сїя пристань есть главный магазинъ на сихъ водахъ. à entrer dans sa maison de campagne. En nous réclamant d'elle, nous fûmes accueillis avec beaucoup d'hospitalité par ses gens. Le lendemain, après avoir fait cinq lieues, nous changeames de chevaux à une maison habitée par une famille Anglaise, qui étoit pour lors à Sébastopol. Cette maison est hâtie près d'un château ruiné, dont il ne subsiste plus qu'une tour. Nous la visitames; elle sert maintenant de grenier et l'on y voit encore six petits canons de fonte, places dans les crénaux. On sort, à trois lieues de Sébastopol, de la partie montueuse, pour rentrer dans un steppe fort ingrat. On passe sur les ruines de l'ancienne et celèbre Cherson, colonie d'Héracliens, qui s'étendoit probablement jusqu'à l'endroit qu'occupe aujourd'hui Balaclava. On voit fort peu de ruines sur le terrain, mais le pavé des rues est encore indiqué: Sébastopol à été bâti avec les matériaux de cette ancienne ville que le temps a respecté.

Ce port de mer ne ressemble en rien aux autres villes de Crimée: il a plutôt l'air d'une ville anglaise: les maisons sont proprement construites, et la population paroît assez considérable. Elle est surtout composée de ce qui tient à la marine impériale, dont ce port est le principal dépôt dans ces parages.

Самая пристань Севастопольская есть одна изъ прекраснъйшихъ, которую природа образовала. Входъ въ нее узокъ, а внутренность раздъляется на пять бухтъ, равно удобныхъ и безопасныхъ. Укладка пристани глубока; въ ней нечего бояться вътра, помъщая сто линейныхъ кораблей. Я былъ на нъкоторыхъ вооруженныхъ корабляхъ, между прочими на 110 пушечномъ, которой находился отъ берега на нъсколько тоазовъ. Съ другой стороны Севастополя есть еще одна рейда, въ которой корабли могутъ быть также безопасны.

Я объдаль у Капишана, коего жена воспитана въ Женевъ; она приняла насъ очень учтиво. Мы отправились тогоже дня изъ Севастополя, чтобы остановиться переночевань въ Балаклавъ (прежде Цембало), въ чепырехъ миляхъ опісюда споящаго на западномъ краю цъпи Крымскихъ горъ. Сей городъ населенъ полько Греками, причитенными въ полкъ: однако у нихъ есть жены и дъти. Мы нашли ихъ на праздникъ. Они давали балъ Капиппанъ-Исправнику, или убздному начальнику, котпорой самъ былъ изъ Грековъ, и объ-Взжаль свой увздъ. Узнавъ объ немъ, мы пошли прямо на баль, тдв онъ находился. Все было забавно на ихъ праздникъ. По нъкоторой родъ лъстницы, пришли мы вь бальную

Le port même de Sébastopol, est un des plus beaux que la nature ait formés, l'entree en est étroite et l'intérieur se divise en cinq anses également commodes et sûres. L'encaissement du port est profond; on n'y a à craindre aucun vent, et il pourroit contenir cent vaisseaux de ligne. J'en visitai quelques-uns qui étoient armés, entr'autres un de cent dix canons, et qui n'étoit qu'à quelques toises du ri age. Il y a encore de l'autre côté de Sépastopol une rade dans laquelle les vaisseaux sont en toute sûreté.

Je dinai chez le capitaine du port dont la femme a été élevée à Genève, et qui nous recut de la manière la plus aimable. Nous repartimes le même jour de Sébastopol pour aller coucher à Balaclava, autrefois Cembalo, à quatre lieues de là, et qui est située à l'extrémité occidentale de la chaîne des montagnes de Crimée. Cette ville est uniquement habitée par des Grecs enrégimentés pour le service des côtes: ils y ont leurs femmes et leurs enfans. Nous les trouvâmes en fête. On donnoit un bal au Capitaine Ispravnik, ou chef du district qui est lui-même un Grec, et qui faisoit sa tournée. Nous le connoissions et nous allâmes droit au bal où il étoit. Tout étoit burlesque dans le matériel de la fête. Nous parvînmes par une espèce d'échelle dans la salle du bal, où deux ménétriers racloient à tour de bras; mais

залу, гдф двое гудильшиковъ гудьли на своихъ инспрументахъ; однако наше появленте прервало танцы, и мы никакъ не могли уговорить ихъ, чтобы они опять начали танцовать. Мущины носили мундиръ довольно странный, состоящий въ маленькомъ полукафтань въ шараварахъ краснаго сукна и въ черныхъ сшиблешахь; на голов' была у нихъ маленькая мъдная каска съ перышкомъ. На женщинахъ видно было древнее Греческое платье, какому нын в подражають; од вян е ихъ двлаетъ ляжки очень полстыми, и очень сходствуеть съ древнимъ Францускимъ од Бянїемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ носили на головъ красной платокъ; а другія маленькіе колпаки худаго вкуса. Намъ подали прубки; однако мы не взяли ихъ; пошому что уже въ комнаттъ носилось густое облако табачнаго дыма. Старой Маїоръ захошѣль вести нась къ себъпереночевать; акакъ ужина надобно было долго ждань, а пришомъ же мы чрезвычайно ушомились: по и заснули всъ двое, разговаривая съ нашимъ хозяиномъ. Около одинадцани часовъ вечера онъ насъ разбудилъ, подавая супъ изъ крапивы, котпорато мы не могли Бсть. Онъ этому очень удивился, увъряя насъ, что супъ долженъ бынь хорошъ. Възамвну эшаго, мы повли прекрасной рыбы. Хозяинъ нашъ заставиль нась силою пить водку; и мы заснули глубокимъ сномъ на его канапъ.

notre apparition suspendit la danse, et nous ne pûmes pas les engager à recommencer. Les hommes portoient un uniforme assez bizarre, consistant en une petite veste, d'enormes culottes de drap rouge, et des guêtres noires; sur la tête un petit casque de cuir avec une plume légère. Le costume des femmes n'étoit rien moins que grec antique, tel qu'on l'imite aujourd'hui; leur vêtement leur faisoit les hanches très-larges et ressembloit à l'ancien costume français: quelques-unes avoient des mouchoirs rouges autour de la tête, et d'autes des petits bonnets de mauvais goût. On nous offrit des pipes et nous ne nous fimes pas de scrupule de les accepter, car il y avoit dejà un nuage épais de fumée dans la chambre. Un ancien major voulut nous emmener coucher chez lui, et comme le souper se faisoit attendre, et que nous avions fait une journée extrêmement fatiguante, nous nous endormimes tous les deux en faisant la conversation avec notre hôte. Vers les onze heures du soir il nous réveilla pour nous présenter de la soupe aux orties que nous ne pûmes pas manger: il en fut fort étonné et il nous affirmoit que cette soupe devoit être bonne. Nous nous vengeames sur du poisson excellent. Il nous fit boire force eau-de-vie par là-dessus, et nous dormimes d'un profond sommeil sur son canapé.

Чтобы лучше судить о положеній Балаклавы, на другой день мы объвзжали ел окрестности. Положение сего городка очень замѣчательно. Городъ построенъ въ одной впадинъ, между скалами, возвышающимися на краю глубокаго морскаго залива; и входъ въ него очень птесенъ. Сильнейшие вепры едва могушъ всколебать поверхность воды въ семъ заливѣ; однако удивишельно было бы, безъ трудности входа, чтобы подводные камни дълали его опаснымъ. Выше города есть развалившаяся крвпостца, которую Генуезцы употребляли для наблюденія издалека, что происходишъ на моръ. Городъ окруженъ скалами, составляющими сей берегь. Въ Балаклавѣ нѣшъ совершенно шорговли; въ гавани не видно ни одной шлюбки.

Выбхавъ изъ Балаклавы, миновали мы гору, отдълявшую насъ отъ прекрасной долины Байдарской, одной изъ плодоносибитихъ и лучше обработанныхъ въ Крыму. Прозябенте тамъ очень сильно. Мы видъли тамъ гордые дубы, и притомъ въ великомъ числъ. Въ этой долинъ окончилось путешествте Императрицы Екатерины, когда Она объбзжала Крымъ съ Княземъ Потемкинымъ. И какъ она желала видъть всё своими глазами: то и сама назначила дорогу, по которой хотъла бхать въ сто новую губернтю. Мы останови-

Le lendemain nous sîmes un tour pour juger de la position de Balaclava. Elle est très remarquable. La ville est bâtie dans un ensoncement entre les rochers élevés au bord d'un golse profond et dont l'entrée est sort étroite : les vents les plus violents peuvent à peine rider la surface de l'eau dans ce port : il seroit admirable sans la difficulté de son entrée , que les écueils rendent dangereuse. Il y a au-dessus de la ville un fort ruiné , que les Génois employoient à observer au loin ce qui se passoit en mer. Celle-ci bat contre les rochers qui forment cette côte. Il n'y a absolument aucun commerce à Balaclava, et on n'y voit pas seulement une chaloupe dans le port.

En quittant Balaclava nous passames une montagne qui nous séparoit de la belle vallée de Baïdar, une des plus fertiles et des mieux cultivées de la Crimée. La végétation y est trèsvigoureuse. Nous y vîmes des chênes superbes et en grand nombre. C'est dans cette vallée que se termina le voyage de l'Impératrice Catherine, lorsqu'elle visita la Crimée avec le Prince Potemkin. Comme elle avoit voulu tout voir par ses yeux, elle avoit tracé elle-même la route qu'elle vouloit suivre dans cette nouvelle province. L'Impératrice jugea très-favo-

лись у одного Таппарина, котпорой изжариль намъ форелей върыбьемъ жиру, а вмъстю нишья подаль заквашеннаго кобыльяго молока. Не могу сказашь, хорошо ли оно, а особливо въ первой разъ, какъ мы его пили; впрочемъ сїе молоко прохладишельно. Хозяинъ нашъ, когда вошель въ комнату, въ которой мы сидьли на коврахь, старался почтишельно снять свою обувь. Мы тамъ видъли одинъ изъ сихъ ковровъ грубой работы, которые ділають въ Евтапоріи, просто сваливая шерсть, безъ шканья. Мы взяли друтихъ лошадей въ семъ мѣспів, и начали восходишь на гору, которая еще от дъляла насъ отъ берега, называемаго полуденнымъ; но которая идетъ отъ Севъро-Востока на Юго-Западъ. Достигши сквозь лѣсъ, состоящій изъ буковъ и елей, вершины горы, мы увидъли вдругъ море, отъ котораго от дълены были пропастиями. Я спросилъ нашего проводника: надъется ли онъ провести насъ чрезъ это мъсию. Онъ мив оппввчаль, вы сами мив сказали, что родились въ гористой странь; слъдовашельно вамъ нечего болщься этой дороги, по котпорой мы пойдемъ.,, Въ то самое время онъ указаль намъ пропину, высъченную въ каменной скаль, которую называють: тропинка лъстичная. Она была столь узка и уппесиста, что я не думалъ свести по

rablement de la prospérité et de la population de la Tauride. Nous bûmes de l'eau de la fontaine auprès de laquelle l'Impératrice s'étoit reposée sous des tentes qu'on avoit dressées pour elle. La rivière d'Uzen, qui arrose cette vallée et qui coule du sud-est, au sud-ouest, fournit de très-bonnes truites. Les Tartares ont une singulière adresse pour prendre ces poissons. J'en vis un qui guêtoit les truites dans l'eau, il soulevoit les pierres, et lorsque la truite vouloit s'échapper, il s'élancoit dessus, la saisissoit et la jetoit hors de l'eau : rarement il manquoit son coup. Nous vimes sur pied de riches moissons de froment, de seigle et d'orge, et un grand nombre de chevaux paissans dans les prairies déjà fauchées. Nous nous arrêtâmes chez un Tartare qui nous fit frire des truites dans de l'huile de poisson, et nous donna pour boisson du lait de jument déjà sermenté. Je ne puis pas dire qu'il soit bon, surtout à la premiére fois qu'on en boit, mais il est singulierement rafraichissant. Notre hote avoit grand soin d'ôter respectueusement ses sandales, lorsqu'il entroit dans la chambre, où nous étions assis sur des carreaux. Nous vîmes-là un de ces tapis grossiers qu'on fait à Eutaporia, par la simple opération de fouler la laine, et qui n'ont point de tissu. Nous primes d'autres chevaux dans cet endroit, et commencames à

пей лошадей нашихъ. Однако, полагаясь на вожащаго, мы пошли пъшкомъ, ведя каждый свою лошадь. По мірі того, какъ мы подвигались впередъ, піропинка становилась уже и утпесистве; этпа была дорога столь твеная и крушая, что мы принуждены были садиться для того на каждой спіупени, дабы взобраться на другую. Чтобы принудить сойти лошадей; надлежало тащить ихъ за узду, когда же я оглянулся назадъ, то мнъ показалось, что она стащить меня на верхъ. Впрочемъ птуптъ не видно большой опасности для пуппешественниковъ; полько надобно осторожиће спускашься; потому что хотя бы кто и оступился: и его бы удержали вы давшіяся мѣста на скалъ. Надобно, чтобы у лошадей быль в врной шагь; а иначе можно сломишь се-6th шею. Когда мы уже находились въ низу тропинки, на нѣкоторой родъ площадкѣ, и когда посмотръли на стремнину, котторую лишь шолько перешли, и кошорая имбла верхь совершенно перпендикулярной; по едва могли ув риппься, что ее уже миновали. На этой площадкъ съли мы на лошадей и стали пробирашься далбе по линіи горь, имбя по лбвую сторону рядъ утесистыхъ высокихъ горъ, верхи котпорыхъ скрывались въ облакахъ; а по правую опплогость, довольно покатистую, копторая простиралась до самаго моря, буду-

monter la montagne qui nous séparoit encore de la partie appelée côte méridionale, mais qui court du nord-est au sud-onest. Parvenus sur le sommet de la montagne au travers d'une belle forêt de hêtres et de sapins, nous vîmes tout-à-coup devant nous le spectacle de la mer, dont nous étions séparés par des précipices. Je demandai à notre guide s'il comptoit nous faire passer par-la. Il me repondit: «Vous m'avez dit que vous étiez né dans un pays de montagnes; vous ne vous effrayerez pas de la route que nous allons suivre.» Il nous montra en même temps un sentier taillé dans le roc, et qu'on nomme le sentier de l'échelle. Il étoit si étroit et si escarpé, que je doutai qu'il fût possible à nos chevaux d'y descendre. Cependant, sur la foi de notre guide nous nous y acheminames, après avoir mis pied à terre, et chacun de nous menant son cheval en main. A mesure que nous avancions le sentier devenoit plus resserré, et plus escarpé, ce n'étoit plus que des marches étroites et si élevées, que nous étions obligés de nous asseoir sur chaque degré, pour nous laisser glisser sur le suivant. Il falloit tirer nos chevaux par la bride pour les forcer à descendre; et quand je regardois en arrière, il me sembloit toujours que le cheval m'alloit tomber dessus. Il n'y avoit pas précisément de danger pour les hommes, pour peu que l'on descendît avec

чи столь гладка, какъ ледъ. Мы продолжали пушь по узенькой шропинкв, размышой дождями — и сей переходъ быль не безъ труда; потому что хоппя бы лошади наши мало спошкнулись, то мы покапились бы прямо въ хрящеватую и крутоярую стремнину, разстпояніемъ на сто шаговъ. При всемъ тюмъ, лоша ди наши показали столько опытовъ своей швердосши, что мы безбоязненно предались на волю сихъ превосходныхъ живоппныхъ. Чъмъ болбе приближались мы къ спремнинъ, ведущей къ морю, шты болбе становилась она пріятиве, зеленистве, покрыта будучи всякаго рода плодовишьми деревьями. Вечеромъ прі тран мы въ деревню, гдт испросили спіраннопріимства у Моллы, которой возв'яшаеть Мусульманамь на минареш в часъ молишвы. Въ городахъ минарешы у мечешей ничто иное еспь, какъ маленькая башня, возвышающаяся надъ домами, шакъ чшо издалека можно видеть и слышать Моллу. Въ деревняхъ же минарешы состоять въ площадкъ съ нъсколькими ступенями, на котпорой стпановитися Молла — и кричинъ. Мечеть , находящаяся въ сторон в отъ минарета, есть не большой домикъ, продолговатой фигуры, и какъ обыкновенно — полуразвалившійся. На каждой могиль кладупть камень грубо высъченный, котпорой ежели мущина лежишь, представляеть чалprécaution, parce que si l'on faisoit un faux pas, on étoit retenu par les saillies du rocher; mais il faut que ces chevaux aient le pied d'une sûreté étonnante, pour ne pas se rompre le cou mille fois. Lorsque nous fumes au bas du sentier, sur une platte-forme, et que nous regardames le précipice que nous venions de descendre, et qui avoit l'air extrêmement à pic, nous pouvions à peine nous persuader que nous y avions passés. Nous remontâmes à cheval sur cette platte-forme et nous commençames à longer la ligne des montagnes, ayant à gauche une ligne de rochers à pics dont les sommités se perdoient dans les nues, et à droite une pente assez rapide qui s'étendoit jusqu'à la mer, que nous voyions alors unie comme une glace. Nous cheminames sur un sentier étroit que les pluies avoient degrade, ce n'étoit pas sans danger, car pour peu que nos chevaux eussent bronché, nous aurions roulé dans des pentes de gravier escarpées l'espace d'une centaine de pas. Mais nos chevaux nous avoient déjà donné de telles preuves de solidité, que nous nous abandonnions sans crainte à ces excellens animaux. A mesure que nous avancions, la pente qui conduisoit à la mer, devenoit plus douce, mieux gazonnée, et couverte de toutes sortes d'arbres fruitiers. Nous arrivames le soir dans un village où nous de-

му, а ежели женщина, то простой безъ всякой резьбы. Крикъ, коимъ Молла зовешъ къ молишвь чешыре раза въ день, замъняешъ у Таппаръ часы; да впрочемъ они, кромъ эшаго крику, другихъ часовъ не признаютъ. Когда мы прівхали, вожатой нашь повестиль о себь, по обыкновенію такъ: я з д всь. (Онъ уже быль извъстенъ во всей этой странъ.) Татары оппвани: добро пожаловать. Топпчась они начали суеппиться, чтобы доставить намъ все нужное. Такимъ образомъ принимали насъ во всёхъ Таппарскихъ деревняхъ. Обыкновенно кушанье наше состояло изъ пѣтуха, варенаго въ кисломъ молокъ и приправленнаго пряными кореньями, изъ бараньяго хвоста, ежели можно было его достать; потому что хвость почитается у нихъ роскошью, и одинъ стоишь около прешьей доли целато барана. Хвость ихъ барановъ очень бываетъ толсть; этпо кусокъ пріятнаго жиру, совершенно безъ мяса; Ташары грызушь его шакъ какъ яблоко. Они не понимали, почему мы не отдаемъ чести сему кушанью, котпорое почиппаетися у нихъ величайщимъ угощениемъ. Они шакже подавали намъ пънку съ кипяченаго кобылья молока. Они поджаривъ ее, дълали куски, и мы Бли ихъ съ хлъбомъ, какъ масло. Медь, но большой часши, входиль въ наше кушанье; онь экусень и духовинь.

mandames l'hospitalité au Mollah: c'est celui qui annonce aux Musulmans l'heure de la prière sur le minaret. Dans les villes, les minarets des mosquées sont une petite tour qui domine les maisons, de manière à ce qu'on puisse voir et entendre le mollah de loin. Mais dans les villages, le minaret consiste seulement en quelques marches terminées par une petite platteforme sur laquelle le Mollah se place pour crier. La mosquée, qui est à côté du minaret est une très-petite maison d'une forme oblongue, et ordinairement à demi ruinée. A côté de la mosquée est le cimetière. Sur chaque tombeau d'homme on place une pierre grossièrement sculptée, qui représente un turban: sur les tombeaux des femmes on place simplement une pierre debout sans aucune sculpture. Les cris par lesquels le mollah appelle à la prière quatre fois par jour servent d'horloge aux Tartares, et ils n'en connoissent pas d'autres. Lorsque nous arrivames, notre guide s'annonca, à la manière ordinaire, en disant: « Me voici! « (il étoit déjà connu sur toute cette côte. Les Tartares répondirent : « Soyez les bien penus.» Et aussitôt ils se mirent en mouvement pour nous procurer ce dont nous avions besoin. C'est de cette manière que nous avons été recus dans tous les villages Tartares. Nos repas consistoient ordinairement en un

Употребление при столахъ ножей и вилокъ у Татаръ неизвъстно; и почти нътъ ничето такого, чтобы могло ихъ замънить, хотя всь они носятъ Бакчисарские ножи; однако никогда не употребляють ихъ при кушанъъ. Когда поставили намъ пътуха, проводникъ нашъ, взявъ его за объ ноги, и разчетверивъ подалъ каждому по ножкъ, а потомъ разломаль остальное — совсъмъ, кажется, не думая о употреблени ножа. Чтожъ касается до сорочинскаго пшена, онъ захватилъ его четыръмя пальцами, чтобы подать намъ примъръ;

coq bouilli dans du lait aigre, avec des herbes fortes et une queue de mouton, lorsqu'ils pouvoient en avoir, car c'est un luxe parmi eux, et la queue seule et environ le tiers de la valeur de l'animal. Les queues de leurs moutons sont extrêmement grosses: ce n'est à peu près qu'une masse de graisse tendre et sans chair: les Tartares mordent là-dedans comme dans une pomme. Ils ne concevoient pas comment nous ne faisions pas plus d'honneur à ce mets, qui est leur plus grand régal. Il nous offroient aussi de la peau qui se forme sur le lait de lument bouilli. Ils en faisoient griller des lambeaux, et nous les mangions sur le pain en guise de beurre. Le miel entroit pour beaucoup dans les repas qu'on nous présentoit : il a un goût et un parfum délicieux.

On ne connoit point chez les Tartares l'usage des couteaux et des fourchettes à table, ni rien qui les remplace; quoique presque tous portent à leur ceinture un couteau de Batchissaraï, il n'en font aucun usage pour manger. Quand on nous servoit un coq, notre guide le prenoit par les deux jambes, et l'écarteloit, pour nous en servir à chacun une cuisse, il déchiroit ensuite le reste, sans que l'idée lui vînt jamais d'employer un couteau. Quand c'étoit du riz, il y plongeoit les quatre doigts et le pouce, pour nous donner l'exemple; et

а потомъ, котда онъ принесь меду въ сотахъ и напискаль его пальцами на деревянныя наши тарелки. Вездѣ находили мы
ржаной, черной хлѣбъ, впрочемъ хорошій,
котораго намъ давали большими ломпиями.
Мы слѣдовали обыкновенію сей страны въ
разсужденіи способа брать кушанье пальцами,
и пили кобылье молоко всѣ въ круговую изъ
одной чаши. При обѣдѣ завсегда употребляютъ ковры, и помѣщаются вокругъ одного
стола, въ футъ вышиною. Послѣ обѣда принесли намъ умыться — это очень нужно; однако также надобно бы умываться и прежде
обѣда.

Въздъшней странъ видно много плодовитыхъ деревъ. Климатъ весьма пріятенъ съ своею единообразностію. Здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ зимы; оливковыя и гранатовыя деревья растуть на открытомъ воздухѣ. Весною уже довольствуются здѣсь вкуснымъ виноградомъ. Въ этой странъ виноградъ растетъ самъ собою; я видѣлъ какъ сїи пни перепутались съ вѣтвями орѣшника, возвысившись до самой вершины, такъ что можно брать и виноградъ и орѣхи съ одного дерева. Вишни начинали спѣть, и Татары всячески старались намъ собирать ихъ, хотя онѣ еще были рѣдки.—Вообще я не могу болѣе выхвалить искренняго гостепріимства, съ каковымъ сїи добрые лю-

enfin quand on nous apportoit du miel en rayons, il le pressoit entre ses doigts sur nos assiettes de bois. Partout nous avons trouvé du pain de seigle noir, mais bon, et qu'on nous donnoit par grandes tranches. Nous suivions l'usage du pays pour la manière de manger avec les doigts, et nous buvions du lait de jument à la ronde dans le même vase. L'on est toujours sur un tapis ou sur des carreaux pour le repas et l'on se place autour d'une table d'un pied de haut. Après d'îner on nous présentoit à laver: c'étoit fort nécessaire, mais il auroit fallu le faire aussi avant le repas.

On voit beaucoup d'arbres fruitiers sur cette côte. Le climat y est extrêmement doux et uniforme. Il n'y a presque pas d'hiver: l'olivier et le grenadier y croissent en pleine terre. On y mange dans la saison des raisins délicieux. La vigne y vient sans culture: j'ai vu des souches s'enlasser aux branches des noyers et s'élever jusqu'à leur sommet, de manière qu'on pouvoit manger des raisins et des noix sur le même arbre. Les cerises commençoient à mûrir, et les Tartares mettoient le plus grand empresement à nous en cueillir, quoiqu'elles fussent rares. En géneral je ne puis trop vanter l'hospitalité cordiale avec laquelle ses braves gens nous recevoient, lorsque nous arrivions chez eux. Dans chaque endroit, où ди, когда мы прівхали къ нимъ, принимали насъ во всякомъ мѣсть, гдѣ мы ни остановлялись, перемѣняли лошадей и брали поваго проводника, чтобы обратно ихъ поставить на слѣдующую станцію. Такимъ образомъ проѣхали мы два дни, начиная оттъ Баклавы до Алушты, около осьми миль до обѣда — столько же послѣ обѣда.

Тапарскіе домы почти всв стоять прислонившись на завалины. Кровля сихъ домовъ походить на небольшую открытую террасу, на которую хозяева сихъ домовъ собираются бесв довать съ сосв дями и пить кобылье молоко. Возлё каждаго дома находится садъ, которой приносить въ великомъ изобили виноградъ.

Хоппя видъ горъ кажептся разнообразнымъ, какъ скоро къ нимъ приближаешся; впрочемъ нѣшъ большаго проспіранства между исподомъ пропасти и моремъ; спремленте болѣе, или менѣе быстрое ведетъ къ ней почти до самой скалы.

Мы встрвчали довольно часто женцинь вы окружностияхь сель; но всегда тщательно закрытыхь былымь полотномь, которое оны обыкновенно носящь на головы. Вообще оны старались избытать нась, когда увидять еслиже оны не могли избытуть нась; то; отворачивались вы сторону, дожидаясь пока

nous nous arrêtions nous changions de chevaux, et nous prenions un nouveau guide, pour les ramener de la station suivante. Nous mîmes ainsi deux jours depuis Balaclava à Aluschta, faisant sept à huit lieues avant le dîner et autant après.

Les maisons des Tartares sont presque toutes adossées contre une élévation. Le toit de ces maisons est une petite terrasse gravelée sur laquelle les habitans de la maison se rassemblent pour faire la conversation et boire du lait de jument. A côté de chaque maison, il y a une treille qui donne une grande abondance de raisins.

Quoique l'aspect des montagnes varie à mesure que l'on chemine, il n'y a jamais une grande distance entre le bas du précipice et la mer; une pente plus ou moins rapide conduit à celle-ci depuis le rocher.

Nous rencontrions assez souvent des femmes dans les environs des villages, mais toujours soigneusement voilées avec un linge blanc, qu'elles portent habituellement sur la tête. En général elles tâchoient de nous éviter, si elles nous voyoient venir, si elles ne le pouvoient pas elles se tournoient de l'autre côté, en attendant que nous fussions passés pour continuer leur marche; quelquefois les plus jeunes laissoient voir leurs yeux: mais les plus âgées

мы пройдемъ; иногда, котпорыя молодыя изъ нихъ, отперывали глаза; но старыя всячески укрывались. Мы судили о различи возрасша по ихъ оборогнамъ и по походкъ. Однажды мы увид Бли двухъ, мывшихъ платье въ ручь в на нашей дорогь; онь были безъ покрываль, и какъ были обращены на другую сторону; то и не видали, какъ мы подошли. Любопыпспівуя посмотрѣть на черты ихъ лица, я пошель пышкомь, и отошель уже нысколько впередъ. Шумъ ручейка препятиствовалъ имъ слышать мои шаги, такъ что я уже гораздо быль подлё нихь, какь он приметили меня. Которая была моложе, ща закрыла лице руками, помирая со смѣху; а копторая старше, кажешся, сердилась, закрывая голову чернымъ платьемъ. Нашъ проводникъ Татаринъ забавляясь ихъ удивлениемъ, говориль чию-що съ ними грубо, какъ я судилъ по его прону. Я спросиль, что это значить, у проводника нашего Грека, котпорой намъ всегда сопутствоваль: Татаринъ отвичаль, что женщины сотворены на брань. На второй день нашего ошъвзда изъ Балаклавы, переночевали мы въ Алуштъ, большомъ селеньи, расположенномъ на краю одной долины, пересъкающей цёнь горъ на двё почти равныя части; но изъ конхъ самая возвышенивишая есть та, по которой мы повдемь.

se cachoient exactement, nous jugions de la différence d'age à la tournure et à la démarche. Un jour, nous vîmes deux semmes qui lavoient du linge à une fontaine sur notre route; elles n'avoient pas de voiles, et comme elles étoient tournées de l'autre côté, elles ne nous voyoient pas venir. Curieux de juger de leurs traits, je mis pied à terre, et j'allai un peu en avant. Le bruit de la fontaine les empêchoit de m'entendre marcher, en sorte que j'étois déjà fort près , quand elles s'apercurent de ma présence. La plus jeune, se cacha le visage dans ses mains, en faisant des éclats de rire; et la plus agée eut l'air de se fâcher, et se couvrit la tête d'un linge sale. Notre guide Tartare se divertit de cette suprise, et les apostropha en passant avec dureté; ce dont je jugeai par son ton. Je lui en demandai la raison par notre guide Grec qui nous a toujours accompagné : le Tartare répondit, que les femmes étoient faites pour être grondées. Le soir du second jour de notre départ de Ba. laclava, nous couchâmes à Aluschta, grand village situé à l'extrêmité d'une vallée qui coupe la chaîne des montagnes en deux parties à peu près égales, mais dont la plus élevée est celle que nous venions de suivre.

Какъ мы еще рано прівхали въ Алушту, то и пошли купаться въ море. Хотя вътру не было около двухъ дней; однако море очень волновалось. На другой день мы должны были нвсколько взбираться, чтобы пройти въ долину, простирающуюся до подошвы горы Шепирдага, которая въ цёпи горъ есть самая высочайшая. Сія долина длиною около одиннадцапи миль, и оканчивается въ Ахмечетъ по моему мивнію, есть самая прекрасивищая, какой я еще невидаль; хоття нѣкоторыя отношенія дають преимущество Байдарской. Мы проъзжали сквозь прекрасныя еловые и дубовые лѣса. Сдѣсь жилье болѣе удалено одно оть другаго, чьмь въ Байдарской долинь. обрабоппанной земли и плодовиппыхъ деревъ мало видно; но пасбища и опплогост горъ чрезвычайно изобильны; намъ попадались многочисленныя стада рогатаго скота. Трава здесь расшеть короткая и сжатая, соспоящая, по большой части, изъ ароматическихъ растеній. Мы провхали прекрасной ручей, котпорой начинается еще въ Шетирдагь; его зовушь Салгиромь; вь немь ловяшь великое множество форелей.

Въ семи миляхъ ощъ Алушшы, на шой самой дорогъ, покошорой мы Бдемъ, находишся жилище богашъйшаго Крымскаго Ташарина — Баширъ – Аги. Какъ мы сказались

Comme nous arrivames de bonne heure à Aluschta, nous descendimes à la mer pour nous baigner: elle étoit très-houleuse, quoiqu'il n'eût pas fait de vent depuis deux jours. Le lendemain matin nous eumes un peu à monter pour enfiler la vallée qui passe au pied du Chatirdag, la plus haute montagne de la chaîne. Cette vallée qui a environ onze lieues de longueur, et qui se termine à Ach-Metchet, est, à mon avis, la plus belle que j'aie vue jusqu'ici, quoique quelques relations donnent la preférence à celle de Baïdar; nous passâmes à travers des forêts de hêtres et de chênes de la plus grande beauté. Les habitations sont plus éloignées les unes des autres que dans la vallée de Baïdar, et il y a moins de culture et d'arbres fruitiers; mais les pâturages et la pente des montagnes est d'une abondance extrême, et nous vîmes de nombreux troupeaux de bêtes à cornes. Le gazon est d'une herbe courte, serrée, et composée en grande partie de plantes aromatiques. Nous suivions un joli ruisseau, qui prend sa source dans le Chetirdag; c'est le Salgir; on y pêche des truites en abondance.

A sept lieues d'Aluschta, sur la route que nous suivions, se trouve l'habitation du plus riche Tartare de la Crimée, Batir-Aga. En réclamant auprès de lui, au nom du gouverneur militaire, nous ne pouvions manquer d'être

именемъ военнаго Губернатора: то и хорошо были приняшы. Какъ скоро мы сошли съ лошадей, топпчасъ встръчены были невольниками, котпорые намъ сказали что господинъ ихъ шеперь находишся въ гаремв, и что онъ не замедлишъ къ намъ пришши. Пошомъ ввели насъ они въ довольно простой домъ - погломъ въ комнатту, скудно прибранную, въ которой были только канапе, которое здъсь въ великомъ упопіребленіи — двое сппульевъ, сд Еланныхъ на Европейской манеръ, и старой столь для игры. Первая вещь, которую намъ подали, были прубки. Четыре, невольника сшояли у дверей въ ожиданіи нашихъ приказаній, между тівмъ мы курили прубки, сидя на канапе. Вскоръ явился самъ Баптыръ-Ата, въ сопровождении двадцапии невольниковъ. Онъ, кажется, человъкъ лътъ около шестидесяти, собою очень пучной. Чершы его лица совершенно Ташарскія; глаза изь подлобья, какъ у Китайца; въ физіогноміи его есть что-то свирьное, а особливо когда онъ улыбнешся. Онъ вошель, шаркая ногами, подпираясь одной рукою на длинную бълую палку, а въ другой держаль чешки. Онъ даль намъ знашь чрезъ толмача, что намъ принесупъ кушанья. Въ самомъ дълв шошчасъ принесли столь, покрытой разными блюдами, между коими Сарачинскоепшено

bien recus. Quand nous descendimes de cheval nous fûmes accueillis par des esclaves, qui nous dirent que leur maître étoit au harem, mais ne tarderoit pas à paroître. Ils nous firent entrer dans une habitation fort simple, et dans une chambre mesquinement meublee, avec le canapé qui est le meuble d'usage, deux chaises à l'européenne et une vieille table de jeu. La première chose qu'on sit, sut de nous apporter des p pes. Quatre esclaves restèrent à la porte pour attendre nos ordres, pendant que nous fumions gravement sur le canapé. Bientot parut Batir-Aga suivi d'une vingtaine d'esclaves. C'est un homme d'environ soixante ans, extrêmement replet. Ses traits sont tartares, ses yeux sont coupés à la chinoise. Sa physionomie est farouche et le devient encore plus quand il veut sourire. Il entra en trainant ses sandales avec bruit, en s'appuyant d'une main sur un long bâton blanc, et portant de l'autre un chapelet. Il nous fit savoir par un interprête qu'on alloit nous donner à manger. On apporta bientôt une table couverte de divers plats, parmi lesquels le riz jouoit le principal rôle. On nous servit du vin, chose rare chez les Mahométans. Batir-Aga nous regarda manger; c'est la politesse par excellence chez les Tartares; il nous fit remarquer qu'il possédoit une table et deux chaises à l'européenne :

занимало важное мъсто. Также намъ подавали вино — ръдкая вещь у Магометанъ. Батиръ-Ага прикушаль съ нами: это великая учтивоспъ - особенно у Таппаръ! Онъ далъ намъ замѣтить, что у него есть столь и двое стульевъ, сдѣланныхъ на Европейской манеръ; кажется, это почиталь онь первымь шагомь къ просвъщению. Въ продолжении всего нашего объда, я примъщиль, что слуги Баширь-Аги имѣли глаза обращенные на своего Господина для оптгаданія его желаній. Посл'в кушанья принесли густаго кофе, и какъ прежде, прубки; потомъ Баппиръ Ага оставилъ насъ, чтобы дать намъ отдохнуть, и чтобы самому объдать; когда онь пошель, тогда и невольники за нимъ послъдовали. Между півмъ вожатной взглянуль на насъ значительно, какъ будто спрашивая: «Что вы думаете о семъ великольній?» У Баширъ Аги есть прекрасныйшія изо всего Крыму борзыя собаки; но, по своей дородносии, онъ не занимается охотною; у него есть также прекрасньйший лошади, на котпорыхъ онъ никогда не вздитъ. Онъ владьень удивишельнымь пространствомъ земли и многочисленными сппадами разнаго рода скоппа. Такъ полагають, что у него лежить въ сундукахъ до пяппидесяпи пысячъ дукаповъ; впрочемъ онъ очень скупъ. Проказы сыil avoit l'air de regarder cela comme un premier pas vers la civilisation. Pendant tout notre dîner j'observai que les esclaves de Batir-Aga avoient les yeux fixés sur leur maître, pour deviner ses volontés. Après le repas, vint le café épais, puis les pipes comme auparavant, ensuite Batir-Aga se retira pour nous laisser reposer, et pour dîner lui même; et ses esclaves le suivirent. Quandil fut parti, notre guide nous regarda d'un air signifiant, comme pour nous dire: » Que pensez-vous de cette « magnificence-la?» Batir-Aga a les plus beaux levriers de toute la Crimée, mais il a trop d'embonpoint pour chasser: il a aussi de beaux chevaux qu'il ne monte jamais. Il possède une prodigieuse étendue de terrain, et de nombreux troupeaux de bêtes à cornes, et de bêtes à laine. On estime qu'il a cinquante mille ducats dans ses coffres, et il est fort avare. Les fredaines de son fils, Mustapha-Murza, celui dont je vous ai parle ci-devant, lui ont coûte quelquefois de l'argent.

на его, Мустафы Мурзы, о которомъ я говориль прежде, стоили ему денегъ.

На другой день поутру, свы на прекрасныхъ лошадей, проъхали мы на нихъ до самой вершины Шеширдага: имя Шеширдага значипъ гора Теткина; въ самомъ дълъ она походишь на шешку. Въ цёпи горъ это самая высочайшая, котторую она раздъляетъ на двв половины, изъ коихъ по одной, гораздо возвышеннъе другой, по которой мы ъдимъ. При подошвѣ горы, увидѣлъ я пять, или шесть плуговь, запряженных великимъ числомъ быковъ, которые работали въ той же равнинъ. Еще этпо первые Таппарскіе плуги, или сохи, которыя я видёль въ дёлё. Миё сказали, что сїи земли принадлежать Батирь-Агь, которой договаривается съ Татарами, своими сосъдями, чтобы они ему работали столько то дней въ году, и получали бы въ замъну такую то часть жатвы. Эпи сохи шли очень скоро, и брали пришомъ глубоко; по всякая соха запряжена была отъ десяти, двена дцати и даже до чеппырнадцати быковь, ведомыхъ двумя, или премя человъками. Земля вся черпоземъ, и крайне удобна.

Мы провзжали мимо большихъ козьихъ спадъ, пасомыхъ однимъ, или двумя пасту-хами, котторые пграли на Таттарской свиръли. Мив кажется, что надобно имътъ слиш-

Le lendemain matin, montes sur d'excellens chevaux, nous fimes une excursion jusqu'au sommet du Chetirdag : son nom signifie la montagne de la tente, parce qu'elle a effectivement la forme d'une tente. Cest la plus haute montagne de la chaîne, qu'elle sépare en deux portions, dont l'une, celle que nous venons de parcourir, est plus élevée que l'autre. Au pied de la montagne, je remarquai cinq ou six charrues, attelées d'un grand nombre de bœufs, qui labouroient dans la même plaine. Cétoit les premières charrues tartares que je voyois à l'ouvrage. On me dit que ces terres appartenoient à Batir-Aga, qui faisait marché avec les Tartares ses voisins, afin que ceux-ci lui donnassent tant de journées de leur travail dans l'année, et recussent en échange telle portion de la récolte. Ces charrues alloient très-vîte, et labouroient profond, mais toutes étoient attelées de dix, douze, et jusqu'à quatorze bœufs, conduits par deux ou trois hommes. La terre étoit un terreau noir de la meilleure qualité.

Nous dépassames, en montant, de grands troupeaux de chèvres, conduits par un ou deux bergers jouant de la flûte tartare. Il me semble qu'il faut avoir l'imagination bien poé-

комь пылкое воображение, чтобы найти въсихь тонахъ нѣчто пріятное; отъ роду я ничего неслыхаль эппаго скучнье и нескладнье. Недовзжая еще вершины горы, нашли мы равнину, длиною около двухъ или прехъ версть, состоящую изъ скалы известковой растреснувшейся, съ небольшою пошвою земли, на копторой раступъ только ароматическія былія; миновавъ стю равнину, прошли мы сквозь прекрасной еловой лѣсъ, въ коемъ оставили своихъ лошадей, потомъ начали мы всходить на оппвислую и покрышую правою опплогость. Мы принуждены были опідыхать на десяпіи или двенадцати шагахъ; но достигнувъ вершины, мы не совсьмъ вознаграждены были за трудь; ибо кругозорь покрывали облака съ востока, запада и юга. Къ севъру наше зрънге простиралось, по крайней мъръ, на двадцать пять миль, сквозь степь до самаго моря. Въпръ дулъ холодной; опъ принудиль насъ возвращиться. Проходя облака, развываемыя дуновеніемъ вітра, которыя окружали насъ, мы видъли какъ онъ обращались надъ нами. Однако изо всего этпаго не следуеть, что бы Шатирдагь быль выше боо тоазовь. На вершин в горы есть правильно расположенная лощина-съ милю въ окружности, имбющая видь полукружія, и окруженная холмами; она походинь на крашерь огнедышущей гоtique, pour trouver à ces sons quelque chose d'agréable: je n'ai jamais rien entendu de plus aigre ni de plus discordant. Avant d'arriver au sommet de la montagne, on trouve une esplanade de deux ou trois verstes en tous sens, composée de rocs calcaires, crevassé, avec fort peu de terre végétale cà et là, dans laquelle il ne croit que des plantes aromatiques. Après avoir passé cette esplanade, nous traversames une superbe forêt de hêtres, où nous laissâmes nos chevaux, puis nous commençames à monter une pente rapide et gazonnée. Nous étions obligés de reprendre haleine tous les dix ou douze pas, mais arrivés au sommet, nous ne fûmes pas complettement payés de notre peine, car l'horizon étoit couvert de nuages, du côté de l'est, du sud et de l'ouest; vers le nord notre vue s'étendoit à vingt-cinq lieues au moins au travers du steppe jusqu'à la mer de boue. Le vent étoit assez froid; il nous faisoit arriver par intervalles des bouffées de nuages qui nous enveloppoient, et nous en voyions un plus grand nombre rouler au-dessous de nous. Je ne crois pas, autant que j'ai pu en juger, que le Chetirdag soit plus élevé de 600 toises au-dessus de la base. Au sommet de la montagne est un bassin régulier, d'environ une lieue et demie de circuit, entouré de hauteurs; il a ры; впрочемь мы не открыли никакихь следовь огнедышущей горы. На этомь мъсть растеть теперь въ великомъ изобиліи трава. Мы видъли тупъ же великое множество лошадей. Снъть въ продолженіи цълаго года остается въ видъ льдинъ, лежащихъ въ ущелинахъ скаль; это единственной источникъ, которой имъють стада, и которой, на сей вершинъ, замъняетъ недостатокъ воды. Я видаль, въ обыкновенныя часы, лошадей вмъсть приходящихъ ъсть снъть

Сошедии въ лѣсъ, къ большему удовольствію, нашли мы лошадей нашихъ, и пріяшное раствореніе воздуха; для освѣженія напились кобыльяго молока; потомъ опящь возвратились къ Батиръ Агѣ въ три часа по полудни. Мы еще разъ обѣдали у него; какъ намъ хоттѣлось возвратиться на ночлегъ въ Ахмечеть, отстоящій отсюда въ четырехъ миляхъ, то мы распростились съ хозяиномъ нашимъ, и поѣхали прелестною долиною, орошаемою Салгиромъ, хорошо обработанную и украшенную тополами. Мы возвратились въ Ахмечеть въ шестой день по нашемъ отъѣздѣ, нашедши къ большему удовольствію, первое наше убѣжище. l'air d'avoir été jadis le cratère d'un volcan, quoique nous ne sussions y découvrir aucune trace volcanique. Il y croît maintenant de l'herbe en abondance, et de la meilleure qualité. Nous n'y vimes que des chevaux en assez grand nombre. La neige demeure toute l'année dans des espèces de glacières naturelles, formées par des enfoncemens de rochers; c'est même la seule ressource qu'aient les troupeaux sur cette sommité pour suppléer à l'eau. J'ai vu des chevaux y venir manger de la neige tous ensemble aux heures qu'ils avoient coutume de boire.

En redescendant dans la forêt, nous retrouvâmes avec plaisir nos chevaux, et une température plus douce: nous bûmes force lait de jument pour nous rafraîchir, puis nous redescendîmes chez Batir-Aga, où nous arrivâmes à trois heures de l'après-midi. Nous dînâmes encore chez lui; mais comme nous voulions revenir coucher à Ach-Metchet, à quatre licues de là, nous prîmes congé; et en suivant une charmante vallée arrosée par le Salgir, bien cultivée et ornée de beaux peupliers, nous sommes arrivés ici le sixième jour de notre départ et nous avons retrouvé avec grand plaisir notre premier asile.

Гражданскій Губернаторъ уже возвратился; и мы объдали у него. Здъсь видъли мы Черкасскато Князя, которой живенть здёсь; сего князя, друга Рускихь, много беспокоили въ его отечествъ, такъ, что онъ принужденнымъ нашелся искать убъжища у Рускихъ. Онъ знаешъ нѣсколько шолько словъ по Руски. Въ поступкахъ его примътенъ нъкоторой родъ равномърности, сопровождаемой величіемъ и пріятностію. Во всю мою жизнь я не видаль столь прекраснаго мущины, лица и поступковъ столь благородныхъ. Онъ одътъ быль въ полукафтанье кармасиннаго цвъта, въ синте панталоны съ красными сапожками, и носилъ саблю на поясу. Онъ точно быль таковь, какъ можно себъ представить прекраснъйшихъ Азтяшскихъ Князей освобожденнаго Іерусалима.

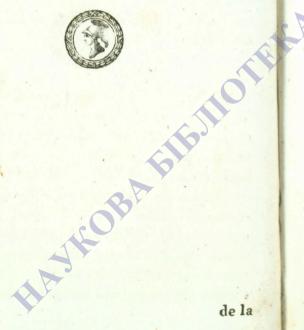
Послѣ обѣда Губернаторъ повезъ пасъ въ свою дачу, въ прехъ миляхъ опъ Ахмечетя, расположенную въ глубинѣ одной прелестной долины, длиною на милю, а шириною на четверть мили, которая собственно ему принадлежала. Сельской его домъ и окрестности довольно пріятны. Онъ расположенъ очень хорошо, окруженъ будучи многими заведеніями, какъ то: кожевнымъ и кирпичнымъ заводомъ и проч. я видѣлъ также у него превосходныхъ жеребцовъ, и между прочими красивѣй-

Le gouverneur civil étoit de retour; nous dinames chez lui. Nous y avons vu un prince Circassien qui y est à demeure ce prince ami des Russes étoit inquiete dans son pays, et a été en quelque sorte force de chercher un asile en Russie. Il ne sait encore que quelques mots de russe. J'ai remarqué dans sa démarche une sorte de cadence qui a de la majesté et de la grace. Je n'ai de ma vie vu un plus bel homme, une physionomie et des manières plus nobles. Il étoit vêtu d'une tunique d'ecarlate, d'un pantalon bleu, avec des bottines rouges, et portoit le sabre en baudrier. Il est bien tel qu'on se représente les beaux princes Asiatiques de la Jérusalem délivrée.

Après le dîner, le gouverneur nous mena dans une terre à lui, située à trois lieues d'Ach-Metchet, au fond d'une charmante vallée d'une lieue de long sur un quart de lieue de large, qui lui appartenoit en entier. Sa maison de campagne et les environs sont charmans. Elle est dans une exposition agréable, et entourée de plusieurs établissemens qu'il a crées, comme une tannerie, une briquetterie, etc. J'ai vu chez lui des étalons superbes, entr'autres un cheval arabe

шую Арабскую лошадь. Здёсь мы переночевали, и нынъшнимъ упіромъ гуляли верхомъ въ окрестностяхъ, погломъ возвратились объдать въ Ахмечеть. Мы полагаемъ завтра въ вечеру отсюда отправиться для продолженія нашего пущешествія.

de la plus grande beauté. Nous avons couché là, et ce matin nous avons fait une promenade à cheval dans les environs, puis nous sommes revenus dîner à Ach-Metchet. Nous comptons partir des demain au soir pour continuer notre voyage.

письмо іу.

Екатеринодарь, от 16 Іюля, 1808 года.

Вотъ уже мы находимся почти на отдаленньйшемъ краю предначертаннато нами путешествія въ Азію. Я вамъ теперь отдаю
отчеть въ томъ, что мы сдѣлали и что
видѣли, начиная съ Ахмечетя, т. е. растояніемъ отъ ста двадцати до ста тридцати
миль. Мы выѣхали изъ Ахмечетя вечеромъ
5 Іюля, и уже остановились на ночлетъ въ Карасубазаръ, находящемся въ то миляхъ оттъ
Ахмечетя. Мы взяли нашу коляску и новато
проводника, унтеръ-Офицера одного Татарскаго полку, родомъ Грека, которой
данъ былъ намъ Губернаторомъ.

Пространство, отпавляющее два города отть Ахмечеття и Карасубазара, почти всё степь, такъ какъ и вся низменная часть до самаго полуострова. Въ Карасубазаръ пртвали мы въ десятомъ часу вечера; всъ кофейныя были заперты, и мы едва достучались у одной кофейной, чтобы провести тамъ ночь и поужинать. Съ трудомъ и беспо-

LETTRE IV.

Ecaterinodar, le 16 juillet 1808.

Nous voici arrivés au point le plus éloigné de la course que nous projetions en Asie. J'ai à vous rendre compte de ce que nous avons fait et vu depuis Ach-Metchet, c'est-à-dire, d'une distance de cent vingt à cent trente lieues. Nous quittâmes Ach-Metchet, le soir du 5 juillet, et allâmes coucher à Karassoubazar, à dix lieues de là.—Nous avions pris notre calèche, et un nouveau guide, basofficier d'un régiment Tartare, Grec de naissance, qui nous avoit été donné par le gouverneur.

L'espace qui sépare les deux villes d' Ach-Metchet et de Karassoubazar, est steppe, ainsi que toute la partie plate de la presqu'île. Nous arrivames à Karassoubazar à dix heures du soir, tous les caffés étoient fermés, et nous eûmes beaucoup de peine à en faire rouvrir un pour y passer la nuit, ainsi qu'à nous procurer de quoi souper. A force de peine et de persévérance, nous trouvames quelques poisкойствомъ нашли мы нѣсколько сухой рыбы, которую ѣли съ сдобными пирогами — потомъ легли спать на бильярдѣ. На другой день мы рѣшились отправить свою коляску вмѣстѣ съ слугою въ Каффу по большой дорогѣ; а сами отправились въ горы для обозрѣнія той части цѣпи горъ, которой мы еще не видали. Городъ показался намъ многолюднымъ.

Карасубазаръ, коего имя означаетъ: рынокв черной воды; потому что онъ расположенъ на маленькой рѣчкѣ Карассу — городъ въ Крыму очень многолюдной и порговой. Татары, живуще въ немъ, производятть знатную торговлю сафьяномъ и Крымскими овчинками, которыя они умфють обделывань, и котпорыя очень хорошо выработнаны. Карасубазарскія улицы малы и узки, пакъ какъ и Ахмечетскія и Бакчиссарскія; притомь он в усвяны маленькими лавочками; очень низкими; въ каждой сидипъ хозяинъ, поджавъ ноги и куря трубку, ждетъ покупциковъ. Мы видъли также, гдв изготовляють кожи, гдв ихъ красять и золошять особеннымь манеромь, извъстнымъ однимъ только Татарамъ и Армянамъ; и гдъ наконецъ дълающъ сапоги, обуви, съдла, збрую и пр. Все это показыsons sechés, que nous mangeames cruds, avec des gâteaux de farine petris à l'huile, puis nous nous étendîmes tous deux sur un billard pour y passer la nuit. Le lendemain nous résolumes d'envoyer notre calèche et notre domestique à Caffa, par la grande route, et de nous enfoncer nous-mêmes dans les montagnes, afin de visiter la partie de la chaîne que nous n'avions pas vue encore. Nous parcourûmes l'intérieur de la ville qui nous parut trèsvivante.

Karassoubazar, dont le nom signifie le marché de l'eau noire, parce qu'elle est située sur la petite rivière de Karassou, est la ville la plus peuplée, et la plus commerçante de la Crimée. Les Tartares qui l'habitent y font un grand commerce de maroquin, et de la peau d'agneau de Crimée, qu'ils savent préparer et qui est très-recherchée; les rues de Karassoubazar sont petites et étroites ainsi que celles d'Ach-Metchet et de Batchessaraï, et sont bordées de petites boutiques très-basses, dans chacune desquelles le maître est assis les jambes croisées et fumant la pipe en attendant les acheteurs. Nous y vimes des endroits où l'on préparoit des peaux, d'autres, où on les peignoit et les doroit, par des procédés particuliers connus des Tartares et des Arméniens seuls; d'autres enfin où l'on en fabriquoit des ваетъ въ городъ примътное движенте и дъя-

Тамъ я видълъ также работниковъ, разчесывающихъ хлопчаттую бумагу особеннымъ манеромъ. Каждой изъ нихъ, съ голыми руками, сидя поджавь ноги въ маленькой лавочкв, держаль въ львой рукв, притомъ въ горизонтальномъ положении тъла, лукъ, натянутой толстою струною изъ кишекъ. Этотъ лукъ поставленъ такъ быль на верху маленькой кучи хлопчатой бумаги, (еще въ хлопкахъ), струна ее доставала; потому что правою рукою онъ ударяль поперегъ струны родъ въкоторою колотушкою; а трясение струны от двляло и распуживало по волоску бумагу — и било ее, такъ сказать, до твхъ поръ, пока она, совершенно будучи обдълана, станеть походить на легкой пухъ. Когда куча бумаги такимъ образомъ разчесана бываеть, тогда они втыкають вы нее рукояшку колошушки, у которой конедъ завоспренъ и сдъланъ на подобје шурупа, ворочая потомъ его такъ, что бумага обвершывается вокругь сей руколики шаромъ. Когда сей шаръ сдълается довольно великъ, то они его отнимають прочь и кладуть на сторону; потомь опять также начинають до шрхг поръ, пока кучка шерсти смотана

bottes, des sandales, des selles, des harnais, etc. Tout cela donnoit à la ville un air de mouvement et d'activité remarquable.

J'ai vu la des ouvriers qui cardoient du coton par le procédé le plus singulier. Chacun d'eux les bras nuds, et assis les jambes croissées dans sa petite boutique, tenoit dans sa main gauche, dans une position horizontale, un arc très-fort, tendu par une grosse corde à boyau. Il placoit cet arc au-dessus d'un petit tas de coton en bourre, en sorte que la corde le touchât, puis de la main droite, il frappoit obliquement sur la corde avec un gros maillet, de manière que la vibration de la corde séparât et dispersât les brins de cette matière, et les fouettat pour ainsi dire, jusqu'à ce que le coton, parfaitement cardé, eût l'apparence d'un léger duvet. Lorsque le tas de coton étoit ainsi cardé, ils y plantoient le manche du maillet dont l'extrémité est pointue, faite en forme de vis, puis ils tournoient de manière à ce que le coton s'agglomérat autour de ce manche, en formant une boule. Lorsque cette boule étoit d'une certaine grosseur, ils l'otoient et la plaçoit à côté d'eux, puis recommençoient jusqu'à ce que le tas à carder fût ainsi en pelotons. Toutes ces opérations se faisoient avec promptitude. Je n'ai jamais vu qu'un ou deux ouvriers au plus occupés de cette manière

будеть вы клубки Всв сій действія происходили очень скоро; я только видълъ одного, или двухъ работниковъ по большей мъръ птакимъ образомъ занимающихся въ птомъ же мѣспгѣ. Звукъ, производимый струною столько поразишеленъ, чио его можно было слышашь со всёхъ сторонъ во всёхъ улицахъ. Я бесполезно освъдомлялся о упопреблении сей бумаги; думать надобно, что жители делають изъ нее матперіи для собстивеннаго употпребленія; в фроятно, что женщины прядуть стю бумагу внутри своихъ жилицъ. Близь города, въ сторону отъ горъ, находится возвышенная скала, котпорая въ сихъ странахъ замъняла Тарпейскую. Въ царствованте Хановъ, свергали съ нее преступниковъ, осужденныхъ на смершь.

Посль объда, взявь почтовых лошадей, пустились на перекладных и проъхали семь миль въ горы, по необитаемой долинь, вызженой солнцемь. Дорога шла опасная; и какъ она была не почтовая, то мы взяли въ проводники Жида, котораго и отправили въ первую Татарскую деревню, гдъ перемънили лошадей.

На нашей дорогь попались намъ до двадцати лошадей, навыюченныхъ вишнями; мы поdans le même emplacement. Le son que rendoit la corde de l'arc ainsi frappée, se faisoit entendre de tous côtés dans les rues. Je m'informai inutilement de l'emploi de ce coton; il paroît que les habitans en font des étoffes pour leur usage: probablement ce sont les femmes qui le filent dans leur intérieur. Il y a près de la ville, du côté des montagues un rocher élevé qui est la roche Tarpéienne de ces contrées. Sous les Khans de la Crimée on y précipitoit les criminels qu'ils avoient condamnés à mort.

Après midi, nous prîmes des chevaux de poste, nous nous mîmes en pérécladnoi et nous fîmes sept lieues dans les montagnes, en suivant une vallée inhabitée, brûlée du soleil, et par des chemins dangereux. Comme celui que nous suivions n'étoit point une route de poste, nous avions pris un guide juif, que nous renvoyâmes au premier village Tartare, où nous changeâmes nos chariots contre d'excellens chevaux.

Nous avions rencontré sur notre route une vingtaine de chevaux chargés de cerises; что онъ перерывали дорогу; впрочемъ горы сдъсь не такъ высоки, какъ къ западной части и прозябение здъсь не столь хорошо; мы видъли многия долины, въ коихъ солнце пожгло траву, между шъмъ, какъ другия зеленъли и цвъли.

Судакская равнина еспь па часть, гдъ торы оставляють болъе пространства между ими и моремь. Видъ сей долины есть часть еллипсиса, которато небольшой дїаметръ, около полмили, есть самой берегъ, тористой; высокія изъ нихъ къ западу и севъру есть около четверти мили между горами и берегомъ.

Судакъ похожъ ни на городъ, ни на деревню; сельскіе домы, принадлежащіе жишелямъ Ахмечетя и Кафы, разсѣяны въ сей долинѣ, въ которой климатъ очень постояненъ. Часть земли занята виноградниками, обработанными на подобіе французскихъ; вишенъ сдѣсь, такъ какъ и плодовитыхъ деревъ разнаго рода, находится великое число. Въ сей то долинѣ нѣкогда существовалъ цвѣтушій городъ — Суждая, которой въ девятомъ столѣтіи давалъ свое имя всѣмъ, на полуостровѣ, Греческимъ владѣтіямъ. Торговля его поддерживалась разными владѣтелями до конца четырнадцатаго вѣка, когда имъ Гензуезцы овладѣли: онъ былъ тогда ниспроверженъ

des montagnes qui nous barroient la route. Elles sont moins élevées que dans la partie occidentale, la végétation y est en général moins belle, et nous vîmes plusieurs vallées où le soleil avoit desséché les herbes, tandis que d'autres étoient verdoyantes et fraîches.

La plaine de Soudak est la partie où les montagnes laissent plus de distance entr'elles et la mer. La forme de cette plaine est une portion d'ellipse, dont le petit diamètre, d'environ demi-lieue, est le rivage même, et qui est formé par des montagnes: les plus èlevées sont à l'ouest et au nord: il y a cinq quarts de lieue entre les montagnes du fond, et le rivage.

Soudak n'est ni une ville ni un village, des maisons de campagne qui appartiennent à des particuliers d'Ach-Metchet et de Caffa, sont dispersées dans cette plaine, dont le climat est très-réglé et très-doux. Une partie du terrain est occupée par des vignes cultivées à la manière de France. Les cerisiers y sont en très-grand nombre ainsi que les arbres fruitiers de toute espèce. C'est dans cette plaine qu'existoit autrefois la ville florissante de Sugdaya, qui dans le neuvième siècle donna son nom à toutes les possessions Grecques de la presqu'île. Son commerce se soutint sous divers maîtres jusqu'à la fin du quatorzième siècle, que les

соперничествомъ Каффы. Мы остановились въ сельскомъ домв одного Ахмечепискато Грека, котпорой даль намъ письмо кь своему управителю. Какъ мы еще прівхали рано, то пошли купаться въ морѣ; въ сей проѣздъ около двенадцапи миль, мы не вид вли никаких слвдовъ земледълія; вездѣ были виноградники, плодовиные сады, или сшень. На пасшвахъ видны шолько лошади. Близь моря на горъ, котпорая защищаеть долину къ восток у, примъшны остатки Генуезкой кръпости, гдъ шеперь находишся небольшой гарнизонъ. Насупрошивъ горы стоитъ башня, которая каже тся очень дрегнею и замвчательна по жельзнымъ кругамъ, удерживающимъ ее, какъ бочку; врочемъ она довольно уцълъла отъ разрушенія времени. Выбхавъ изъ Судака, мы пуспились на стпарой Крымъ, направляя путь въ горы. У насъ были прекрасныя дошади, какихъ мы шолько находили въ Крыму. Они столько игривы и сильны, что бъжали рысью по нъскольку миль сряду, пришомъ же то входя, то спускаясь и въ мѣстахъ самыхъ бугрисіпыхъ. Онв столько надежны ногами, и столь кръпки поясницею, что можно совершенно поручить себя имъ; у нихъ станъ драконовъ, и онъ красивы ростомъ.

Génois s'en emparèrent. Elle fut alors écrasée par la concurrence de Caffa. Nous logeames dans la maison de campagne d'un Grec d'Ach-Metchet, qui nous avoit donné une lettre pour son concierge. Comme nous étions arrivés de bonne heure, nous allames nous baigner à la mer, et dans cette traversée d'environ troisquarts de lieue, nous ne vîmes ancune trace de culture à la charue, tout est vigne, vergers ou steppe. Il n'y a que des chevaux dans les paturages. On voit dans le voisinage de la mer, sur la montagne qui domine la plaine à l'ouest, les restes d'une citadelle génoise, où l'on tient une petite garnison. Sur la montagne vis-à-vis, il y a une tour qui paroît beaucoup plus ancienne, et qui est remarquable par des cercles de fer qui la relient comme un tonneau; elle est assez bien conservée. Après avoir quitté Soudak, nous nous dirigeames sur Staroikrim en nous enfoncant de nouveau dans les montagnes. Nous avions les meilleurs chevaux que nous eussions encore trouvés en Crimée, leur vivacité et leur force étoient telles, qu'ils soutinrent le galop l'espace de plusieurs lieues, soit en montant, soit en descendant, et dans les endroits les plus scabreux. Ils sont si sûrs des jambes, et si forts des reins qu'on se fie à eux tout-à-fait; ils étoient de taille de dragon et assez beaux.

Мы прибыли въ одну деревню, въ коей я примѣтилъ человъкъ съ тридцать, заняшыхъ спроеніемъ дома. На это мнѣ сказали, когда Ташаринъ хочешъ строипься, въ шакомъ случав надвешся на доброхошство сосъдей. Онъ убиваетъ нъсколько барановъ, пригошовляя въ добавокъ къ этому напитокъ съ пшеномъ заквашенной. Тогда даешъ онъ большое пиршество, и тогда то предлагаенть состаямь своимь пособинь ему въ спройк дома — въ чемъ они ему не опказывающь. Мы видёли въ сін полдня шолько засохийя пасбища и прозябение. Возвращившись въ маленькое селение, мы показали свой нашпоршь місшному Городничему, которой обязанъ смотръпъ за устройствомъ своего селенія. Въ семъ пашпорить заключалось при казаніе снабжать нась съвстными припасами и лошадьми. Городничій, которой мало говориль по руски, отвачаль, что теперь всв находятися въ мечети и что мы, по прошестви двухъ часовъ, получимъ пишу. Проводникъ нашъ, которой нъсколько между швмъ ошъ насъ ошешалъ, возврапился; и когда онъ узналь, что Городничій засшавляень нась споль долго время дожидаться объда, удариль его, говоря: мы хотимъ топчасъ всть. Татаринъ безъ всякихъ околичностией, приготовилъ намъ

Nou s

Nous arrivames dans un village, où je remarquai une trentaine de personnes occupées à bâtir une maison. On m'expliqua que lorsqu'un Tartare vent bâtir, il met à contribution la bonne volonté de tous ses voisins. Il tue quelques moutons et prépare une boisson avec du millet grué et fermenté. Il donne alors un grand repas, et propose à ses voisins de lui aider à bâtir sa maison; chose qu'ils ne refusent pas. Nous ne vîmes dans cette demi-journée que des pâturages brûles, et en general une vegetation languissante. Arrivés dans un petit village, nous montrâmes notre passeport au Gorodnitchef de l'endroit, qui est chargé de la surveillance de la police dans son village. Ce passeport portoit l'ordre de nous fournir des vivres et des chevaux. Le Gorodnitchef, qui parloit un peu russe, nous répondit qu'on étoit à la mosquée, et que nous ne pouvions avoir à manger qu'au bout de deux heures. Notre guide qui étoit resté un peu en arrière, arriva sur ces entrefaites, et lorsqu'il sut que le Gorodnitchef vouloit nous faire attendre notre dîner si long-temps, il le frappa en lui disant: «Nous voulons manger tout-a-l'heure.» Le Tartare ne répliqua point, et nous fûmes promptement servis. Comme notre guide étoit bas-officier, il se croyoit autorise à maltraiter

скорв объдъ. Какъ проводникъ нашъ быль унтеръ-Офицеръ: то онъ и присвоиваль себв право поступать такимъ образомъ с ъТатариномъ, хотпя бы онъ находился въ его обстоятельствахь; сія жестокость въ военныхъ людяхъ вездъ, къ несчастію, примътна.--Хотя намъ можно бы итпи прямо въ Кафу, однако мы ръшились сдълать крюку верстъ сь двадцать, чтобы посмопреть старой Крымъ. Намъ должно было пройти крутую гору; на покать ея встрыпились мы сь Таппарскимъ семейспівомъ, коппорое сходило съ горы. Оппецъ и мапть сидъли въ кибиткв, а двв дочери шли пвшкомъ; на нихъ не было покрывала; мы видёли еще полько двухъ безъ покрывалъ. Впрочемъ вспірти наша показалась имъ не непріятною; онв закрыли лиде руками; но это, по видимому, сдвлали для смѣху, дозволяя пришомъ видѣть черты ихъ лица — и пъмъ удовлетворили нашему любопытству; одна изъ нихъ была прекрасна; впрочемъ объ малаго роспу и собою смуглы. Татпаринъ не показывалъ неудовольствія въ сей встрвчв. Какъ дорога была поперечная, и мало взженая: то мы и недумали кого нибудь встръщить. Старой Крымъ прежде быль важной городь; въ окресиносияхъ его видно много развалинъ. Нын в живуппъ въ немъ въ особенности Армяне, перестроивая его по

un Tartare, quoique celui-ci fût en place; on retrouve cette tyrannie militaire dans toute l'Europe. Nous pouvions aller directement à Caffa, mais nous résolûmes de faire un détour de vingt verstes pour voir la ville de Staroi Krim. Nous eumes à passer une montagne assez roide. Nous rencontrâmes sur la pente, une famille Tartare qui descendoit. Le père et la mère étoient dans un chariot, et deux de leurs filles étoient à pied: celles ci sont les deux seules femmes Tartares que nous ayons vues non voilées; notre rencontre ne parut pas leur être désagréable; elles se cachèrent le visage avec les mains, mais ce fut en riant, et en se laissant voir assez pour que notre curiosité sur leurs traits fût satisfaite; l'une des deux étoit jolie; l'une et l'autre étoient petites de taille et brunes. Le Tartare n'avoit pas l'air content de cette surprise. La route étant une traverse, et trèspeu fréquentée, il n'avoit pas cru d'y rencontrer personne. Staroi-Krim étoit autrefois une ville importante, on voit dans ses environs beaucoup de ruines. Les Arméniens en sont aujourd'hui exclusivement en possession, et la rebâtissent. Cette ville est située à l'extremité orientale des montagnes, et au bord du steppe. La végétation étoit fort belle dans les environs qui sont assez cultivés. Nous

своему. Сей городъ расположенъ на востгочномъ краю горъ, и на концъ степи. Прозябение очень хорошо въ окрестностяхъ, которыя довольно обработаны. При въвздв представилось намъ странное зрѣлище. Это было собраніе благочестиваго ученія двадцати мальчиковъ на общественномъ мѣстѣ. Они разсажены будучи по лѣтамъ, повторяли по очереди молишвы изъ Алкорана. Наставникъ ихъ держаль въ рукѣ большую плеть, и биль шѣхъ, котпорые не такъ читали, или сбивались. Ежели котораго изъ нихъ били: то надъ твмъ всв смвялись. Мы видвли величественные остапки Генуи; между прочими фонтанъ, довольно сохраненной, и достоприм вчательной архитектуры. Мы переночевали въ кофейной, во всемъ схожей съ Татарскими кофейными.

Я сдѣсь въ первой разъ видѣлъ, какъ Татарскіе брадобреи оппіравляють свое ремесло. Товаришь мой, чтобы позабавить меня,
приказаль себя брить. Онъ стальна кольни,
брадобрей сѣль позади его, и оборотивъ голову, которую онъ нагнулъ, сжимая въ ногахъ,
намылиль ему пальцами лице — и выбриль
о ч е нъ постѣшно. Наконецъ подставивъ
голову подъ кранъ рукомойника, онъ опять
всю ее намылиль; потомъ обтеръ волосы
сухимъ полотенцомъ, изъ коего онъ сдѣлалъ

c'étoit une séance de l'éducation religieuse d'une vingtaine d'enfans sur la place publique. Ils étoient alignés sur un rang, et récitoient tour-à-tour les prières du Coran. L'instituteur avoit un grand fouet à la main, et frappoit ceux qui hésitoient, ou qui se trompoient. Lorsqu'un d'entr'eux étoit fouetté, les autres rioient à ses dépens. — Nous vimes quelques beaux restes de la magnificence génoise: entr'autres une fontaine bien conservée, et d'une architecture remarquable. Nous couchâmes dans un café en tout semblable aux cafés Tartares.

Je vis là, pour la première fois, de quelle manière les barbiers tartares traitent leur patient. Mon compagnon se fit raser pour m'en donner le spectacle. Il se mit à genoux. Le barbier s'assied derrière lui, et lui renversant la tête, qu'il assujétissoit en serrant les jambes, il lui savonna le visage avec les doigts, et le rasa fort lestement. Lui plaçant ensuite la tete sous un robinet de lave-mains, il la lui savonna tout entière, puis il lui essuya les

на головъ чалму; сїє послъднее дъйствіе принадлежить къ обыкновенной должности брадобрея.

Старой Крымъ въ Кафѣ, почти весь состоитъ изъ степи худаго свойства. Сїя гавань закрыта горою; ее не прежде можно видѣть, какъ прошедши верхъ горы. Сей городъ, назадъ тому тридцать лѣтъ, имѣлъ восемдесять тысячь жителей, — нынѣ содержитъ въ себѣ до пяти, или шести сотъ. Округъ его былъ великъ: объ немъ судить можно по развалинамъ, занимающимъ довольное пространство. Настоящій городъ состоитъ изъ одной только большой улицы, и нѣсколькихъ разсѣянныхъ домовъ; онѣ хорошо выстроены. — Въ нихъ живутъ Рускїе и иностранцы.

Кафа, Греческая Оеодосія и Римской Каффумъ, славился въ древностии своею торговлею. Будучи основанъ за шестъ сотть лѣтъ до Р. Х. Милетскими жителями, сей городъ быль, въ продолженіи нѣкотораго времени, столицею Босфорскихъ царей; кажется, что послѣ Митридатовой побѣды, сей портъ быль оставленъ. Въ царствованіе же Адріана, онъ разрушенъ— и даже до Х столѣтія въ исторіи ничего объ немъ не упоминается. Въ 988 году, по шестимѣсячной осадѣ, взять онъ быль Владиміромъ, великимъ Княземъ

cheveux avec un linge sec, dont il lui fit un turban; cette dernière opération fait toujours partie de l'office du barbier.

De Staroi-Krim à Caffa, tout est steppe de mauvaise qualité. Ce port est caché par une montagne, et on ne le voit que lorsqu'on a dépassé la pointe du mont. Cette ville qui avoit, il y a trente ans, quatre-vingt mille habitans, en contient à peine aujourd'hui cinq, ou six cents. Son enceinte étoit considérable, à en juger par les ruines qui occupent un grand espace. La ville actuelle ne consiste qu'en une seule grande rue, et quelques maisons éparses; elles sont bien bâties, et habitées par des Russes et des étrangers.

Caffa, la Theodosia des Grecs, et le Caffum des Romains, a joué dans les temps les plus anciens un rôle distingué par son commerce. Fondée six cents ans avant J. C. par les habitans de Milet, elle fut pendant un temps la résidence des Rois du Bosphore, il paroît qu'après la conquête de Mithridate ce port fut négligé. Sous l'Empereur Adrien il étoit en ruines, et il n'en est pas question dans l'histoire jusqu'au dixième siècle. En 988, elle fut prise après un siège de six mois par Wladimir, souverain des Russes. Ce prince victorieux

Россійскимъ. Сей побѣдоносный Государь требоваль себѣ у Императора Константина въ супружество его сестру, и съ нею крещенія. Въ одинадцатомъ стольтій сей городь попаль во владьтіє Генуезцовъ и содѣлался цвѣтущимъ. Вениціянцы взяли его у нихъ въ двенадцатомъ стольтій. Около тринадцатаго, Генуезцы опять имъ овладьли, сдѣлавъ его столицею своей торговли съ Индією посредствомъ Фаза. Открытіє мыса Доброй Надежды и побѣды Турковъ не препятствовали Кафѣ сохранить отличную степень между торговыми городами до самой нашей эпохи.

Тщетно правительство дѣлало великія пожертвованія для востановленія Кафы. Одесса во многомъ ее превосходить. Нездоровой воздухь препятствуеть ея востановленію; очень рѣдко случается, чтобы тѣ, которые пріѣзжають жить въ сей городъ, избѣгли отть сильныхъ лихорадокъ. Чтобы привыкнуть къ здѣшнему климату; то для етаго потребно нѣсколько лѣтъ. Причина сего расположенія къ лихорадкамъ не есть мнимая; окружности Кафы сухи ибезплодны. Городъ окруженъ горами на четыре мили отть юго-запада; а съ севѣрной стороны почти всё идешъ долина. Губернаторъ, котораго я еще узналь въ С. Петербургѣ,

somma l'Empereur Constantin de lui donner sa sœur en mariage, et de lui accorder le baptême. La ville tomba sous le pouvoir des Génois dans le onzième siècle et devint très-florissante; les Vénitiens la leur enlevèrent au commencement du douzième siècle. Vers la fin du treizième les Génois la reprirent, et en firent la métropole de leur commerce avec l'Inde par le Phase. La découverte du Cap de Bonne-Espérance, et les conquêtes des Turcs, n'ont pas empêché que Caffa ne conservat un rang distingué parmi les villes commercantes, jusqu'à une époque voisine de nos jours.

Le gouvernement a inutilement fait de grands sacrifices pour relever la ville de Caffa. Odessa lui fait aujourd'hui une concurrence facheuse. L'insalubrité de l'air est un grand obstacle à son rétablissement: il est très-rare que ceux qui viennent s'y fixer, échappent aux fièvres d'accès: il faut quelques années pour s'acclimater. La cause de cette disposition fiévreuse du climat, n'est point apparente: les environs de Caffa sont secs et arides. La ville est dominée par des montagnes à un quart de lieue du sud-ouest, et du coté du nord, tout est plaine. Le gouverneur de la ville, que j'avois connu à Pétersbourg, nous invita à dîner; il faisoit lui-même connoissance avec ce pays-

пригласиль нась объдащь; онь осматриваль свою губернію, и не болье двухь недьль, какъ возвращился высей городь. Кромы нькоторыхь развалинь, новыхь казармы и караншиннаго дома, вы Кафы ньшь ничего досшотримы архишектуры. Тамы еще видна готическая церковь, довольно уцьлышая, — коей одна часть употреблена на хлыбной матазинь, а другая на Божественную службу. Ныны вы Кафы очень мало производится торгу; кы вышепоказаннымы причинамы прибавить надобно продолженіе воинскаго состоянія.

Выбхавъ изъ Кафы, пустились мы на Керчь— послъднее мъстю Европы на восточномъ краю полуострова. Отправившись въ коляскъ въ пять часовъ вечера, пробхали мы до разсвъта, всё степью, двадцать пять миль. Прежде ночи увидъли мы въ нъкоторомъ растояніи отъ дороги, на львой сторонъ, великое множество скота, пасущагося въ окрестностяхъ одного Ташарскаго селенія; также попадалось намъ много съна въ маленькихъ кучкахъ и стогахъ.

Чтобы не возвратиться въ Керчь прежде разсвёта, мы остановились въ нёсколькихъ миляхъ отъ него, уснувъ часъ или два подъ открытым с воздухомъ на кучк съна. Какъ скоро день начиlà, il n'y avoit que quinze jours qu'il étoit arrivé dans son gouvernement. Il n'y a de remarquable, à Caffa, que quelques ruines, les casernes neuves, et le bâtiment de la quarantaine; ces édifices sont d'une belle construction. On y voit une église gothique qui est bien conservée, dont une partie sert de magasin à blé, tandis que l'autre est employée au service divin. Caffa est aujourd'hui presqu'absolument dépourvue de commerce : aux causes déjà indiquées ci-dessus, il faut ajouter le prolongement de l'état de guerre.

En quittant Caffa, nous nous dirigeames sur Kertch, qui est la dernière place d'Europe à l'extrémité orientale de la péninsule. Nous partîmes en calèche à cinq heures du soir; et nous fimes vingt-cinq lieues avant l'aube du jour, toujours dans le steppe. Nous vîmes avant la nuit à une certaine distance de la route, sur la gauche, une quantité prodigieuse de bestiaux qui pâturoient dans les environs d'un village tartare. Nous vîmes aussi beaucoup de foin en petits tas et en meules.

Pour ne pas arriver à Kertch avant le jour, nous nous arrêtâmes à quelques lieues de là, et nous dormîmes une heure ou deux, en plein air sur un tas de foin. A mesure que le jour paroissoit, nous découvrions un très-grand. наль показываться, мы примѣпили великое множество небольшихъ возвышеній, называемыхъ здѣсь курганами. Это могилы древнихъ Скиоовъ. При разрытій обыкновенно находять въ нихъ человѣческія кости, глиняные сосуды и короткій мечь. Ети курганы разсѣяны по всѣмъ степямъ новой Россій; однако въ здѣшней странѣ ихъ гораздо болѣе.

Керчь, прежде Паншикапеумъ, столица Босфорскаго царсива, нын' маленькой Ташарской городъ — безъ торговли; хотя мѣстоположение самое выгоднъйшее, какое только можно себъ представить. Керчь столькоже способенъ къ торговлъ, какъ и Таганрогъ, на другомъ краю Азовскаго моря. Мы отнеслись къ Генералъ Маїору, начальнику охопничьяго полка, которой, въ здъщнемъ мѣстѣ, замѣняетъ гарнизонъ; онъ приняль нась очень хорошо, и вельль дьлашь для нашего удовольствія маневры своимъ охопіникамъ. — Намъ показывали въ сторонь близь города остатки одного намяшника, которой называють Митридатовою гробницею. Етотъ монументъ состоить изъ части двухъ гранитныхъ столбовъ; пригпомъ же они обломаны, а надписи стерты. На другой день Генераль даль намъ канонерной бошь для провзду Таманскаго пролива, которой шириною на восемь

nombres de petites! élévations, appelés dans le pays Courgans ce sont des tombeaux des anciens Scythes. Lorsqu'on les fouille, on y trouve ordinairement des ossemens, des vases de terre, et une courte épée; on voit de ces courgans disséminés dans les steppes de la nouvelle Russie, mais nulle part en si grand nombre que dans cet endroit.

Kertch, autrefois Panticapée, et la capitale du royaume du Bosphore, est aujourd'hui une petite ville Tartare sans commerce, quoique sa situation soit la plus avantageuse qu'on puisse imaginer: cette place pourroit faire tout le commerce que fait Taganrok, à l'autre extrêmité de la mer d'Azof. Nous étions adressés au général-major qui commandait un régiment de chasseurs en garnison là. Il nous recut fort bien, et fit manœuvrer ses chasseurs pour notre plaisir. On nous montra sur une hauteur voisine de la ville, les restes d'un monument qu'on nous dit être le tombeau de Mithridate. Il n'y a plus qu'une partie du fût de deux colonnes de granit debout, encore sont-elles tronquées; les inscriptions sont effacées. Le lendemain le général nous donna une chaloupe canonnière pour passer le détroit de Taman, qui a huit lieues de large. Nous nous embarquames le matin, et lorsque nous fûmes à moitié du trajet, le vent qui étoit assez mauvais

миль. Мы побхали по утру, и были уже на половинъ пупи, какъ сталъ душь противной выпръ, такъ, что мы принуждены были возвратиться въ Керчь. Къ вечеру вѣтръ перемѣнился, и мы опять пуспились; и вскоръ прітхали въ Таманъ. Насъ провожаль Лейшенаншь Полковникь, кошорой повель нась на ночлегь къ башаліонному Шефу, бывшему въ шамошнемъ гарнизонь. Мы вельли его разбудить; онъ насъ приняль спірахь какь хорошо и приказаль подать прекрасной ужинъ. Онъ расказываль намъ, что назадъ тому недъли двв Черкасы сдълали покушение прошивъ одной деревни, называемой Бугацъ и расположенной въ четырехъ миляхъ опсюда, на Кубанскомъ озерв, которое составляеть рвка того же имени, и близь устья рѣки. Ето возбудило въ насъ любопышсиво на другой день шуда опправишься.

Мы прівхали къ одному новому народу, нимало впрочемъ не сходспівующему съ Тапарами, котпорыхъ мы оставили. Это люди высокаго росту, и великотівльные; однако вообще, глупы и неповоротпливы. Будучи родомъ изъ Мало-Росіи, они по большей части лінняві; въ особенности питаются ловленіемъ дичи и рыбы. Они брівють себів голову, сохраняя притомъ одинъ

redoubla et devint contraire, en sorte que nous fûmes obligés de revenir à Kertch.— Le soir le vent changea, et nous nous rembarquâmes. A minuit nous abordames à Taman. Nous étions accompagnés d'un lieutenant-colonel, qui nous mena loger chez le chef du bataillon qui est là en garnison. Nous le fimes réveiller; il nous recut à merveille et nous fit faire un très-bon souper. Il nous raconta que quinze jours avant, les Circassiens avoient fait une tentative contre un village appelé Bougaz, et situé à quatre lieues de là, sur le lac du Couban, formé par le fleuve du même nom, et près de son embouchure. Cela nous donna la curiosité d'y faire une course le lendemain.

Nous arrivions chez un peuple nouveau, et qui ne ressemble point aux Tartares que nous venions de quitter. Ce sont des hommes de haute taille, et d'une forte corpulence mais qui, en général, ont l'air stupide et lourd; ils sont originaires de la petite Russie, et sont la plupart paresseux. Ils vivent principalement de gibier et de pêche; ils se rasent la tête, et ne conservent qu'une mèche de cheveux dont ils

только клочекъ волось, коимъ они обертывають правое ухо; у нихъ есть въ обыкновени обезчестивать преступниковъ, вырывая эпотъ клокъ такъ, что онъ уже никогда не будетъ расти.

Черноморцы управляются по военной частии собственными начальниками и законами, подъ покровительствомъ Россіи. Независимая и безпечная жизнь, котторую они ведуть, дълаетъ столь великую приманку для Рускихъ, что не ръдко случается видъть между ими крестьянъ, бъжавшихъ для того, чтобы избавиться отъ рабства. — Земля Черноморцевъ очень общирна и мало населена, притомъ подвержена нападеніямъ Черкасовъ, или Черкесовъ.

Въ нѣкошоромъ расшояніи отть Тамана находится удивительное геологическое явленіе; это Вулканы, котпорые въ своихъ изверженіяхъ только выбрасываютъ грязь— иногда довольно высоко; мы не могли ихъ видѣть, да и въ это время не было изверженія.

Бдучи къ деревнъ Бугацъ, я сдълаль по, чему могупъ позавидовать всъ любители сего рода забавъ. Солдатъ, которой служить намъ кучеромъ, указаль мнъ въ ста пятидесяти шатахъ отъ дороги драхву, сидящую на скошенной половинъ степи. Со мною въ коласкъ былъ карабинъ и простое s'éntourent

s'entourent l'oreille droite: leur manière de noter d'infamie les criminels, est d'arracher cette mèche, qui ne recroît plus.

Les Czerna Mortz sont gouvernés militairement par leurs propres chess et leurs lois, sous la protection de la Russie, la vie indépendante et indolente qu'ils mènent a un si grand attrait pour les Russes en général, qu'il n'est pas rare de voir arriver parmi eux, des paysans de l'interieur, qui désertent pour se soustraire au servage. — Le pays des Czerna Mortz est très-vaste, peu peuplé et sujet aux attaques des Circassiens, ou Tcherkès.

Il y a à quelque distance de Taman, un singulier phénomène géologique: ce sont des volcans qui dans leurs éruptions ne lancent que de la boue, et quelquesois à une grande hauteur: nous ne pûmes pas les aller voir, et il n'y avoit pas d'éruption dans ce moment-là.

En allant au village de Bougaz, je fis une chose qui doit faire envie à tous les amateurs de ce genre d'amusement. Le soldat qui nous servoit de cocher me fit remarquer à cent cinquante pas de la route, une outarde qui étoit dans une portion fauchée du steppe. J'avois dans la calèche une carabine et un fusil

ружье. Я вельль остановиться, и увърившись, что мив болве можно еще приближиться, и не оппваживаясь пустипься за драхвою, я прицълился изъ карабина и сшибъ ее; но какъ она вскоръ очнулась: по я взяль мое охопничье ружье и пошель на нее. Пробираясь сквозь высокую праву, спугнуль другую драхву, которую я также убиль. Неоставляясь за нею, я бросиль вверхъ мою шляпу, чтобы найти мъсто, потомъ продолжалъ ишши за раненой, которая спаслась. Мнъ стоило многаго труда ее настичь, потому что она 6 жала очень скоро и утекла впередъ очень далеко. Однако я ее наспигь; это быль самець, которой въсиль до піридцатій пятій фуніповъ и двенадцати унцій; другой же в всиль два дцать два фунта. Извъстно, что сія прекрасная птица, есть превосходная дичина. Драхвы въ здъшнихъ спранахъ въюпъ гнъзда и проводяпъ прлой годъ. Онв чрезвычайно дики, а особливо когда видять пвшихь, и когда онв бывають на открытомь мьсть; а если скрышы въ правъ, по подпускають блиско. Къ нимъ легко можно приближиться въ телегь, оборачивая пришомь кругомъ. Для ловленія ихъ употребляють только два способа въ по время, когда онъ бываютъ жирны; во первыхь подходять къ нимъ открыто

simple. Je sis arrêter; et après m'être assuré que je pouvais approcher davantage, sans risquer de faire partir l'outarde, je l'ajustai avec la carabine, et elle resta sur le coup; mais comme elle se releva bientôt, je pris mon fusil de chasse et je courus sur elle. En traversaut les hautes herbes, je sis partir devant moi une autre outarde, que je tuai également. Sans m'arrêter à l'examiner, je jetai mon chapean dessus pour retrouver l'endroit, puis je continuai ma course sur la blessée qui se sauvoit. J'eus quelque peine à l'atteindre, car elle couroit fort vite, et elle avoit bien de l'avance. J'en vins à bout cependant; c'étoit un male qui pesoit trente-cinq livres et douze onces, l'autre en pesoit vingt-deux. On sait que ce bel oiseau est un excellent gibier. Les outardes nichent dans ces contrées et y passent l'année entière. Elles sont extrêmement sauvages pour les gens à pied, lorsqu'elles sont à découvert; mais si elles sont cachés dans les herbes, elles se laissent joindre de près. On les approche encore aisément avec un chariot, et en tournant à l'entour. Il y a ici principalement deux manières de les chasser, dans le temps qu'elles sont grasses: l'une c'est de les approcher à couvert autant qu'on le peut avec des levriers qu'on lâche dessus : l'outarde court avant de se lever, elle ne s'elève ensuite que

сполько, сколько можно, съ борзыми собаками, коихъ пускаютъ поверхъ: драхва прежде нежели подымется, бъжить - потомъ она лишь только поднимется поверхъ земли и полешить медленно — піуть даеть она себя схватить на лету борзой собакъ. Чтожъ касается до другаго рода ловли; то надобно быть или Козакомъ или, по крайней мъръ имъпь лошадей спольже превосходныхь, каковы ихъ. Если Козакъ хочеть поймагнь драхву, то скачеть за ней следомъ на лошади; ппица бъжипъ — онъ за нею; потомь она не замедлить остановиться; въ егпо самое время онъ настигаетъ ее; и какъ скоро она бываешъ ушомлена, що сама ошдаешся въ руки.

Мы надъялись видъщь Черкасовъ въ Бургазъ; они иногда шуда приходящъ вступать въ переговоры; однако теперь ихъ тамъ не было. — Мы видъли, какъ ловящъ рыбу въ Кубанскомъ озеръ. Я никакъ не думаль о такомъ изобили рыбы, а особливо карповъ; есть карпы, которые въсящъ до пящидесящи фунтовъ. Близъ Бургаза находится соленое озеро, схожее съ шъми, которыя мы видъли въ Крыму.

На другой день отправились мы изъ Тамана въ Темрукъ, старинную Турсцкую крѣпость, стоящую отсюда въ пятнадцати peu au-dessus de terre, et vole lentement, ce qui donne au lévrier le temps de la happer en l'air. Pour l'autre chasse, il faut être Cosaque, ou du moins avoir des chevaux aussi excellens qu'ils les ont. Lorsqu'un Cosaque veut forcer une outarde, il lance son cheval dessus. Elle part, il la suit; elle ne tarde pas à se reposer; il arrive un moment après : et ainsi de suite jusqu'à ce qu'elle soit véritablement forcée, et se laisse prendre à la main.

Nous espérions voir quelques Circassiens au Bourgaz: ils y viennent quelques pour parlementer; mais il n'y en avoit pas; nous eûmes le spectacle de la pêche, dans le lac du Couban. Je n'avois pas l'idée d'une telle abondance de poisson, principalement des carpes: on en prend qui pèsent cinquante livres. Il y a près de là un lac salé, semblable à ceux qu'on voit en Crimée.

Nous partimes de Taman le lendemain, pour Temrouk, ancienne forteresse turque à quinze lieues de là: nous fimes au moins le quart de миляхъ; мы провхали по крайней мврв четверть дороги водою т. е. настоящимъ каналомъ, глубиною двухъ или трехъ футовъ, выложенномъ тростиникомъ на тринадцать, или четырнадцать футовъ вышиною. Около насъ плавали форели; мы видъли также утокъ, летающихъ близь коляски. Съ нами встрвтились Козаки, ловяще рыбу на большой дорогъ, и имъюще телегу, запряженную двумя быками для складки рыбы.

Болоша, которыя мы провзжали, соединяють также Азовское море сь чернымь; полуостровь Таманскій онв обращають вь островь. Близь Темрука, на берегахь Азовскаго моря живеть одинь Французь, которой подаеть примврь рачительности и бодрости; онь производить рыбную ловлю, соля рыбу; и когда нагрузить ею небольшое судно, которымь управлять могуть двое людей, отправляется въ Одессу, и закупаеть пужныя ему вещи; намь хотвлось было остановиться у него; однако должно было сдвлать много крюку.

Въ Козацкой хижинъ, гдъ мы ночевали, очень безпокоили насъ мускиты. Ихъ множество, и остервенение, съ какимъ они нападаютъ на иностранцевъ — сущая мука. Сами

la route dans l'eau, c'est-à-dire dans un véritable canal de deux ou trois pieds de profondeur, bordé de roseaux de treize ou quatorze pieds de haut. Les tortues nageaient autour de nous, et nous voyions partir des canards tout près de la calèche. Nous rencontrâmes des Cosaques qui péchoient dans la grande route, et qui avoient un chariot, attelé de deux bœufs pour mettre leur poisson.

Les marais que nous traversions ainsi, joignent la mer d'Azof à la mer Noire: et c'est par eux que la presqu'île de Taman devient une île. Il y a auprès de Temrouk et sur les bords de la mer d'Azof, un Français qui donne un exemple intéressant d'industrie et de courage; il a une pêcherie: et il sale son poisson; et lorsqu'il a de quoi charger un petit vaisseau à lui, que deux hommes suffisent à manœuvrer, il fait un voyage à Odessa, et en rapporte les objets dont il a besoin, nous voulions nous arrêter chez lui, mais il auroit fallu nous détourner trop de la route.

Dans une cabane de Cosaques, où nous passames la nuit, nous fûmes tourmentés des mos quites. Leur nombre et leur acharnement sur les étrangers, sont pour ceux-ci un véritable supplice. Les Cosaques eux-mêmes

Козаки, которые чрезвычайно загрубълы и кръпки, не могутъ уснуть безъ москеттера.

Въ шесть часовъ въвхали мы на линію военныхъ почтъ, называемыхъ Кубанскою линіею.

Я уже прежде сказаль, что Черкасы обыкновенно живуть въ непріязни съ Козаками. Кубанская рѣка, которая береть свое начало въ соединеніи двухь великихь цѣпей Кавказскихъ горъ и пробѣгаеть, еще не впадая въ Черное море, сто миль — служить границею владѣніямъ сихъ народовъ. Черкасы, живучи въ гористой странѣ и питаясь въ особенности охотою и грабежемъ, чрезвычайно боятся своихъ сосѣдей.

Черкесъ есть существо на земли самое свободное и независимое. Онъ страстно любить свою лошадь и саблю — почти никогда съ ними не разлучается; будучи твердъ во всёхъ безпокойствахъ, храбръ до безразсудности, силенъ и проворенъ, не страшится никакого врага, и никогда не отдается въ плёнъ. Отважность сихъ Черкаскихъ ордъ, въ ежедневныхъ набъгахъ, превосходитъ всякое вёрояте: партія Черкасовъ никогда не считаетъ множества непріятелей. Когда сій Татары предпринимають набъть, то собираются отъ семи до осьми человъкъ вмъсть, или отъ тридцати до сорока, и пе-

qui sont singulièrement endurcis et robustes ne peuvent pas dormir sans une mosquitière.

A six lieues de-là, nous entrames sur la ligne des postes militaires, qu'on nomme la ligne du Couban.

J'ai déjà dit que les Circassiens sont habituellement en guerre avec les Cosaques. Le fleuve du Couban, qui prend sa source à la réunion des deux grandes chaînes du Caucase, et parcourt un espace de cent lieues avant de se jeter dans la mer Noire, sert de barrière entre les territoires de ces deux peuples. Les Circassiens, habitant un pays de montagnes, vivant principalement de chasse et de rapine, sont extrêmement redoutés de leurs voisins.

Un Circassien est l'être le plus libre et le plus indépendant de la terre. Il aime avec passion son cheval et son sabre, et ne s'en sépare presque jamais; endurci à toutes les fatigues, brave jusqu'à la témérité, et singulièrement fort et adroit, il ne craint aucun ennemi corps à corps, et ne se rend jamais prisonnier. L'audace de ces hordes de Circassie, dans leurs excursions journalières, passe toute croyance: un parti de Circassien ne calcule jamais le nombre des ennemis. Ces Tartares ont-ils projetés une expédition, ils s'assemblent au nombre de sept ou huit seulement, et au plus trente ou quarante, et passent le fleuve

реплывають ръку вплавь. Должно замътить, что Кубань очень утесиста, и какъ однажды лошади ихъ плыли, они принуждены были сойши съ нихъ — прежде нежели могли приближиться къ другому берегу, плыли нъсколько верспъ. Впрочемъ сія прудность не остановляеть ихъ: человъкъ и лошадь завсегда сміть бросаються вы воду, сколь бы ни высокъ быль скачекъ; мив указывали одно мъсто, очень блиское отсюда, куда сорокъ Черкасовь, которые прошлаго года, пришедши вспіревожинь городь, и видя, что преслъдуетъ ихъ отрядъ въ пятеро, или шестеро больше ихъ, бросились на лошадяхъ въ рѣку - въ одну пропасть вышиною въ придцапь, футовъ; нъкоторыхъ изъ нихъ убили; но ниодного не взяли въ плънъ.

Щъль сихъ набъговъ состоитъ не только въ хищенїи рогатаго скота и лошадей; но, еще въ особенности, людей, которыхъ они промънваютъ напослъдокъ у самихъ Козаковъ на соль. Сверхъ карабина, сабли, пистолетовъ, лука и стръль, у каждаго Черкеса находится веревка съ петлею: какъ скоро онъ поймаетъ плънника: набрасываетъ ему на шею петлю, возвращаясь назадъ что есть духу, бросается въ ръку— и когда уже переплыветъ на другой берегъ: то смотритъ живъ или мертвъ его плънникъ.

à la nage. Il faut observer que le Couban est fort encaissé; et qu'une fois que leurs chevaux sont à la nage, ils sont obligés de descendre l'espace de plusieurs verstes avant de pouvoir aborder de l'autre côté. Cette difficulté ne les arrête point: l'homme et le cheval n'hésitent jamais à se lancer à l'eau, quelle que soit la hauteur du saut; on m'a montré un endroit, tout près d'ici, où quarante Circassiens, qui l'année dernière étoient venus donner l'alarme à la ville, et qui se virent poursuivis par un corps cinq ou six fois plus fort, s'élancèrent à cheval dans le fleuve: c'est un précipice de trente pieds de hauteur: on en tua quelques-uns, mais on n'en pris pas un seul.

Leur but dans ces excursions est non-seulement d'enlever les bêtes à cornes et des chevaux, mais encore, et sur-tout, de prendre des hommes, qu'ils échangent ensuite aux Cosaques eux-mêmes contre du sel. Outre une Carabine, un sabre, des pistolets, et un arc et des flèches, chaque Circassien est muni d'une corde avec un nœud coulant: dès qu'il a fait un prisonnier, il lui passe la corde au cou, repart au galop, se jette dans le fleuve, et lorsqu'il est de l'autre côté, il regarde si son prisonnier est mort ou vivant.

Всякой видипъ, сколь непріятны Козакамъ удачи отъ сихъ нападеній; они почти все теряя, ничего не выигрывающъ. Козаки обыкновенно воюють на своей земль, и они почтиникогда не берупть въ плвнъ; а когда случипся такъ, по Черкасы не соглашающся на размінь. Предпріятія мстительных мірь, котпорыя д'влаютися время отгъ времеми, полагаюшь накошорое равновасие между двумя народами. Въ этомъ случав собирають несколько пысячь Козаковъ, подкрвпленныхъ однимъ, или двумя батпаліонами охотниковь; тогда они переправляющся чрезъ рѣку въ разныхъ мѣстахъ, и начинаютъ разорять селенія; въ то время Черкасы обыкновенно удаляющся въ горы; и сїе непріязненное войско возвращаентся назадъ съ женщинами и скотомъ, котпорыхъ они похищають, притомь сожигая жилища и засъянныя поля. Прошлаго года Одесскій Губернаторъ, которой самъ лично начальспівоваль въ одной изъ сихъ експедицій, взяль и сожегъ городъ Анапу на Черномъ морѣ, и захвашиль множество въ плвнъ; между плвнными было много князей; онъ похиппиль великое множество скотта и женшинъ. Нынъ также намбреваются сдблать подобную експедицію. Мнв должно упомянуть одну черту, которая изображаетъ великодуще побъдишеля и упорную жестокость въ харак-

On conçoit combien les chances de ces hostilités sont fâcheuses pour les Cosaques: ils n'ont rien à gagner, et tout à perdre. Ils font habituellement la guerre sur leur propre terrain: ils ne font presque jamais de prisoniers et quand cela arrive, les Circassiens ne consentent point à les racheter. Ce qui rétablit un peu d'équilibre entre les deux nations, ce sont les expéditions de représailles, et qui se font de temps en temps. On rassemble dans ces occasions plusieurs milliers de Cosaques, qu'on fait soutenir par un ou deux bataillons de chasseurs; on passe le fleuve sur divers points, et on va ravager le pays: ordinairement les Circassiens se retirent dans leurs montagnes, et le corps de troupe revient avec les femmes et les bestiaux qu'il a pu enlever, après avoir mis le feu aux habitations et aux récoltes. L'année dernière le gouverneur d'Odessa, qui commandoit en personne une de ces expéditions, prit et brûla la ville d'Anapa sur la mer Noire, fit beaucoup de prisonniers, parmi lesquels il y avoit plusieurs princes du pays, et enleva plusieurs bestiaux et un grand nombre de femmes. On projette dans ce moment une expédition semblable. Je dois dire un trait qui peint tout à-la-fois la géné. rosité du vainqueur, et l'opiniatre dureté du caractère circassien. Le général rendit la

терв Черкасовь. Генераль возвратиль вольность всвыь плынымь Князьямь безь выкупа. Между плыными женщинами находилась невьста одного изы сихь Князей, Генераль ее возвратиль сему Князю; но оны едва могь, чрезь выкупь, возвратить одну старую женщину, которая находилась лыть сы двадцать вы неволь у Черкесовь.

Прівхавши къ первой сотнъ Козачей, мы нашли Офицера, которой стояль карауломь бывъ очень заняшъ набъгомъ Черкасовъ. Они похипили принадцать лошадей и прехъ человъкъ на той дорогь, по которой мы поъдемъ; етотъ Офицеръ совътоваль намъ Бхать по другой, которая гораздо далве и хуже; но гд в мы будемъ безопасны отъ Черкесовъ: въ двухъ миляхъ опісюда, дороги раздъляются. Офидеръ еще объявиль, что онъ намъ, вмъсто двадцати Козаковъ, дастъ только шесть, коихъ напоследокъ было довольно на такой дорогь, какую онъ намъ показаль. Такими образомь отправились мы въ сопровождении малато опгряда. Въ продолжении двухъ первыхъ миль, дорога была посредственна; но, достигнувъ перекресшка, тав намь должно осшавишь обыкновенную дорогу, въбхали въ болошо, п наша коляска завязла въ грязи; мы принуждены были сойти въ воду, чтобы въ нее выliberté à tous les princes prisonniers sans rancon. Parmi les femmes captives, se trouvoit la fiancée d'un de ces princes, le général la lui rendit, mais il eut beaucoup de peine à obtenir en échange, une femme agée, qui étoit depuis vingt ans prisonnière chez les Tcherkès.

Arrivés au premier poste de cent Cosaques, nous trouvames l'officier fort occupé d'une incursion des Circassiens, qui avoit eu lieu la veille. Ils avoient enlevé treize chevaux et trois hommes, sur la route que nous allions suivre; en conséquence cet officier nous conseilla d'en prendre une autre, plus longue et plus mauvaise; mais dans laquelle il n'y avoit rien à craindre des Tcherkès: les routes se séparoient à deux lieues de-là. L'officier nous déclara encore qu'au lieu de nous donner une escorte de vingt Cosaques qu'il devoit nous donner, il ne nous en donneroit que six, ce qui au reste étoit suffisant pour la route qu'il nous indiquoit. Nous partîmes donc avec notre petite escorte. Pendant les deux premières lieues, la route fut passable; mais arrivés près de la croisée où nous devions quitter la route ordinaire, nous rentrâmes dans le marais, et notre calèche s'y embourba: nous fûmes obligés de nous mettre tous dans l'eau, pour en retirer la voiture à grande peine, et

тащить ее съ трудомъ и послѣ часовой работы. Проѣхавъ тридцать шаговъ впередь, случилось съ нами такоеже приключене. Лошади заупрямившись, не хотѣли болѣе тащить. Мы отрядили двухъ Козаковъ для сысканія почтовыхъ лощадей; сами же мы остались на мѣстѣ съ отпряженною коляскою и четырмя Козаками, которые, если паче чаянія покажутся Черкесы, наровили уйти; въ добавокъ къ сему шёлъ проливной дождь.

По прошестви двухъ часовъ, наши Козаки возвращились съ чепырьмя свѣжими лошадьми; и шогда мы ръшились на шо, что нужно было сдёлашь. Поелику у насъ два раза завязала коляска на дорогв, котторая почиппалась хорошею, то вфрояпно, что мы не повхали бы по той, которую представили намъ худою; она была дальше пяшью милями. Перемънишь шамъ лошадей никакъ не можно; мы расположились провести ночь въ болотъ, оставивъ коляску. Попомъ мы размыслили, что Черкасы находились на той дорогь, которая шла къ Кубани; вошь почему они не приходили въ етпотъ день. Они совсъмъ не думали, чтобы кіно нибудь осмілился пуститься по ешой дорогь, пришомъ же надобно было бъжашь на удачу, мы предпочли опасносшь,

après

après une heure de travail. Mais quand nous eûmes fait trente pas de plus, le même accident nous arriva. Les chevaux rebutés ne vouloient plus tirer et nous fûmes obligés de détacher deux Cosaques, pour retourner chercher des chevaux au poste. Nous étions la avec notre calèche dételée et quatre Cosaques qui avoient tout l'air de s'en aller, si les Tcherkès se montroient: par-dessus tout cela il pleuvoit à verse.

Au bout de deux heures, nos Cosaques revinrent, avec quatre chevaux frais: et alors nous délibérames sur ce qu'il y avoit à faire. Puisque nous avions été embourbés deux fois sur la route réputée bonne, il étoit probable que nous ne nous tirerions pas de celle qu'on nous représentoit comme mauvaise, elle étoit de cinq lieues plus longue. Nous ne pouvions pas y changer de chevaux, nous nous exposions donc à passer la nuit dans le marais et à y laisser notre voiture. Nous réfléchimes d'ailleurs, que puisque les Circassiens avoient été la veille sur la route qui longeoit le Couban , c'étoit une raison pour qu'ils n'y vinssent pas ce jour-là, parce qu'ils ne penseroient pas qu'on oseroit s'y hasarder. Puisqu'il falloit courir une chance, nous préférames la plus piquante, et nous hasardames de voir les

вознамфрившись видфть вблизи Черкесовъ. Мы уговаривали нашихъ козаковъ, когпорые не забоппились объ ептомъ, опіказывались своею малочисленностію. Однако пристыдились, видя въ насъ бол ве р вшимости, нежели въ себъ- также согласились, и мы пустились вскачь по краткому пути. Двое Козаковъ Бхали шаговъ на спю впередъ, а четверо окружали коляску. У насъ быль карабинъ, ружье и сабля; и при каждомъ поворотъ отъ дороги мы брали предосторожность. По большой части вхали мы болотами; вся дорога усвяна была проспникомъ. Впрочемъ все хорошо шло около двухъ миль; воды въ Кубанскомъ озеръ были высоки; вдругъ остановиль насъ потокъ, которой онв составляли, втекая въ одно болото, прорвали плотину.

Наши Козаки бросились въ воду испытать бродъ. Лошадь того, которой повхаль напередъ, опрокинуща была протокомъ— и вплавь достигла другаго берега, такъ какъ и сѣдокъ ея; другіе возвратились назадъ. Опыть небыль удаченъ; но что дѣлать? А никакъ нельзя было ѣхать по другой дорогѣ. Однако мы рѣшились пустипься и вошли въ потокъ; впрочемъ для предосторожности, скинули платье и вылѣзли изъ Tcherkès de près. Nous y encourageames nos Cosaques, qui ne s'en soucioient guères, et objectoient toujours leur petit nombre. Honteux cependant, de voir que nous montrions plus de résolution qu'eux, ils prirent leur parti, et nous entrames au galop, dans la route la plus courte. Deux Cosaques couroient cent pas en avant et quatre autres entouroient la voiture. Nous avions une carabine, un fusil, nos sabres entre les jambes; et à chaque détour de la route nous nous attendions à une alerte. Nous cheminions toujours dans le marais et le chemin étoit bordé de roseaux. Tout alla bien l'espace de deux lieues, les eaux du Couban, que nous longions étoient fort haute, et tout-à-coup nous nous trouvames arrêtés par un torrent qu'elles formoient, en se jetant dans le marais, après avoir rompu une digue.

Nos Cosaques se jetèrent, à l'eau pour sonder le gué. Le cheval de celui qui étoit en avant fut renverse par le courant, et gagna l'autre bord à la nage, ainsi que son maître; les autres revinrent. L'essai n'étoit pas encourageant; mais que faire? Il étoit devenu impossible de regagner l'autre route; il falloit donc tenter le passage, et nous entrâmes dans le torrent. Nous eûmes la précaution d'ôter nos habits, et de nous mettre en dehors de la voi-

коляски. Когда мы сделали несколько шаговь въ воду, то одна изъ четырехъ лошадей упала въ яму: Козакъ, котпорой ее велъ переръзаль постромки. Когда мы находились среди протоковъ - съ тремя лошадьми и коляскою, которая опрокинулась, и изчезла въ иловатной тинв. Топпчась пустились мы вплавь. Достигнувъ берега, увидъли, что коляска погрязла въ шинъ, изъ кошорой никакъ нельзя было ее вышащишь. До почтовой станціи оставалось еще три мили. Мы съ минуты на минуту ожидали Черкесовъ; времени не надобно было терять на освобождение коляски; мы свли на Козачьихъ лошадей — взяли съ собою одного изъ нихъ въ проводники, а другихъ оставили стеречь коляску, объщаясь къ нимъ, какъ можно скорве, отправить помощь. Мы находились почти нагишомъ, въ одной рубашкъ и промочены водою до костией, однако сь нами были сабли; итакъ мы рѣшились недаваться въ пленъ безъ защиты, если встрешимъ Черкасовъ. Нашъ Козакъ убхалъ на тридцать шаговъ впередъ; вдругъ остановился онъ съ ужасомъ и мы услышали шорохъ въ проспникъ. Ето большой олень такъ испуталь насъ. Въ Кубанскихъ болотахъ водится много красных зв врей. Мы нашли на дорогь двь тьлеги оставленныя на дорогь, у коихъ Черкесы отпрятли лоша дей: въ нихъ

ture. Quand nous eûmes fait quelques pas dans l'eau, un de nos quatre chevaux tomba dans un trou: le Cosaque qui nous conduisoit coupa les traits. Quand nous fûmes au milieu du courant, les trois chevaux et la calèche à la nage, celle-ci fut renversée et disparut dans le torrent bourbeux. Bien nous en prit de savoir nager. Parvenus sur le bord opposé, nous vimes notre calèche acrochée sur un îlot, dont il fut impossible de la tirer. Il nous restoit trois lieues à faire pour arriver au poste des Cosaques. Nous pouvions d'un moment à l'autre voir paroître les Tcherkès, et il ne falloit pas perdre le temps en délibérations; nous montâmes donc les chevaux des deux Cosaques, nous primes un de ceux-ci pour guide et nous laissâmes les autres pour garder la calèche, en leur promettant de leur envoyer du secours, aussi promptement qu'il seroit possible. Nous étions à tête nue, en che. mise, et mouillés jusqu'aux os, mais nous avions nos sabres et nous étions bien résolus à ne pas nous laisser prendre sans nous défendre, si nous rencontrions les Circassiens. Notre Cosaque couroit trente pas en avant. Toutà-coup il s'arrête effrayé, et nous entendons piafer dans les roseaux. C'étoit un grand cerf qui nous donnoit cette alerte: les marais du Couban sont remplies de bêtes fauves. Nous еще остались цёлыя припасы. Почтовые Козаки не смъли взять сихъ кибитокъ.

Издалека увидѣли мы бѣгущаго къ намъ встревоженнаго Козака. «Они тамъ, кричалъ Козакъ, они тамъ лежатъ близь дороги!» Мы подвинулись осторожно впередъ, будучи увѣрены, что сти мнимые непртятели были ничто иное, какъ пеликаны, котторые, какъ скоро увидѣли насъ, то приподнялись.

Напоследокъ применили мы, въ верху одного спіроенія, первыхъ почтовыхъ караульныхъ. Они испугались пакъ, что мы нашли сто человъкъ въ боевомъ порядкъ, которые немного успыдились видя полько проихъ Козаковъ, на той дорогв, по которой они не осмвлились ипппи. Сперва Козачій начальникъ выговариваль намь грубо за причиненное безпокойство. Онь не хотівль намь віринь, чтобы мы не видали Черкасовъ; пришомъ отказываясь дапть людей для сысканія нашей повозки; но когда починовой писарь, конпорой читаль съ четверть часа нашъ пашпортъ, пришель сказапь ему, по какимъ приказаніямъ мы Вдемь, по онь савлался очень благосклонень и учиньь. Онъ отправиль искать нашу повозку

trouvames deux chariots abandonnés sur la route, et dont les Tcherkès avoient enlevés les chevaux la veille: il y avoit encore des provisions intactes, et les Cosaques du poste voisin n'avoient pas osé venir prendre ces chariots.

Un peu plus loin nous vîmes accourir à nous notre Cosaque alarmé. «Ils sont la, nous dit-il, couchés près de la route!» Nous avançames avec précaution et nous nous assurames que ces prétendus ennemis étoient des pélicans, qui se levèrent, quand ils nous apercurent.

Enfin nous découvrîmes au haut d'un échafaudage, les premières sentinelles du poste. Elles donnèrent l'alarme, et nous trouvames cent hommes en bataille, un peu honteux d'en voir arriver trois, par une route, sur laquelle ils n'osoient se hazarder en force. -Le chef nous parla d'abord avec beaucoup d'humeur, sur l'alerte que nous venions de donner à son poste. Il ne vouloit pas croire que nous n'eussions pas vu les Tcherkès et refusa de nous fournir du monde pour chercher notre voiture : mais lorsque l'écrivain du poste, qui avoit mis un quart-d'heure à lire notre passeport, vint lui dire de quels ordres nous étions porteurs, il devint fort doux et fort poli, à sa maniere; et il envoya vingt Co-

двадцать Козаковь, которые возвратились чрезъ при часа; мы еще почипали совствиъ пошерянною.

Большая часть нашихъ предпріянній остановлена была протокомъ; однако остальное нелучше этпаго происходило. Остальное время дня провели мы въ сушеніи плашья и въ ловленіи карповъ. Козаки въ это время держали пость и вли только рыбу. Двое челов вкъ столько могли наловить карповъ въ день, сколько можеть стапь на продовольствие Козаковъ, находящихся при почтъ; они удили, грубо сдъланными удочками. Въ обыкновенное время почтовые Козаки питаются дичью, особенно кабанами и оленями, которые бывають сдесь въ великомъ изобили въ болотъ и на островахъ, которые оно заключаеть. Въ сихъ болотахъ также есть много фазановъ и водяныхъ ппицъ всякаго рода; впрочемъ Козаки стръляють только красныхъ звърей.

почты ничто иное, какъ строенные редупы, и снаружи выкладены переплешеными въшвями. Въ каждомъ редушъ находится нъсколько пушекъ; пушки наводятъ ужасъ на Черкесовъ, обезопасивающь сіи почтовыя станціи; когда нъть ничего легче ихъ похищашь.

saques chercher notre voiture, que nous vimes arriver trois heures après : nous la tenions

pour perdue.

Une bonne partie de nos effets avoit été emmenée par le courant; le reste étoit dans l'état qu'on peut imaginer. Nous passames la fin de la journée à sécher nos hardes, et à pêcher des carpes. Les Cosaques faisoient maigre dans ce moment-là, et se nourrissoient uniquement de poisson. Deux hommes prenoient aisément pendant la journée assez de carpes pour nourrir le poste entier; ils pêchoient à la ligne, et avec des hameçons grossiers qu'il font euxmêmes. En temps ordinaire, les postes se nourrissent de gibier : principalement de sangliers, et de cerfs, dont il y a une grande abondance dans le marais, et sur les îles qu'il renferme. Il y a encore dans ces marais beaucoup de faisans et d'oiseaux d'eau de toute espèce, mais les Cosaques ne tirent que les bêtes fauves.

Ces postes ne sont que des redoutes mal construites, et dont le revêtement est en branchâges. Il y a ordinairement une pièce de canon dans chaque redoute : ce qui fait principalement la sureté de ces postes, par la terreur que le canon inspire aux Tcherkès : rien au monde ne leur seroit plus facile que de les enlever.

У Козачьяго офицера, начальствовавшаго памъ, неболъе Таппарина видно роскощи въ домашнихъ уборахъ. На ужинъ подаль онъ намъ карповъ вареныхъ въ похлебкъ, на деревянномъ блюдъ, съ котпорато всякой бралъ пальцами свой кусокъ, разрушивая его по своему. Офицеръ, для довершенія учтивости, настояль, чтобы мой товарищь взяль, вмвсто салфетки, его карманной платокъ. Мы легли внъ горницы, однако не могли заснушь, пошому чшо часовые, кошорые были удвоены, то и доло перекликивались; въ добавокъ къ тому безпокоили насъ комары. На разсвътъ возвратился я на ловлю карповъ, между півмъ, какъ наши досушивали плапые. Я проходиль на острову болотномъ, мимо одного дерева, изъ коего выдолблена лодка. Когда я возвращился, то приближаясь къ берегу я выскочиль на траву, вмѣсто того, попаль въ грязь, покрытую пустою травою и гнилымъ льсомъ; я съ трудомъ оттуда выкарабкался, снова вымовшись и высушившись.

Съ оттрядомъ, состоящимъ изъдесяти Козаковъ, оттравились мы по дорогѣ, еще хуже етой, въ десять часовъ, въ день уѣзжали мы а въ правой сторонѣ отъ дороги услышали мы ружейную пальбу; послѣ узнали, что въ

L'officier Cosaque qui commandoit là, n'avoit pas plus de luxe dans ses meubles que les Tartares. Il nous donna à souper des carpes bouillies, servies sur un plat de bois, dans lequel chacun prenoit avec les doigts son morceau, qu'il dépeçoit comme il pouvoit. Par rafinement de politesse, l'officier insista pour que mon camarade prit son mouchoir de poche, en guise de serviette. Nous couchâmes dehors, mais nous ne pûmes pas dormir, parce que les sentinelles qui avoient été doublées, crioient et répondoient à chaque minute, et que nous étions d'ailleurs tourmentés par les mosquites. A l'aube du jour, je retournai à la pêche des carpes, pendant que nos effe's achevoient de se secher. J'avois passé sur l'île du marais, dans un arbre creusé en canot. Lorsque je revins, en abordant, je crus sauter sur le gazon, et je tombai dans une boue épaisse recouverte d'herbes et de bois pourri: il y en avoit plus haut que moi, et j'eus de la peine à m'en tirer à la nage: ce fut donc à recommencer pour me laver et me sécher.

Nous quittames ce poste à dix heures avec une escorte de dix Cosaques: nous trouvames la route encore fort mauvaise, et ne simes que douze lieues dans la journée; nous entendames sur notre droite une fusillade, et nous avons appris qu'en esset les Tcherkès

самомъ дълв Черкесы намедни напали на почтовую станцію и были прогнаты. -

Миновавъ болошы, примъшно очень хорошее прозябение; дерева чрезвычайно велики; права гораздо выше и гуще, нежели на другомъ берегу Таманскаго перешейка: въ н вкоторыхъ мъстахъ она была выше нашей коляски: я мъряль стебели triticum repens, которые имъли семь футовъ длиною. Животныя участвують въ своихъ размъреніяхъ въ сей роскоши природы. Быки, лошади, бараны гораздо больше Крымскихь, и люди также сдъсь здоровъе и сильнъе.

Мы провзжали на поромв Кубанской рукавь, кошорой мадаешь вы Азовское море; оптсюдова мы еще провхали десяпь миль несносною дорогою и почти всегда болотами до самаго Пултавскаго, большой деревни, очень скучной; мы переночевали въ ней у одного Мајора надъ охошниками, которой насъ приняль очень хорошо. Мы сюда возвращились въ четыре часа вечера, пробхавъ пятнадцать миль степью, очень изобилующею травою, но гдв видно мало скота по причинв сосвдства Черкасовъ. Козаки болбе пускаютъ спада свои къ севъру. Мы перемънили лошадей вь одной деревив, которую, назадъ тому

avoient attaque avant - hier un poste, et

avoient été repoussés.

Quand une fois on est hors du marais, la végétation est de la plus grande beauté; les arbres sont énormes; l'herbe des plaines est beaucoup plus haute et plus épaisse que de l'autre côté du détroit de Taman : elle étoit dans quelques endroits, de la hauteur de notre calèche: je mesurai des tiges de triticum repens, qui avoient sept pieds de long. Les animaux se ressentent, dans leurs dimensions, de ce luxe de la nature. Les bœufs, les chevaux, les moutons sont de beaucoup plus forte taille que dans la Crimée, et les hommes y sont plus grands et plus vigoureux.

Nous passames dans un bac le bras du Couban qui va se jetter dans la mer d'Azof, et de là nous fimes encore dix lieues par une route détestable, et toujours dans le marais avant d'arriver à Pultafskoi. C'est un grand village, fort triste; nous y couchâmes chez un major de chasseurs, qui nous recut de son mieux. Enfin hier à quatre heures du soir, nous arrivâmes ici, après une traite d'une quinzaine de lieues, à travers un steppe trèsabondant en herbe, mais où l'on voit peu de bestiaux au pâturage, à cause du voisinage des Circassiens: les Cosaques envoyent les troupeaux plus au nord. Nous changeames de

двѣ недѣли, раззорили Черкесы. Нѣкоторые изъ жителей избѣжавъ плѣнничества, опять уже пришли сюда поселиться. На послѣдней станціи нашли мы пикептъ, состоящій изъ тридцати лошадей, которыхъ Аттаманъ или Козачій начальникъ отправиль къ намъ на встрѣчу, для прикрытія насъ до сего мѣста, гдѣ уже приготовили для насъ домъ. У насъ были постели; мы ихъ не видали долгое время; однако роскошь не простиралась до употребленія суконъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я буду къ вамъ писать объ етой столицѣ Черноморцевъ, мы видѣли Аттамана, и сего утра объѣздили половину города.

chevaux dans un village que les Tcherkès avoient pillé quinze jours auparavant. Quelques-uns des habitans échappés à la captivite, étoient dejà revenus y demeurer. Nous trouvames à la dernière station un piquet de trente chevaux, que l'Attaman ou chef des Cosaques, prévenu de notre arrivée, envoyoit à notre rencontre pour nous escorter jusqu'ici, où on avoit préparé une maison pour nous recevoir. Nous avons des lits, nous n'en avions pas vu depuis long-temps, mais le luxe ne va pas jusqu'à l'usage des draps. Je vous parlerai, dans ma prochaine lettre, de cette capitale du pays des Czerna-Morts. Nous avons vu l'Attaman, et parcouru ce matin une partie la ville.

письмо у.

Екатеринодарь, от 23 Іюля, 1808 года.

У же шесть дней, какъ мы сдъсь находимся, п я хочу опідать вамъ опічеть въ моихъ главныхъ наблюденіяхь о Екапперинодарів и Козакахь, въ немъ живущихъ. Сей городъ въ окружности столько же великъ, какъ и Парижъ; жителей содержить въ себъ до четырехь пысячь. Улицы въ немъ чрезвычайно широки, а мъста супь общирныя равнины, которыя дающь хорошую паству для лошадей и свиней. Домы строены въ одно только жилье и крышы соломою; укаждаго есшь свой садь, а иногда маленькой въ сторон в лъсокъ. Также сдвсь находишся большая деревянная церковь; внутри коей очень богато убрано. Всякой разъ, какъ идептъ Козакъ на войну, по когда у него есть небольшое сокровище, онь кладеть его въ церковь; если его убъюшь, то оно остается въ ней для умноженія церковнаго украшенія. Видъ окреспностей города очень единообразенъ. Кубанъ, которая протекаетъ близь города, чрезвычайно уппесиста; даже съ LETTRE

LETTRE V.

Featermodar, le 23 juillet, 1808.

IL y a six jours que nous sommes ici, et je vais vous rendre compte de mes principales observations sur Ecaterinodar et les Cosaques qui l'habitent. Cette ville , dans une enceinte aussi grande que Paris, contient quatre mille habitans. Les rues sont d'une largeur extraordinaire, et les places sont de vastes esplanades qui donnent un bon pâturage aux chevaux et aux cochons. Les maisons n'ont qu'un étage et sont couvertes de chaume: chacun a son jardin et quelquefois son petit bois à côté. Il y a ici une grande église bâtie en bois, et dont l'intérieur est d'une grande richesse, Toutes les fois qu'un Cosaque va à la guerre, s'il a un petit trésor, il le dépose à l'église : s'il est tué, elle en hérite, et on augmente ses ornemens. L'aspect des environs de la ville, est absolument uniforme. Le Couban qui passe tout auprès de la ville est extrêmement encaissé, et on voit de l'autre côté des другаго берега видны Черкаскія селенія, называющіяся союзными Россіи.

Жилье ихъ совершенно различно отъ жилья Козаковъ. Оно, такъ сказать, походить на улей пчель, будучи вышиною отъ семи до осьми футовъ въ діаметръ, коего брусъ очень легокъ и которое переносится, по произволенію, съ одного м'вста на другое: оно покрывается войлокомъ; ивъ немъ помъщается все семейство. Мы видёли одно изъ сихъ жилишь, котпорое купиль Козакъ. Намъ хоштьлось было его разсмотртть на самомъ мъстъ; однако думали, что у Черкесовъ есть моровое повътріе, то надлежало намъ возвращении выдержать карантинь. Вдали деревни видны горы Кавказской цёни. На четыре тысячи жителей въ Екатеринодаръ, нъшъ, можешъ бышь, двухъ сошь женщинъ: население дополняется всякой годъ новыми Козаками. Всв они записаны въ полкъи дъйспвительно солдаты. Презръние богатства есть главная черта ихъ характера. Когда случающся у нихъ деньги, они вдругь испрачивають ихъ виветв на сшва, въ кошорыхъ двлають участниками своихъ поварищей. Тогда въ самой обыкновенной праздникъ одъваются они въ новое плашье, нанимающь музыкантовь, собирають друзей своихъ - и пьють водку до

villages Circassiens qui se disent amis de la

Leurs habitations sont tout -à - fait différentes de celles des Cosaques. Ce n'est à proprement parler qu'une ruche d'abeilles, de huit ou dix pieds de haut, sur douze ou quinze pieds de diamètre, dont la charpente est extrêmement légère, et qui se transporte d'un endroit à un autre comme on veut : cela se recouvre d'un feutre, et toute une famille se loge la dedans. Nous vimes une de ces habitations qu'un Cosaque avoit achetée. - Nous aurions bien voulu aller les examiner sur les lieux mêmes, mais comme la peste est toujours censée exister chez les Tcherkès, il auroit fallu faire quarantaine au retour. On voit au-delà des villages dans le lointain, les montagnes de la chaîne du Caucase. Sur les quatre mille habitans d'Ecaterinodar, il n'y a peut-être pas deux cents femmes: la population se recrute tous les ans par de nouveaux Cosaques. Tous ces gens-là sont enrégimentés et essentiellement soldats. Un des traits de leur caractère, est le mépris des richesses; lorsqu'il leur arrive d'avoir de l'argent, ils le dépensent communément tout à-la-fois dans des excès de la table, auxquels ils font participer leurs camarades. Dans ces cas-là, une de leurs fêtes les plus ordinaires, c'est de s'ha-

ттвхъ поръ, покамвств водятся деньги; пошомь заначкающь свое хорошее плашье о дехтярную бочку — и опять начинають жить рыбною ловлею, какъ и прежде. Всв Козадкіе офицеры владътели земель; у Аттамана находятся обширныя помъстья. Они богаты лошадьми и скопюмъ. Есть также простые Козаки, которые очень много водять лошадей, пришомъ же имъя неограниченное право на паству въ степяхъ. Воинская субординація спрого поддерживается; каждый съ подобострастіемъ оппносиптся къ своему начальнику. Всь офицеры, какого бы они чину не были, говорять съ Аттаманомъ съ изъявленіемъ глубокаго почтенія и величають его: Ваше Высокопревосходительство, при каждомъ словъ. Я забавлялся, насчинавъ до ста разъ ето слово въ разговоръ одного полковника съ Апппаманомъ.

Сей начальникъ, давъ поченную стражу, приглашалъ насъ три раза къ объду; въ первой день съ великимъ числомъ Козацкихъ офицеровъ, такъ что намъ можно было примътипь ихъ обхожденте и эппикеты. — Когда мы принли, тогда уже всъ собрались. Аттаманъ молча поклонился съ нами; и мы, съвщи, глядъли съ четвертъ часа

biller de neuf, de louer des musiciens, de rassembler leurs amis, et de boire de l'eau-devie aussi long-temps que l'argent dure. Ils vont ensuite salir leurs beaux habits dans un . tonneau de goudron, et ils recommencent à vivre de pêche, comme auparavant. Tous les officiers de Cosaques sont propriétaires de terres, et l'Attaman a de vastes possessions. Ils sont riches en chevaux et en bestiaux. Il y a de simples Cosaques qui possèdent aussi beaucoup de chevaux, et tous ont un droit indéfini de pâturage dans le steppe. La subordination militaire est maintenue dans sa rigueur, et chaque individu ne s'adresse qu'avec soumission à son supérieur en grade. Tous les officiers, quelque soit leur rang, parlent à l'Attaman avec les témoignages d'un profond respect et lui donne le titre de Votre Excellence à chaque phrase. Je me suis amusé à compter ce mot-la jusqu'à cent fois dans une conversation d'un colonel avec l'Attaman.

Ce chef, après avoir donné une garde d'honneur, nous a invités trois fois à d'îner chez lui, et le premier jour avec un grand nombre d'officiers Cosaques, en sorte que nous avons bien pu observer l'étiquette et l'usage. Quand nous arrivames, l'assemblée étoit déjà formée. l'Attaman nous salua sans parler, et quand nous fûmes assis, nous nous

другь на друга, не говоря ни слова: таково было обыкновение! Потомъ минутъ за пять до объда, Ашшаманъ сказаль нъсколько словь о ничего незначущихъ предметахъ. - Каждой пригошовиль себя къ объду рюмкою водки, закусивъ копченою рыбою и икрою; Апппаманъ не садился за столь, потому что быль нездоровъ; однако онъ прохаживался вокругъ спола, приглашая насъ пишь. Сперва подали намъ четыре соуса, потомъ четыре супа, четыре жаркихъ, и напоследокъ вареныхъ вишенъ. Впрочемъ объдъ изгошовленъ быль по руски. Аппламанъ спарался заставить насъ пить прямо по Козацки; принудивъ насъ пить много во время объда Донскаго вина, котторое сходствуеть съ Шампанскимъ; онъ настояль, чтобы мы еще, послъ объда, пили водку, и держаль у рта рюмку до твхъ поръ, пока мы ее не опростиали; онъ также принудилъ насъ пить пуншъ, наконецъ самъ пошель датть приказаніе, чтобы намь подали, какь онь называль, Французскаго вина. Намъ не безъизвъстно было, что отмънная ласка у Козаковъ состоить въ томъ, чтобы напоить гостей до пьяна: мы етаго остеретлись, тихонько ушедши. Другіе, бывшіе за объдомъ, спаслись шакимъ же образомъ. Во встхъ постщенияхъ, которыя мы делали, всегда угощали насъ водкою и пуншемъ. Близь Екатеринодара наregardames les uns les autres pendant un quart-d'heure, sans articuler une parole: c'est l'usage. Ensuite de cinq minutes en cinq minutes, jusqu'au moment du dîner, l'Attaman dit quelques mots sur des choses indifférentes. Chacun se prépara au diner avec un verre d'eau de-vie, en mangeant du poisson fume cru et du caviar. L'Attaman ne se mit point à table, parce qu'il étoit indisposé, mais il faisoit continuellement le tour de la table en nous invitant à boire. On nous servit d'af ord quatre vinaigrettes, puis quatre soupes, puis quatre rôtis, et enfin des cerises cuites. Le diner étoit d'ailleurs servi à la manière russe. L'Attaman avoit fort à cœur de nous faire boire en vrais Cosaques : après nous avoir beaucoup pressé pendant le diner à boire du vin du Don, qui ressemble au vin de Champagne, il insistoit pour que nous bussions encore de l'eau-de-vie après le diner, et nous tenoit le verre contre les lèvres jusqu'à ce que nous l'eussions avalé, il nous força également à hoire du punch, ensuite il alla lui-même donner les ordres pour qu'on nous servit ce qu'il appeloit les vins de France. Comme nous savions que la politesse exquise des Cosaques est d'enivrer leurs hôtes, nous prîmes peur tout de bon et nous nous sauvâmes. Les autres dîners se sont passés à peu près de la

ходится карантинъ, гдв Черкесы приводять для разміну плінныхь Козаковь. Для сего употребляють они въ посредники Черкасовь, союзниковь Россіи, приходящихь каждой день въ караншинъ для размѣну; имъ извъстенъ только этотъ родъ торговли; поглому что они незнають употребленія денегь. Въ особенности приносяпь они воскъ, нѣкоторыя мѣдныя издѣлія и плащи, называемые бурки, сдъланныя изъ шерспиной маптеріи, очень грубой, но пакт уваленной, что вода никакъ ихъ не проницаетъ. На обмѣнъ получаютъ соль — товаръ, за котпорой уступають они своихъ плънниковъ, продавая пакже своихъ женъ Козакамъ прежде, нежели запрещено было покупать ихъ.

Я видъль приведенную въ караншинъ маленькую дъвочку прехъ, или чепырехъ лъпъ, котторую похипили намедни въ деревнъ, стоящей на той самой дорогъ, по котторой мы ъхали. Корона даетъ на выкупъ плънниковъ извъстную сумму; но Черкасы не всегда довольствуются етою суммою на обмъть соли; и когда родственники, или друзья плънниковъ не могутъ добавить ее, то они опять уво-

même manière. Dans toutes les visites que nous avons faites, on nous a toujours recus avec de l'eau-de-vie et du punch. Il y a près d'Ecaterinodar une quarantaine, où les Teherkès amènent leurs prisonniers Cosaques pour être rachetés. Ils se servent pour cela, de l'intermède des Circassiens amis de la Russie. Ceux-ci viennent tous les jours à la quarantaine pour faire un commerce d'échange, le seul qu'ils connoissent, car ils ignorent l'usage des monnoies. Ils apportent principalement de la cire, quelques ouvrages en cuir, et des manteaux nommes bourca, fait d'une étoffe de laine, très-grossière, mais tellement feutree, qu'ils sont imperméables à l'eau. Ils ne recoivent guères en échange que du sel, marchandise contre laquelle ils cèdent leurs prisonniers, comme ils vendoient leurs femmes aux Cosaques avant qu'il leur fût défendu de les acheter.

J'ai vu amener à la quarantaine une petite fille de trois ou quatre ans, qui a été enlevée l'autre jour dans le village dont je vous ai parlé sur notre route. La couronne donne une certaine somme par tête de prisonnier à racheter; mais les Circassiens ne se contentent pas toujours de cette somme en sel, et lorsque les parens ou amis des prisonniers ne peuvent pas faire le complément de la somme, ceux-ci

дять въ плънъ; ето самое случилось съ симъ ребенкомъ, котпораго я видълъ въ карантинъ.

Сїе дишя, кажешся, не чувствовало своего несчастія — вло орвхи и смвялось вмвств съ Черкесами, по видимому хорошо съ нею поступавшими. Впрочемъ они не всегда такъ снисходительны къ своимъ плѣнникамъ, довольно возмужалымъ — по крайней мврв къ мущинамъ; они привязывають ихъ за шею и за ногу, а если плѣнникъ сдѣлаетъ покущенте бѣжать, то отсѣкаютъ ему пятки обвязывая рану лошадиными волосами, такъ что онъ уже никакъ не можетъ убѣжать.

Мы всякой день бывали въ карантинъ, какъ на какомъ нибудь зрълишь — и я видаль тамъ много Черкасовъ, и часто князей, которыхъ отличали по галунамъ на платъв, и по колпаку; однако въ особенности, по прекрасной работъ ихъ сабель. Ихъ также можно отличать по благородному виду и по красотъ лица и стана. Семъ или восемь, которыхъ я видълъ, были отличной красоты. Ростомъ они высоки и тонки — черты лица у нихъ правильныя и пріятныя — взоръ быстрой и робкой; при смугломъ лицъ они носять усы; бритая по магометански голова, покрыта маленькою шапочкою, синею или красною. Они носять полукафтанье кармазин-

sont ramenés en captivité, c'est ce qui arriva à cette pauvre enfant que je vis présenter à la quarantaine.

Elle n'avoit pas l'air de sentir son malheur; elle mangeoit des noix et rioit avec les Tcher-kès qui sembloient la bien traiter. Ils ne sont pas toujours aussi doux avec leurs prisonniers adultes, du moins les hommes: ils les attachent par le cou et par la jambe, et s'ils font une tentative pour s'échapper, ils leur fendent le talon, et mettent dans la blessure du crin de cheval pour les empêcher de courir.

Nous avons été tous les jours à la quarantaine comme au spectacle, et j'y ai vu beaucoup de Circassiens; souvent des princes, que l'on distinguoit par des galons sur leurs vêtemens, et sur leurs bonnets, mais sur-tout au travail recherché de leurs sabres. On auroit pu encore les distinguer à la noblesse de leur figure, et à la beauté de leur visage, et de leur taille. Sur sept ou huit que j'ai vus, il n'y en avoit pas un qui ne fût d'une beauté remarquable. Ils sont de grande taille et très-minces, ils ont les traits réguliers et fins, le regard singulièrement vif et inquiet, ils portent la moustache et ont le teint basané: leur tête, rasée à la mahométane, est couverte d'un petit bonnet

наго цвѣта, застегнутую крючками; сабля обыкновенно виситть на бердѣ, и узкїе панталоны суконные и кожаные карпетки вмѣсто башмаковъ.

Я замѣшиль, чшо у всѣхь Черкесовь были ноги очень длинныя, и чшо они не могли долго держаться на ногахь безь отпятчентя. Когда случится имъ стоять, то они всегда стараются на чшо нибудь облокотиться. Какъ они проводять жизнь свою на лошади, то почти никогда не ходять пѣшкомъ; вступають въ бракъ только съ своею кастою, сохраняя притомъ различный отъ своей фигуры характеръ.

Также случалось, что Черкасы, приведии въ карантинъ множество Козацкихъ плънниковъ, часто уводили потомъ изъ виду друзей ихъ; хотя сти были гораздо многочисленнъе; если употребить однажды насилте для возвращентя плънниковъ, они никогда больше не приведунъ, а станутъ продавать Перстанамъ, или Туркамъ, Черкесы не боятся пого, если также станутъ поступать съ ихъ соотечественниками; они оставляютъ ихъ, какъ я сказалъ, своимъ непртятелямъ въ наказанте за то, что они от дались въ плънъ. Сей дикти пародъ, кажется, непреклоненъ ни къ какому чувству природы.

de drap bleu ou rouge. Ils sont vêtus d'une tunique écarlate serrée autour de la taille avec des agraffes. Ils ont le sabre en baudrier, portent des pantalons justes de drap, et des chaussons de cuir en guise de souliers.

J'ai observé qu'ils avoient tous les jambes fort grèles, et qu'ils ne pouvoient pas se tenir long-temps deboutsans se fatiguer: ils cherchent toujours un appui, quand ils sont dans cette attitude. Comme ils passent leur vie à cheval, ils ne font presque aucun usage de leurs jambes; les princes ne s'alliant que dans leur caste, conservent un caractère de figure distinct.

was a second at the second second

Hest souvent arrivé que les Circassiens, après avoir amené à la quarantaine beaucoup de prisonniers Cosaques, les ont remmenés ensuite à la vue de leurs amis, quoique ceuxci fussent en force plus considérable; car si l'on usoit une seule fois de violence pour reprendre les prisonniers, ils n'en amèneroient plus, et les vendroient aux Persans ou aux Turcs. Ils ne craignent pas qu'on en use de même avec les leurs, parce que, ainsi que je l'ai dit, ils les abandonnent à leurs ennemis, en punition de la lâcheté de s'être rendus captifs. Ce peuple farouche ne paroît susceptible d'aueun sentiment naturel. L'habitude cons-

Постоянная привычка къ опасностиямъ войны ожесточаеть Черкасовь до того, что они не дадушъ своей сабли за дочь или жену. Черкасъ не способенъ къ благодарности, такъ какъ нечувствителенъ къ страху. Я вамъ приводиль въ доказашельство многіе примъры опважности сихъ варваровъ: вопть еще одинъ примъръ. Назадъ тому три года, какъ военный губернапторъ сихъ губерній находился сдёсь. Черкасы пришли въ карантинъ для торговли. Ихъ было великое число. Предложенія Губернатора какъ то имъ не понравились. Возгор влась ссора; и за одно слово, котпорое имъ не показалось, двадцать между ими, выхватили изъ ноженъ сабли, и готовы были перескочить карантинную рогатку; хотя путь была партія охотниковь Такимъ образомъ прервали они засъдание, и удалились сь угрожающимъ видомъ.

Вы конечно теперь судите о нашемъ любонытствъ касательно Черкащенокъ, коихъ красота столько выхваляется; мы видъли только одну. Во время отбою, назадъ тому шесть лътъ, одинъ Козацкій офицеръ, начальникъ полиціи въ Екатеринодаръ, взялъ въ плънъ одну молодую Черкашенку, на которой онъ и женился. Она оченъ успъла образоваться. Мы пили у ней чай, и довольно хорошо ее разсмотръли; она росту tante des périls de la guerre, endurcit un Circassien, au point qu'il ne donneroit pas son sabre pour racheter sa semme ou sa fille. Il est incapable de reconnoissance, comme inaccessible à la crainte. Je vous ai raconté plusieurs traits de l'audace de ces barbares; en voici encore un. Il y a trois ans que le gouverneur militaire de ces provinces se trouvoit ici. Les Circassiens vinrent à la quarantaine pour une négociation. Ils étoient en grand nombre. Les propositions du gouverneur ne leur convenoient pas. La discussion s'échauffa; et sur un mot qui leur déplut, vingt d'entr'eux tirèrent le sabre, et parurent prêts à franchir la barrière de la quarantaine, quoiqu'il y eut une compagnie de chasseurs en joue sur eux. Ils rompirent ainsi la conférence, et se retirèrent d'un air menacant.

Vous jugez de notre curiosité sur les Circassiennes dont la beauté est tant vantée; nous n'en avons pu voir qu'une seule. Dans une représaille qui eut lieu il y a six ans, un officier de Cosaques, actuellement chef de la police à Ecaterinodar, fit prisonnière une jeune Circassienne qu'il épousa. Elle a eu le temps de se civiliser, au point où ce séjour le comporte. Nous avons pris le thé chez elle, et l'avons examinée tout à notre aise. Elle est de taille

средняго, собою очень складна и легка. Видъ у ней благородной и поступки пріятные. Лице смугло, однако черпы очень правильныя — рошь маленькой, глаза больше черные — взоръ пріятный. Она очень учтиво подчивала насъ чаемъ; у ней были двое маленькихъ дъглей, коими она очень занималась; кория послъдняго грудью, отказалась опів прогулки въ сосваній лівсь.

Каженися, чию Черкасы происходянть отго Алановь, занимавшихь севърную часть Кавказа и Азовскаго моря, еще прежде Сарматовь. Митридатовы преемники овладали плоскою страною, орошаемою Кубанью. Въ 375 году Гунны выгнали часть Алановъ къ Европъ разрушивъ Восфорское царство: часть Алановь, которые туть оставались, удалились изъ Кавказа. Венгерцы и Булгары выгнали изъ Крыму и береговъ Дона Гунновъ, Напослъдокъ Казары въ 679 году покорили всв народы, начиная съ Кафы до самаго Дону; и простперли свои побъды до Европы. Владън е ихъ продолжалось при съ половиною въка. Пошомъ уже въ 882 осталась у нихъ только земля, расположенная между Кубанью и Дономъ. Въ 1015 году они пошеряли всв свои владвийя по берегу Азовскаго моря; Рускіе же соединившись съ Константинопольскими Греками, учреmoyenne

moyenne, fort bien faite et légère. Elle a l'air noble et les mouvemens gracieux. Son teint est un peu brun, mais elle a les traits fort réguliers et la bouche petite, de grands yeux noirs et le regard doux. Elle nous servit du thé de très-bonne grace. Elle a deux petits enfans, dont elle paroit très-occupée. Elle nourrit le dernier, et refusa d'être d'une promenade que nous simes à une forêt voisine, pour

ne pas quitter cet enfant.

Il paroit que les Circassiens descendent des Alains, qui occuperent, après les Sarmates, la partie septentrionale du Caucase, entre la mer Caspienne et la mer d'Azof. Les successeurs de Mithridate s'emparèrent du plat pays, arrose par le Couban. L'an 375 les Huns chassèrent une partie des Alains vers l'Europe, et détruisirent l'Empire du Bosphore : les tribus des Alains qui restèrent dans le pays, se retirerent du côté du Caucase. Les Hungres et les Bulgares chassèrent les Huns de la Crimée, et des bords du Don. En 679 les Chazars subjuguèrent les nations de la côte, depuis Cassa jusqu'au Don, et étendirent leurs conquêtes du côté de l'Europe. Leur Empire dura trois siècles et demi. En 882 ils ne conservoient que le pays situé entre le Couban et le Don. En 1015 ils perdirent tout ce qui bordoit la mer l'Azof, et les Russes, réunis

дили на Таманскомь островъ княжество, копюрому Казары плашили дань. Спустая послъ ешаго съ въкъ, различныя Черкаскія орды, воспользовались смятпеніями Россіи, разрушили Таманское княжество, и поселились на другомъ берегу Кубани. — Въ началъ принадцатнаго стольтия появились Монголы, истребивъ орды, занимавшія къ Севтру и Восшоку опъ Кубани плоскія мѣста; однако выгодами гористой Черкасы, пользуясь страны, противились около половины столѣтія симъ ужаснымъ побъдителямъ — уступивъ наконецъ славному Тамерлану; ихъ покореніе было болье мнимое, нежели подлинное; они въ своихъ горахъ и лъсахъ сохраняли наспоящую независимость. Сія независимость не перемънилась, когда спустя два въка (въ 1484). Ошоманы овладели Темрюкомъ и Таманомъ. Въ шечени прехъ сопъ лъпъ, прошекшихъ до устгупки сей земли Россіи, различныя Черкаскія орды еще сохраняли независимость, приобрѣтенную ихъ предками: они твердо ее защищали ошъ Крымскихъ Хановъ, кошорые, въ продолжении времени, учредили въ ихь сосвденив многочисленныя орды Нагайскихъ Ташаръ, пеперь почти раззоренныхъ.

aux Grecs de Constantinople, établirent dans l'île de Taman une principauté, dont les Chazars furent tributaires. Environ un siècle après, diverses tribus circassiennes, profitant des troubles de la Russie, détruisirent la principauté de Taman, et s'établirent dans tout le bas Couban. Au commencement du treizième siècle, les Mogols parurent, et exterminèrent les tribus qui occupoient le plat pays au nord et à l'ouest du Couban : mais les Circassiens mettant à profit les avantages d'un pays montueux, résistèrent pendant un demisiècle à ces terribles conquérans: ils ne cédèrent qu'au fameux Tamerlan, mais leur soumission fut plutôt apparente que réelle, et ils conservèrent dans leurs montagnes et dans leurs forêts une véritable indépendance. Cette indépendance ne sut point altérée, lorsque deux siècles après (en 1484) les Ottomans s'emparèrent de Taman, et de Temrouk. Pendant les trois cents ans qui se sont écoules ensuite, jusqu'à la cession de ce pays à la Russie, les diverses hordes de Circassiens ont conservés l'indépendance acquise par leurs ancêtres: ils ont sur-tout eu à la défendre contre les Khans de Crimée, qui établirent, successivement dans leur voisinage de nombreuses hordes de Tartares Nogays, maintenant à peu près détruites.

Кубань леть уже двадцать нять, находишся во владъни России; покушения, сдъланныя для покоренія епихъ сосѣдей - грабишелей, были тшетны. Князь Дадьяновъ, - Россійской Генераль произвель болбе успбховъ въ сей дикой странь; однако несчастная его смерть, окончившая сїю експедицію, заставила перемънить его систему на безпрестанную войну съ ними. Князь, привлечень будучи ими, подъ видомъ переговоровъ, убитъ былъ стрълою, произившею ему сердце среди охранишельной своей команды. Теперь только ограничиваются раззореніемъ областей, наказаніемъ и вмість удаленіемъ сихъ беспокойныхъ и опасныхъ сосъдей.

Съ большимъ любопышствомъ и участіемъ я замѣчаль, во всѣхъ случаяхъ, физіогномію сего удивительнаго народа. Я завсегда находиль сильное чувство вольности, простирающейся чрезъ длинной рядъ поколѣній; вольности, искупленной кровью и беспокойною жизнію. Однако я невольно чувствоваль родъ нѣкотораго почтенія къ сему важному и независимому характеру; хотя онъ смѣшивался съ звѣрствомъ и недовѣріемъ, которое блистало въ глазахъ. — Черкасы поворачиваютъ глазами съ примѣтнымъ беспокойствомъ: они приходять только туда за съѣстными припасами,

Depuis vingt-cinq ans que la Russie est en possession du Couban, les tentatives faites pour réduire ces voisins déprédateurs, ont été vaines. Le Prince Dadianof, est celui des généraux Russes qui a fait le plus de progrès dans leur pays; mais la catastrophe qui termina cette expédition a fait changer de système sur la manière de leur faire la guerre. Le Prince, attiré par eux, sous le prétexte d'une conférence, fut tué au milieu de son escorte, d'une flèche qui lui perça le cœur. On se borne maintenant à dévaster tantôt un district, tantôt un autre pour les châtier, et éloigner ces inquiets et dangereux voisins.

J'ai observé avec beaucoup de curiosité et d'intérêt dans toutes les occasions que j'en ai eues, l'expression de la physionomie des individus de cette singulière nation. J'ai toujours cru y voir le sentiment énergique d'une liberté transmise par une longue suite de générations, payée de leur sang, et achetée par la vie la plus dure. Je ne pouvois me défendre d'une sorte de respect pour ce caractère courageux et indépendant, quoiqu'il s'allie d'une férocité et d'une défiance qui perce dans leur regard: ils roulent les yeux avec une évidente inquiétude: ils viennent chercherici

безъ которыхъ не могуть обойтись, и тъмъ самымъ напоминають о дикихъ звъряхъ, приученыхъ нуждою.

Сей лѣсъ, о которомъ я прежде упоминаль, и въ которомъ мы прогуливались съ начальникомъ полиціи, находится въ здѣшней странъ только одинъ, и притомъ во владѣніи короны; онъ состоить изъ прекрасныхъ дубовъ, прилѣжно охраняемыхъ.

Я быль завсь въ училищь, гав присупствоваль самъ Аппаманъ; въ семъ училищь происходило испышание учениковъ, кощорыхъ числомъ около сорока, полагая вмБсть съ сими, двухъ молодыхъ Черкаскихъ Князей и чепырехъ маленькихъ дъвочекъ. Ихъ учапть по Лапынь, Ариомешикь, нъсколько Мапематник в и Греческому Каптихизису. Они показались мив болбе свъдущими въ Ариометикв, нежели въ лашинскомъ языкъ. Одинъ ученикъ, льть около осмнадцати, не могь никогда выпуппапнься изъ склоненія слова: homo (человъкъ); однако старые офицеры, услышавъ слово, произнесенное на иностранномъ языкъ, дивились знанію учащихся. Вся церемонія произходила въ сарав, въ которомъ раставлены были скамьи для школы. Я сидъль подлъ Аштамана и посреди учениковъ. Позади меня спояли чепыре маленькія дівочки, копторыхъ однакожъ не спрашивали; во время всего

une denrée dont ils ne sauroient se passer, et donnent l'idée d'animaux sauvages apprivoisés par le besoin.

Cette forêt dont j'ai parle, et où nous simes une promenade avec le ches de la police, est la seule qui existe dans le pays, et la propriété en est réservée à la couronne : elle est composée de chênes superbes, que l'on conserve avec soin.

J'ai assisté ici à un exercice académique, auquel l'Attaman lui - même étoit présent : c'est un examen des écoliers du collège, au nombre d'environ quarante, parmi lesquels je comptai deux jeunes princes Circassiens, et quatre petites filles. On leur apprend le latin, l'arithmétique, un peu de mathématiques et le catéchisme grec. Ils me parurent assez fort pour l'arithmétique, et singulièrement foibles pour le latin. Un écolier d'environ dixhuit ans, ne put jamais se tirer de la déclinaison du mot homo: mais les vieux officiers, qui entendoient prononcer des mots dans une langue inconnue, étoient en admiration de la science des élèves. La cérémonie se passoit dans un grand hangar arrangé avec des bancs pour l'école. J'étois placé près de l'Attaman, et au milieu des écoliers. J'avois derrière moi les quatre petites filles: on ne les interrogea point: et pendant toute la séance, elles ne мспышанія, он'в то и дівло шептали и спорили между собой. Не знаю, чему доброму могупъ онів научиться въ школів, которая пребываеть еще въ дівтствів.

A TOBA SIDE

cessèrent de chuchoter, et de se disputer, je ne conçois pas trop ce qu'elles peuvent apprendre de bon à cette école. Cette académie est encore dans l'enfance.

письмо VI.

Одесса, 16 Августа, 1808.

Уже три недъли, какъ мы отправились изъ Екатеринодара. Намъ было нъсколько затруднительно получить позволен отъ Аттамана съ нимъ распроститься; онъ наставъть съ большею учтивостію, чтобъ мы продолжили у него наше пребыван с. Для принятія насъ въ одной, принадлежащей ему земль въ пятидесяти миляхъ отть Екатеринодара, и для провожден насъ до рубежа Черноморцевъ, онъ далъ намъ своего сына.

Мы положили переночевать на первой день въ одномъ монастырѣ, въ двадцати пяти миляхъ оттъ Екатеринодара; однако оттравились равно въ часъ, и только пристали къ берегамъ озера, среди коего расположенъ монастыръ. Земля, конторую мы проъзжали, есть богатая, однако ненаселенная степь. Намъ попались на глаза только три, или четыре маленькїя деревни и нъсколько скота. Мы переночевали близь одного особнаго дома,

LETTRE VI.

Odessa, le 16 Août 1808.

It y a trois semaines que, nous sommes partis d'Ecaterinodar. Nous eûmes un peu de peine à obtenir de l'Attaman la permission de le quitter: il nous pressa avec beaucoup de politesse, de prolonger notre séjour avec lui. Il nous donna son fils pour nous recevoir à une terre qui lui appartient à cinquante lieues d'Ecaterinodar, et pour nous accompagner jusqu'à la frontière des Cherna-Mortz.

Nous avions compté coucher le premier jour à un monastère, à vingt-cinq lieues d'Ecaterinodar, mais nous étions partis à une heure seulement, et nous ne pûmes qu'atteindre les bords du lac, au milieu duquel ce monastère est situé. Tout le pays que nous traversames est un riche steppe, mais presque point peuplé. Nous ne vîmes que trois ou quatre petits villages, est peu de bestiaux. Nous couchames auprès d'une maison isolée au bord

стоящаго на берегу озера, и спали на открытомъ воздухъ на сънъ, будучи беспокоены комарами, коихъ было великое множество, по причинъ сосъдства озера. Онъ составляли вокругъ насъ словно облако; и мы не могли ни говорить, ни ъсть, бояся, чтобы не проглопить нъсколько етихъ насъкомыхъ.

На другое уптро предувъдомили мы Архимандрипа, что желаемъ видъть монастырь: онь отправиль къ намъ челнокъ съ двумя монахами. Прежде, нежели мы подъъхали къ острову, на которомъ стоитъ сл обитель, причалили къ другому, разспояніемъ отъ етой въ ста тоазахъ, и на коемъ построена дерковь — и чъмъ всего замъчательнъе, простымъ Козацкимъ креетьяниномъ, по собственному его плану; часть сего острова покрыта еще тростникомъ, гдъ въ великомъ множествъ водятся кабаны.

Въ семъ озерѣ много находишся разнаго рода дичи, особенно пеликановъ и аисшовъ; пеликаны, изобилующе въ тѣхъ водахъ, а особливо на берегахъ Азовскаго моря, упошребляютъ странной способъ для ловленая рыбы. Они собираются въ числѣ многихъ шысячъ, составляя линію, расположенную полукружіемъ, въ довольно больщемъ разстоя-

du lac. Nous étions en plein air sur le foin, tourmentés par les mosquites: elles y étoieut en nombre plus considérable que partout ailleurs, à cause du voisinage du lac. Elles formoient précisément un nuage autour de nous, et nous ne pouvions ni parler ni manger sans risquer d'avaler quelqu'un de ces insectes.

Le lendemain matin nous simes prévenir l'Archimandrite, que nous désirions voir le couvent; il nous envoya un bateau conduit par deux prosès. Avant que d'aborder dans l'île du couvent, ils nous débarquèrent dans une autre qui n'en est éloignée que d'une centaine de toises, et sur laquelle on a bâti une église. Ce que celle-ci a de remarquable, c'est d'être l'ouvrage d'un simple paysan Cosaque, qui en a concu et exécuté le plan; une partie de cette île est encore couverte de roseaux, dans lesquels les sangliers vivent en grand nombre.

Ce lac est peuplé de gibier d'eau de toutes sortes, principalement de pélicans et de cignes. Les premiers qui abondent dans ces parages, et surtout sur les bords de la mer
d'Azof, déploient un singulier instinct dans
leur manière de prendre le poisson. Ils se rassemblent au nombre de plusieurs milliers,
forment une ligne disposée en croissant, à

ніи от берега, къ которому приближаются, хлопая крыльями, для устрашенія птицъ. Такимъ образомъ пеликаны столько выгоняють на берегъ рыбы, что не могуть всей прівсть; они ее уносять въ степь, напередъ умертвивши, — от етаго бываеть зараженъ воздухъ въ продолженіи нѣсколькихь дней. Извѣстно, что сія птица носитъ суму, въ которую кладетъ рыбу, когда бываеть сыта, или когда хочетъ кормить своихъ дѣтей.

Насъ очень хорошо принялъ Архимандришь, къ кошорому сынъ Апишамана подошедъ, поцѣловалъ руку. Сей монастырь очень богатъ, всѣ земли вокругъ озера ему принадлежать; но правило строго — и монахи каждой годъ постятся. Мы видѣли въ церкви не болѣе пятидесяти монаховъ. Строенте монастырское обширно и хорошо обдѣлано: еще теперь достроивають одну церковь.

Рыбная ловля есть только развлечение, котпорое позволяють себь монахи: кажется, что жизнь, провожаемая ими, благоприятствуеть здоровью; между ими находятся два старика, очень старые. Я видъль одного, возвращающагося съ рыбной ловли. Намь котблось узнать, котторой ему годъ; я не могу точно еттаго сказать, отвечаль онь:

une assez grande distance du rivage, duquel ils se raprochent en battant des ailes, pour effrayer le poisson devant eux. Ils en font ainsi échouer sur le rivage des quantités si considérables, qu'ils ne peuvent pas suffire à les consommer : ils en emportent dans le steppe, après s'en être gorgés, et l'air en est souvent empesté pendant plusieurs jours. On sait que cet oiseau porte devant lui une poche dans laquelle il met le poisson lorsqu'il est rassasie, ou lorsqu'il veut nourrir ses petits.

Nous fûmes très-bien accueillis par l'Archimandrite, auquel le fils de l'Attaman baisa la main en l'abordant. Ce couvent est fort riche. Toutes les terres des environs du lac lui appartiennent; mais la règle est austère, et les moines font maigre toute l'année. Nous ne les vîmes que dans l'église au nombre de cinquante. Les bâtimens du monastère sont vastes et bien construits: on travaille encore à bâtir une église.

La seule distraction que ces moines se permettent est la pêche. Il paroît que la vie qu'ils mènent est favorable à la longévité: il y a parmi eux des vieillards extrêmement agés. J'en vis un qui revenoit de la pêche: nous voulûmes savoir de lui, quel age il avoit: «Je ne puis pas vous le dire au juste, nous répondit-il: j'ai été envoyé en Sibérie à l'age de «меня послали въ Сибирь на двадцать пя-«томъ году; я тамъ провель тридцать лѣть, «и вотъ уже много времени, какъ я нахожусь «сдѣсь.» Другой старикъ никогда не выходитъ изъ церкви. Мы видѣли, какъ онъ читалъ въ углу и безъ очковъ, предъ налоемъ, молитвенникъ. Онъ былъ на Полтавскомъ сраженти въ 1709 году; если тогда имѣль онъ двадцать лѣтъ, то ему теперь исполнится сто осьмнадцать лѣтъ. Видя его столь крѣткимъ на ногахъ, не льзя думать, что бы онъ умеръ отъ старости.

Капишель сего монасшыря очень богаша стадами, и въ особенности лошадьми: послъдняя метель или снъжная буря, погубила четыреста лошадей на паствахъ монастырскихъ.

Мы отправились оттуда на лошадяхь, которыхъ намъ даль Архимандритъ; и переночевали въ помѣсть Аттамана. Мы тамъ нашли другато его сына, которой нась ожидаль. Что касается до строеній сей дачи, очень общирныхъ и хорошо обдѣланныхъ, то въ нихъ ничего невидно великолѣпнаго. Близь жилья, и въ окружности нѣтъ ни одного дерева; но трудно описать изобиліе прозябенія етой страны; сдѣсь засѣваютъ поля только для продовольствованія своето; я тамъ видѣлъ прекрасной ленъ; стень сотивте

quatre-vingts ans, j'y ai passé trente ans, et il y a déja bien long-temps que je suis retiré ici. » Un autre vieillard ne sortoit jamais de l'église. Nous le vîmes qui lisoit debout, et sans lunettes, un livre de prière devant un pupitre. Il s'étoit trouvé à la bataille de Pultava en 1709, il avoit alors vingt ans, il en avoit cent dix-neuf quand je l'ai vu. A le voir ferme sur ses jambes, il n'avoit pas l'air d'être prêt à mourir de vieillesse.

Le chapitre de ce couvent est fort riche en troupeaux, et particulièrement en chevaux : le dernier métel, ou orage de neige, en avoit fait périr quatre cent dans les paturages du monastère.

Nous partimes de là avec des chevaux que le prieur nous donna, et nous allames coucher à la terre de l'Attaman. Nous y trouvames un autre de ses fils, qui nous attendoit. Il n'y a rien de magnifique dans les constructions de cette propriété, ce sont des bâtimens rustiques très-vastes, et assez bien soignés. Il n'y a pas un seul arbre auprès des habitations, ni fort loin à la ronde, mais il est difficile de se faire une idée du luxe de la végétation dans cette contrée; on ne cultive du grain que pour la consommation des habitans, mais j'y ai vu du

стоить въ обильномъ лугъ, какой только можно себъ предспавить. У Аптамана тамъ находилось восемь сошь лошадей, которыхъ мы видели на пастве; оне были по брюхо въ правв. Я думаю, что восемь тысячь лошадей также легко могуть питаться въ окружносшяхъ жилья, какъ и восемь сошъ. Сдесь забавлялись мы лоша диною охотою, принимая въ ней участие. Какъ въ сдешнихъ мъстахъ лошади почти дикія, то ихъ очень трудно поймать. Сперва загоняють ихъ въ родъ н вкоторой загородки, окруженной кольями; одинъ козакъ съ веревкою, сдъланною на подобіе пешли, кидаешь ее на голову любой лошади, схвативъ ее за шею; наконецъ онъ даетъ себя тащить до тъхъ поръ, пока сїе живонное упіоминіся — и едва дыша, останавливается: тогда связывають вмъстъ двъ ноги съ одной стороны веревками, прежде нежели развяжущь пешлю; потомъ надъвають на нее узду; и что всего зам вчательные, сін животныя, которых в столь трудно поймать, наконець очень хорошо ходянть въ упражкъ. По окончании сей ловли, мы свли на превосходныхъ лошадей, и продолжали нашъ пушь, отръзавъ изъ стадапо шомъ въкошорое изънихъ число. Мы испышали то же самое, что намъ говорили, и чему едва могли повъринъ; лошади, на lin d'une grande beaute, et le steppe est la plus riche prairie qu'on puisse se représenter. L'Attaman avoit là huit cents chevaux, que nous allames voir au paturage : ils étoient dans l'herbe jusqu'au ventre, et à peine auroit-on dit qu'elle eût été broutée. Je crois que huit mille chevaux auroient vécu dans les environs de l'habitation, aussi facilement que huit cents. Nous eûmes-la le divertissement de la chasse aux chevaux, et nous y primes part. Comme ils sont presque sauvages, on a beaucoup de peine à les saisir. On commence par les chasser dans un espèce de parc, entouré de claies; un Cosaque, muni d'une corde de crin, disposée en nœud coulant, la jette à la tête du cheval qu'il choisit, de manière à le prendre par le cou; puis il se laisse traîner jusqu'à ce que l'animal soit fatigué, et, respirant à peine, s'arrête; on lui attache ensemble les deux jambes du même côté, avant de desserrer le nœud coulant; on lui met ensuite une bride; et ce qu'il y a de remarquable, c'est que ces animaux si difficiles à prendre servent ensuite très-bien à l'attelage. Lorsque nous fimes cette chasse, nous étions montés sur d'excellens chevaux; et nous combinions notre marche de manière à couper du gros de la troupe un certain nombre d'entr'eux. Nous éprouvames ce qu'on nous avoit dit, et que

кошорыхъ мы вхали, бъжали гораздо скорве шьхъ, кошорыя были на воль: безъ ещаго дъло шло бы гораздо шруднье; сіи повздки на лошадяхъ сходствують довольно частію съ игрищами. Искусство Козаковъ въ ловлъ арканами лошадей, почти невъроятно: они бросають сей арканъ, разстояніемъ на тридцать футовъ, на лошадь, которая летить какъ стръла, и столь върно кидають, что голова у лошади, словно нарочно, попадаеть въ петаю.

Тамошнія лошади роста средняго, плотны и дюжи, шерсть лоснится; он бурыя или пемногивдыя; впрочемь есть ивсколько вороныхъ. Между ими находятся прекраснъйшія; однако фигура ихъ вообще не такъ видна: всякой поусумнится въ томъ, что козаки своихъ лошадей никогда не подковывають. На ещо есть обыкновение во встхъ полуденныхъ Губерніяхъ. Когда покупають Черноморскихъ лошадей для перевезенія въ другія губерніи, то и дожидаются съ начала того, чтобы онъ привыкали; потому что никакая паства не придешь прошивъ шой, которую онв оставляють; но когда сій лошади обыкнушь, що удивишельно хорошо ходящь и вы упряжкъ.

На другой день мы пробхали еще двад-

nous avions peine à croire, c'est que les chevaux montés courent plus vite que ceux qui sont en liberté: sans cela, l'opération que nous avions à faire, eût été bien difficile: ces courses de chevaux ressemblent assez à une partie de barres. L'adresse des Cosaques pour les prendre au nœud coulant est incroyable: ils lancent cette corde jusqu'à trente pieds de distance à un cheval qui passe comme un trait, et ils prennent si juste l'avance nécessaire, que la tête de l'animal entre dans le nœud coulant, comme s'il étoit d'accord avec celui qui veut le prendre.

Les chevaux sont de taille moyenne, fortement corsés et membrés, gras à pleine peau, et en général le poil voyant, alezans, ou bais: il y en a peu de noirs. Il y en a de fort beaux dans le nombre; cependant, en général, leur figure n'est pas remarquable: on se doute bien qu'ils ne sont jamais ferrés. On a sur cela le même usage, dans toutes les provinces méridionales. Lorsqu'on achète des chevaux des Cherna-Mortz pour les transporter dans d'autres provinces, il faut s'attendre à les voir décliner dans les commencemens, parce qu'aucun pâturage ne vaut celui qu'ils quittent; mais lorqu'ils sont remis, ils sont d'un usage admirable.

Le lendemain nous simes encore vingt-cinq

дать пять миль и все степью, однако прекрасною, прежде нежели достигли Чербиновки, послѣдней Черноморской деревни, гдѣ и ночевали. — Туть мы простились съ сыномъ Антамана, и вступили въ Екатеринославскую Губернїю, проѣхавъ сто сорокъ миль плодоноснѣйшею страною, которая содержить въ себѣ не болѣе тридцати тысячь жителей. Въ сїю область переведуть двадцать тысячь поселенцовъ изъ Малороссіи.

Екаптеринославская Губернія иденть по берегу Азовскаго моря, начиная съ сего рубежа до самаго Крымскаго. Какъ Донские Козаки и до сихъ поръ въ маломъ находятся довърги, то еще и не отдано имъ во владън е береговъ По той дорогь, по которой мы вхали до самаго Азова, перевзжая многокраппно изь одной Губерніи въ другую, не оставляли впрочемъ никогда степи; хотя здвиняя степь плодоносна, однако непридеть противъ Черноморской; тамъ, какъ и вездъ, ничто не прерываеть ея единообразія. Азовь, которой на всъхъ кар тахъ написанъ крупными буквами, и котпорой даль свое имя древнему Palus Mæotides, теперь ничто иное есть какъ деревня, состоящая изъ полуразвалившихся домовь. Онь расположень въ нъкошоромъ растояніи отъ моря. Мы тамъ долго ждали лошадей; пошомъ переночевали въ

lieues toujours dans un steppe également beau, avant d'atteindre Cherbinoska, le dernier village des Cherna-Mortz, où nous couchâmes.

Là, nous prîmes congé du fils de l'Attaman, et nous entrâmes dans le gouvernement d'Ecaterinoslaw, après avoir fait cent quarante lieues dans le pays le plus sertile de la terre, qui ne contient pas plus de trente mille habitans. On va faire passer dans ce pays - là vingt mille colons qu'on tire de la petite Russie.

Le gouvernement d'Ecaterinoslaw borde la mer d'Azof, depuis cette frontière jusqu'à celle de Crimée. Comme on s'est jusqu'ici défié des Cosaques du Don, on ne leur a point donné de côtes. Dans la route que nous fimes jusqu'à Azof, nous passames plusieurs fois d'un goivernement à l'autre, nous ne quittâmes jamais le steppe. Celui ci, quoique fertile, ne l'est pas tant que chez les Cherna-Mortz; et la comme dans tout ce que nous avions vu; rien ne rompt son uniformité. Azof, qui est en grosses lettres sur toutes les cartes, et qui a donné son nom à l'ancien Palus Maotides, est un village dont les maisons sont de boue : il est situé à quelque distance de la mer. Nous y attendimes long-temps des chevaux, puis nous allames coucher dans un grand village sur le Don. Les bords de ce fleuve sont assez bien peuplés, et principalement par les Cosaques, auxquels il a большомъ селеніи на Дону. — Берега сей р'яки довольно хорошо населены, въ особенности Козаками, называющимися Донскими; сдъсь видно много деревней и нъсколько лъсовъ; время наводненія уже прошло, и сія ръка была въ настоящемъ своемъ положени. Мы ее провзжали, от юда въ милъ, на баркъ, которую наняли для перевозу въ Ростовъ. Въ при часа мы стали обращаться въ различныхъ рукавахъ Дона, вдоль по многочисленнымъ пуспымъ островамъ, когда вода становится ниска, и высокія воды сбывають: на епихъ островахъ я видалъ много дичи всякаго рода; почти предътлазами моими бъгали въ простникъ и правъ кулики, луговки, бегассы, дупельшнены, красшили различныхъ родовъ, кулики, а въводъ плавали различные роды утокъ и чирковъ. Еслибъ у меня было хорошее ружье, то я бы нагрузиль нашу барку дичью, но оно каждой разъ освкалось: я убилъ одного только бекасса на земль, и выстрыль разсыяль стадо птицъ. Когда мы приближились къ самому Ростову, отъ которато отдълены были однимъ шолько рукавомъ на пящдесяшъ ппоазовъ, наша барка спиала на мъль; мы кричали, чтобы намъ подали помощь изъ Ростова, гдъ видно было много челноковъ и барокъ; однако никіпо не пронулся съ міста. Мы р вшились пуститься вплавь, оставя нашу барdonné son nom, on y voit beaucoup de villages, de la culture et quelques arbres : la saison de l'inondation étoit passée et le fleuve étoit rentré dans son lit. Nous le traversames à une l'eu de-là dans une barque, que nous louames pour nous transporter jusqu'à Rostof. Nous mimes trois heures à circuler dans les divers bras du Don, le long des îles qui sont vastes et nombreuses quand les eaux sont basses, et que les hautes eaux font disparoître: je n'ai jamais vu rassemblé tant de gibier de toutes les espèces qu'il y en avoit sur ces îles. On voit courir pêle-mêle dans les jones et dans l'herbe, les pluviers, les vanneaux, les bécasses, les bécassines, les doubles bécassines, les rales de diverses espèces, les courlis, et la où il y a de l'eau, toutes les espèces de canards et de sarcelles. Si j'avois eu un fusil en bon état, je crois que j'aurois chargé notre barque de gibier; mais il ratoit presque à tout coup: je tuai une seule bécasse à terre et mon coup de fusil sit partir des nuées d'oiseaux de toutes sortes. Lorsque nous arrivames vis-à-vis de Rostof, dont nous n'étions plus séparés que par un bras de cinquante toises, notre barque échoua sur un banc de sable. Nous eûmes beau crier pour obtenir du secours de Rostof, où nous voyions beaucoup de bateaux et de barques, personne ne bougea. Nous primes le ку; взяли одинъ челнокъ принадлежащій женщинамъ, которыя мыли шерсть, объщая тотчась имъ отправить его назадъ. Когда мы уже находились въ Ростовъ, то спрашивали, для чего намъ не подали помощи: тамъ отвъчали, что мъсто, на которомъ наша барка обмълела, принадлежало Нахичевану городу, стоящему въ милъ отъ Ростова, имъ и не хотълось мъшаться въ дъла своихъ сосъдей... Я думаю, что если бы мы потонули, то они посмотръли бы на насъ съ одинакимъ хладнокровїемъ.

Мы отпеслись къ одному офицеру, знакомцу моего спутника, родомъ Испанцу, которой настояль, — и притомъ не безъ труда, чтобы намъ стацили барку съ мъли: начальникъ Полицти хоттълъ, чтобы ето сдълали Нахичеванскте жители; а какъ наша коляска была на баркъ, то мы всячески старались, дъло скоръе привести къ окончанію.

Ростовъ есть небольшой городъ, въ которомъ нѣтъ ничего замѣчательнаго; жители производятъ торгъ и рыбную ловлю. Сдѣсь продаютъ въ великомъ множествъ осетровъ. Меня увѣряли, что есть крестьяне, которые ловятъ въ продолженти одного мѣсяца рыбы на

parti de nous mettre dans l'eau, d'abandonner notre barque; nous nous emparâmes d'un bateau appartenant à des femmes qui lavoient de la laine, et auxquelles nous promîmes de le renvoyer immédiatement. Quand nous fûmes à Rostof, nous demandâmes pourquoi on ne nous avoit point donné de secours: l'on nous répondit que l'endroit où nous avions échoué appartenant à Nachtchivan, ville située à une lieue de Rostof, on ne se mêloit pas des affaires de ses voisins... Je suppose que si nous avions été submergés, ils nous auroient regardés avec la même indifférence.

Nous allames nous adresser à un officier civil de la connoissance de mon compagnon de voyage, Espagnol de naissance, et qui nous fit obtenir, et non sans peine, que notre barque fut remise à flot: le chef de la police vouloit que ce fût fait par les gens de Nachtchivan, et comme notre voiture étoit sur la barque, nous étions intéressés à ce que la difficulté fut promptement levée.

Rostof est une petite ville qui n'a rien de remarquable; ses habitans vivent du commerce et de la pêche du Don. Le poisson que l'on vend avec le plus d'abondance, c'est l'esturgeon. On m'a assuré qu'il y avoit des paysar s qui en prenoient pour sept cents roubles dans la saison, qui ne dure qu'un mois. On

семь сотть рублей; извъстно, что осетровая икра уважается болъе самой рыбы. Средспіво ловишь осепровъ въ Дону очень удивительно; протягивають въ водъ горизоншальную верекву, къ кошорой привязаны въ шесть дюймовъ другіе маленькіе веревочки съ толстыми удочками. Осетры проходя, зацібпляющся хвостомъ. Сія ловля есть неисчерпаемая помощь для житпелей береговъ сей ръки; всв сосвднія селенія шакже богашвють от сего промысла. Мы завзжали въ Нахичеванъ, городъ наполненной Армянами. Сей городъ знативе, правильнве расположенъ, и богатъе Ростова. Армяне производять торговлю по Дону; мы тамь видьли много магазиновъ съ различными поварами, а особливо съ шелковыми машеріями и мъдными издъліями.

Мы переночевали въ Акшав, послв одного развозу, въ шести миляхъ отъ Дона, которой оставили вправв. Въ етомъ селени удостовврились мы въ великомъ множествврыбы, доставляемой сею рвкою. Вдоль порвкв видны кучи сухой рыбы; сти кучи никто не стережетъ, —собаки и свиньи приходятъ туда всть рыбу. Сввжую продажную рыбу раскладываютъ на берегу; щука или карпъ, въсомъ пящи или шести фунтовъ, стоитъ около шести Францускихъ солдовъ. Раки

sait que le caviar de ces poissons est plus estimé que le poisson même. La manière de prendre l'esturgeon dans le Don est très-singulière: on dispose dans l'eau une corde horisontale en travers du courant, à laquelle sont attachées de six en six pouces d'autres cordes plus minces portant de gros hamecons. Les esturgeons en passant se prennent par la queue. Cette pêche est une ressource incalculable pour les habitans des bords du fleuve; aussi les villages qui l'avoisinent sont-ils tous riches. Nous fimes une visite à Nachtchivan ville toute arménienne. Elle est plus considérable, plus régulière, plus riche que Rostof. Les Arméniens font le commerce du Don, et nous y vimes beaucoup de magasin de diverses marchandises: surtout des soiries et des ouvrages en cuirs.

Nous allames coucher à Acshai, après une traite de six lieues paralèllement au fleuve que nous laissions à droite. Nous pûmes prendre dans ce village l'idée de la quantité de poissons que le Don fournit. On voyoit le long du fleuve des piles ou meules de poissons séchés: ces meules n'étoient pas même gardées, et les chiens et les cochons venoient y manger tout à leur aise. On étale sur le rivage le poisson frais pour la vente: un brochet ou une carpe de cinq ou six livres vaut envi-

тамъ очень велики: они, по крайней мѣрѣ, длиною полфута; и сотия ихъ продается не болѣе десяти копѣекъ, или десяти Французскихъ солдовъ; чтобы съѣсть тридцать, надобно быть великимъ ѣдакомъ.

Мы были шамъ у Донскихъ Козаковъ. Однако у Козаковъ живущихъ на Черномъ морѣ, мы почпи не видали женщинъ; а сдѣсь мало видно мущинъ, погному что всѣ находились въ армїи. Сїи женщины не имѣютъ ничего отличнато въ фигурѣ и оборотахъ; онѣ сходствуютъ, но большой части, съ нашими Францускими крестьянками, какъ по обращенїю, такъ и по платью; однако онѣ завязываютъ свои волосы сѣткою, какъ Испанки.

Мы тамъ взяли барку, чтобы ѣхать въ старой Черкаскъ, столицу Донскихъ Коза-ковъ. Етотъ городъ очень странной. Онь весь построенъ на сваяхъ предосторожность необходимая для положентя сего города, которой стоитъ на ръкъ, разливающейся всякой годъ, въ продолженти четырехъ мъсяцевъ. Не смотря на сто предосторожность, вода входитъ въ покои нижнято етажа; начальникъ полицти, къ которому мы пошли, указаль намъ подлъ стъны высоту, до коей вода входила въ покои. По сбытти воды, берупть въ комнатахъ рыбу.

ron six sols de France. Les écrevisses y sont monstrueuses: elles ont au moins un demipied de long; elles coûtent dix copecs ou dix sols de France, le cent: il faut être gros mangeur pour en manger trente.

Nous étions là chez les Cosaques du Don. Parmi ceux de la mer Noire, nous n'avions presque pas vu de femmes; ici il n'y avoit presque pas d'hommes: ils sont aux armées. Ces femmes n'ont rien de remarquable dans la figure et la tournure: elles ressemblent à la plupart de nos paysannes de France, soit pour les manières, soit pour le vêtement, mais elles renferment leurs cheveux dans un filet à l'espagnole.

Nous primes-là une barque pour aller au vieux Cherkask, capitale des Cosaques du Don. C'est une ville très-singulière: elle est toute bâtie sur pilotis: précaution indispensable dans la position où est cette ville, sur un fleuve qui se déborde tous les ans, pendant quatre mois. Cette précaution n'empêche pas que l'eau n'entre dans les appartemens des étages inférieurs: le maître de police chez qui nous allâmes, nous montra contre les murs la hauteur à laquelle l'eau étoit venue dans l'appartement où nous étions. Quand l'eau se retire, on prend le poisson dans les chambres.

Нын в строють городь, называемой новой Черкаскь, которой будеть столицею Коза-ковь. Кажется, Аттамань выбраль сте мв-стоположенте, вы семи миляхь от древняго города, по причин близости его по-мвстьевь; онь принудиль перейти туда многтя семейства изъ древней столицы, которая вы последстви, думаю, уничтожится. Мы полагали, что можно бхать къ новому городу водою; однако плаванте было очень трудно, и мы принужденными нашлись возвратиться вы Акшаю.

Въ спаромъ Черкаскъ находишся очень богашая церковь, которую хотълось намъ видъть. Мы опинеслись къ Протонопу съ прозьбою; онъ требовалъ, чтобы мы, прежде нежели посмотримъ церковь, напились у него чаю, Донскаго вина, и потомъ пуншту; однако мы ръшились настоятельно отказаться отъ сего предложенїя; хотя видъли, что етотъ отказъ причинилъ доброму священнику несказанную горесть.— Сїя церковь такимъ же образомъ обогатилась, какъ и Екатеринодарская, то есть, вкладами Козаковъ, въ то время, когда они идутъ на войну, икоими, по смерти ихъ, владъетъ церковь.

Новой Черкаскъ, мѣстопребываніе Аттамана, есть городъ начатой не болѣе трехъ лѣтъ, и вмѣщающій по крайней мѣрѣ въ сеOn construit dans ce moment ci une ville nommée le nouveau Cherkask, et qui deviendra la capitale des Cosaques: l'attaman y a fait transporter un grand nombre de familles de l'ancienne capitale, qui est par consequent dans un état de décadence. Nous avions compté pouvoir aller par eau à la nouvelle ville, mais la navigation étoit trop difficile, et nous fûmes obligés de revenir à Acshai.

Il y a au vieux Cherkask une église fort riche, et que nous fûmes curieux de voir. Le chef des prêtres auquel nous fûmes adressés pour cela, exigea que nous commençassions par boire avec lui, d'abord du thé, ensuite du vin du Don, et enfin du punch; mais nous prîmes le parti de refuser décidément: nous vîmes que cela faisoit au bon prêtre une véritable peine. Cette église est enrichie par la même cause que celle que nous avions vue à Ecatherinodar, savoir les dépôts que les Cosaques font en allant à la guerre, et dont l'église hétire s'ils meurent.

Le nouveau Cherkask, la résidence de l'Attaman, est une ville qui n'est commencée que depuis trois ans, et qui a déjà un millier бѣ до пысячи домовь, разсьянныхь на прехъ или чепырехь миляхь въ окружноспи. Апшаманъ находился въ отсутстви; зять его правиль делами. Онъ приняль насъ, соблюдая всё свое достоинство; между прочимъ пригласиль насъ къ объду; однако онъ старался во всемъ брашь преимущество; онъ не говориль ни слова, и мы послъ объда топичась съ нимъ распростились. Сдёсь испышали мы великость разстоянія большихъ городовъ, неиспыщавъ однако оттъ сего никакихъ выгодъ: коляска наша была испорчена; надлежало ее оппиравить къ кузнецу, живущему опть нашей квартиры на одну милю; пошомъ ишши двъ мили за почтовыми лошадьми. Весь день проведенъ нами въ ходьбь; ьхапь пришлось уже на другой день.

Въ Черкаскъ спроють, подъ управлениемъ Французскаго Архиппектора, домъ для Атттамана, расположенный полукруждемъ, церковь и съъзжей домъ; строентя сти немного замъчательные видынныхъ нами. Сей городъ расположенъ на устъ Дона; — онъ стоитъ гораздо выше ръки. Въ Черкаскъ такъ пришлось намъ, (ето еще въ первой разъ случилось что и за деньги ничего не могли достать себъ изъ събстнаго. Сдъсь цензвъстны постоялые дворы и кофейныя; — оборотливость примътна въ жи-

de maisons disséminées, sur un espace de trois à quatre lieues de circonférence, au moins. L'Attaman étoit absent, et son gendre en faisoit les fonctions. Il nous recut en conservant toute sa dignité. Il nous invita à dîner; mais il eut soin de se faire servir le premier de chaque chose; il ne parla point, et nous primes congé de lui après le repas. Nous éprouvames-là l'inconvénient des distances des grandes villes, sans en éprouver les avantages : notre voiture étoit gatée, il fallut l'envoyer au maréchal à une lieue de chez nous, puis aller chercher des chevaux de poste à deux lieues de-là. Toute notre journée fut employée en allées et venues, et nous ne pûmes partir que le lendemain.

On construisait à Cherkask, sous la direction d'un architecte Français, un palais disposé en rotonde pour l'Attaman, une église et une maison de police: ce sont les seuls bâtimens un peu remarquables que nous ayons vus. Cette ville est située sur une branche du Don, et sa position est élevée au-dessus de la rivière. Il nous arriva à Cherkask (et c'est la seule fois que nous ayons été dans ce cas-là) de ne pouvoir rien nous procurer à manger pour de l'argent. On ignore l'usage des auberges, ou des cafés; l'aisance est générale chez les ha-

теляхь, которые не такь уважають гостеприметво. Начальникь полици отвель намь квартиру, гдв приняли нась холодно, отказавь во всемь томь, что мы требовали. Коляска задержала нась до другаго дни; мы двиствительно проголодались, прежде нежели могли выбхать изъ етой столицы. Мы спали на полу въ нашей квартирв, гдв одинь стуль замъняль всв домашите уборы.

На другой день мы сбились съ дороги; -вмвсто того, чтобы вхать въ Таганрогъ, какъ намъревались, побхали Московскою дорогою. Пробхавъ семь миль, узнали свою ошибку; надлежало опянь ворошинься въ Черкаскъ; уже около вечера прі вхали мы въ Росповъ. Мы изрядно проголодались. Почтмейстеръ даваль баль, на которой и насъ пригласилъ. Думая найши шамъ ужинъ, мы приняли сте предложенте, однако етаго ужина должно было ждапть до пяпи часовъ упра; въ продолжени сего времени, мы дышали пабашнымъ дымомъ, сидя полусонные въ углу, какъ и прочје гости. Вышедъ изъ спюла, оппиравились немедленно въ Татанрогь, куда возвращились къ объду, про-Бхавъ девяпна драпъ миль спепью. bitans, et ils ne sont nullement hospitaliers. Le maître de police, nous fit avoir un logement où nous fûmes recus avec beaucoup d'humeur, et on nous refusa tout ce que nous demandames. L'accident de notre voiture nous ayant retardé jusqu'au lendemain, nous eûmes véritablement faim ayant de pouvoir quitter cette capitale. Il va sans dire que nous couchames sur la terre dans notre logement, dont une seule chaise composoit tout le mobilier.

Le lendemain nous nous trompames de chemin, au lieu d'aller à Taganrok, comme c'étoit notre projet, on nous conduisit sur la route de Moscou: nous ne reconnûmes l'erreur qu'après avoir fait sent lieues; et il falloit revenir à Cherkask : nous ne pûmes atteindre Rostof que le soir. Nous étions véritablement affamés. Le maître de poste donnoit un bal, où il nous invita. Espérant y trouver un souper, nous acceptâmes; mais ce souper se fit attendre jusqu'a cinq heures du matin; pendant ce temps nous respirames la fumée de la pipe, en dormant debout, ainsi que la plupart des conviés. Nous partîmes à six heures, en sortant de table, pour Taganrok, où nous arrivames pour dîner, après avoir fait dix-neuf lieues dans le steppe.

Таганрогъ есть городъ торговой; житпелей въ немъ отть осьми до десяти шысячь
душъ. Онъ худо выстроенъ и грязенъ. Начиная съ самаго упадка Кафы и прежде открытія Одессы, которая во всемъ его превышаетъ — Таганрогъ въ сихъ моряхъ быль
знатной портъ. Въ сей городъ нынъ привозятъ жельзо, покрывала, свинецъ, соленыя
мяса, масло, сало, икру, хлъбъ и различныя издълія Россійскихъ фабрикъ. Привозъ
иностранныхъ товаровъ состоитъ въ особенности изъ винъ, плодовъ, кофію, сорочинскаго пшена и шелковыхъ матерій.

Донь, прежде называемый Танаись, общекаешь около двухь сошь пяшидесящи миль;
большая часшь сей рѣки судоходная. На сща
пяшидесящи миляхь ошь ея усшья, она ощдь,
ляешся ошь Волги проспірансшвомь на двенадцашь миль. Генуезцы, во время своего величія, пользовались сими выгодами, производя великую шорговлю; Кафа была главнымь
мѣсшомь сей шорговли. Теперь Таганрогь
чрезвычайно хорошо расположень, шакъ
что можешь собирашь плодь ошь выгодь географическихь, и бышь складкою събсшныхь
припасовь и шоваровь, идущихь по Дону и различнымь его рукавамь — болье для провоза,
во внушренносшь Государсшва, нужныхь ве-

Taganrok est une ville assez commerçante, ayant huit à dix mille ames de population. Elle est sale et mal bâtie. Depuis le déclin de Caffa, et avant la création d'Odessa, qui lui est aujourd'hui supérieure en tout, Taganrok étoit le port le plus considérable de ces mers. On y exporte du fer, en saumon et barre, des toiles à voiles, des viandes salées, du beurre, du suif, du caviar, des grains et divers objets manufacturés en Russie. Les importations consistent principalement en vins, en fruits, en café, riz, et en étoffes de soie.

Le Don, autrefois nommé Tanaïs, parcourt un espace d'environ deux cent cinquante lieues, il est navigable dans une grande partie de son cours. A cent cinquante lieues de son embouchure, il ne se trouve séparé du Volga, que par un espace de douze lieues. Les Génois, dans le temps de leur splendeur, tiroient parti de cette circonstance, pour faire un grand commerce dont Caffa étoit le principal dépôt. Taganrock est donc extrêmement bien placé pour recueillir le fruit de tant d'avantages géographiques, et être l'entrepôt des denrées et des marchandises qui descendent par le Done et ses diverses branches, comme pour faire pénétrer dans l'intérieur de l'Empire, tous les

щей. Однако Таганрогъ имбетъ также свои неудобства.

Ръка Донъ нагружена съроватною землею, которая, начиная съ многихъ стольтій, лежипть въ Азовскомъ моръ. Сте море собспівенно есть обширной прудъ, коего глубина не простирается болъе семнадцати футовъ, и въ котпоромъ находится великое множество песчаныхъ пороговъ, болће опасныхъ погда, когда вода, въ продолжении нъкоторато времени, бываетть возмущена. Какъ въ Азовскомъ моръ уменшается глубина, смотря потому, какъ сближаются устья Дона, то купеческие корабли, даже съ своимъ грузомъ, принуждены оставаться въ трехъ миляхъ от Таганрога. Товары изъ судовъ нагружаются и выгружающся посредствомъ лодокъ, необходимо нужныхъ на семъ морѣ, и когпорыя сами иногда не доходяшь на 300 сажень до берегу. Перегрузка всъхъ шоваровъ съ земли на лодки, и съ лодокъ на берегъ, производится повозками, нарочно сдъланными, у которыхъ колесы возвышенныя и имбють поль, на которой кладушь шовары. Когда бываешь колебаніе моря, що вода частю ихъ смачиваетъ и портить. Вожатые берупъ на страхъ перевозъ, котпорой обеспечиваетъ ихъ перевозъ.

Ко всемъ симъ невыгодамъ Таганрогскаго

objets qui y sont demandés. Mais sa position a aussi ses inconvéniens.

Les eaux du Don sont constamment chargées d'une terre grisatre, qui depuis des siècles se dépose dans la mer d'Azof. Cette mer n'est proprement qu'une vaste pièce d'eau, dont la profondeur moyenne ne passe pas dix-sept pieds, et qui a un grand nombre de bancs de sable d'autant plus dangereux, que l'eau y est constamment trouble. Comme la mer d'Azof diminue de profondeur, à mesure qu'on s'approche des bouches du Don, les vaisseaux marchands, même sur leur lest, sont forcés de rester à trois lieues de Taganrok. Les chargemens et déchargemens se font au moyen des lotcas, embarcations construites exprès pour cette mer et qui elles-mêmes ne peuvent s'approcher plus près d'un quart de lieue, ou une verste, du rivage. Le transport de toutes les marchandises, depuis la terre aux lotcas, et des lotcas au rivage, se fait par des chariots construits exprès, qui ont des roues élevées et portent un plancher sur lequel on place les marchandises. Lorsqu'il y a de la houlle elles sont souvent mouillées et avariées. Les conducteurs en répondent moyennant une prime, qui renchérit leur transport.

A tous ces désavantages du port de Tagan-

порта, прибавить надобно еще важное неудобсиво: чию городъ бываетъ запершъ льдомъ почти въ продолжении четырехъ мъсяцевъ. Ръки, идущія отъ севъра на полдень, гоняпть льдины, составленныя подъ возвышенною широтою, такъ что море, неим вющее ни прилива, ни опплива, легко замерзаешь близь своего устья. Ето по крайней мъръ показалось мн удовлетворительнымъ объяснениемъ такого удивительнаго феномена; въ разсуждении пространства морскаго, на десяпь квадрашныхъ миль, которое замерзаеть въ продолжени четырехъ мъсяцовъ ппогда, когда уже спътъ не держипися въ Крымскихъ долинахъ, находящихся однимъ шолько традусомъ ближе къ востоку.

Надобно еще замѣтить одно обстоятельство, препятствующее торговля въ семь портть. Глубина моря близь берега ощутительно перемѣняется, смотря по вѣтру. Если вѣтръ сильно дуеть отъ севѣра; то море убываеть на сто тоазовъ : еслижь дуеть отъ ногозапада; повозки находятся въ опасности утонуть. Когда взглянуть на сте миожество неудобствъ, то нельзя дивиться преимуществу Одесскаго порта надъ Таганрогскимъ.

Мы провели два дни; и въ ещо время прогуливались по сему поршу и въ окружно-

rok, il faut ajouter l'inconvenient grave, d'être fermé par les glaces pendant plus de quatre mois. Les fleuves qui descendent du nord au midi, charient les glacons formés sous une latitude élevée, en sorte qu'une mer qui n'a ni flux ni reflux, se gèle aisément près de leur embouchure. Cela me paroît du moins l'explication la plus naturelle du singulier phénomène d'une étendue de mer, de dix lieues carrées, gelée pendant quatre mois, tandis que la neige ne tient point dans les plaines de la Crimée, qui ne sont que d'un degré plus au sud.

Il faut encore observer comme une circonstance embarassante pour le commerce de Taganrok, que la profondeur de la mer près du rivage, varie sensiblement selon le vent qui souffle. Si le vent souffle violemment du nord, la mer se retire de plus de cent toises: s'il souffle du sud-ouest les chariots courent risque d'être submergés. Si l'on a égard à cette masse d'inconvéniens, on ne s'étonnera pas de l'avantage décidé que le port d'Odessa a pris sur celui de Taganrok.

Nous passames la deux jours, et nous eumes tout le temps de nous promener au port et стияхъ города. Ето въ своемъ родъ единственное зрълище, когда смотръть на движенте вдущихъ повозокъ между симъ портпомъ, —лодками и людьми, котторые таскаютъ бочки на цълую версту въ море, когда вода свътла и видно дно, то нельзя испытат всего рода удивлентя; однако, кажется, что повозки и лошади готтовы повергнуться въ море.

На сей рейдъ есть очень прекрасной и хорошо устроенной караншинъ, которой мы также посъщали.

Купцы Таганрогскіе почти всё Греки; есть изъ нихъ также нёсколько Французовъ; но меня увёряли, что нётть тамъ дома, которой бы не имёль десяти тысячь рублей доходу.

Выбажая изъ Таганрога, пустились мы на Марїенполь, небольшой порть Азовскаго моря, занятой Греками, въ которомь ибпъ ничего достопримвчательнаго; берега морскіе составляють степь; нвть ни горь, ни люсовь; какъ жителей, такъ и скота очень мало. На другой день пробхали мы сорокъ миль направляя путь къ западу, сквозь степь худаго свойства, въ которой кочують орды Татарскихъ Калмыковъ, живущихъ цёлой годъ въ палаткахъ. Калмыки происходять отъ Монголовъ, уроженцовъ

dans les environs de la ville. C'est un spectacle unique dans son genre, que le mouvement des chariots qui vont et qui viennent entre ce port et les lotcas et des hommes qui font flotter, ou rouler des tonneaux, à une verste en mer. Si l'eau étoit claire et qu'on apercût le fond, on n'eprouveroit pas cette espèce de surprise, mais il semble que les charrettes et les chevaux vont se précipiter dans la mer.

Il y a sur cette rade, à une lieue de la ville, une quarantaine fort belle et fort bien organisée, que nous allames visiter.

Les négocians de Taganrok sont presque tous Grecs: il y a quelques Français aussi, mais on m'a assuré qu'il n'y avoit pas là une maison qui eut plus de dix mille roubles de fonds.

En quittant Taganrok nous nous dirigeames sur Marienpol, petit port de la mer d'Azof,
occupé par des Grecs, et qui n'a rien de remarquable; tous les bords de la mer sont
steppe: il n'y a ni hauteur, ni bois, et fort peu
d'habitans et de troupeaux. Le lendemain
nous fimes quarante l'eues dans la journée,
en nous dirigeant à l'ouest, au travers d'un
steppe de médiocre qualité, dans lequel errent
des tribus de Tartares Calmouks, qui vivent toute l'année sous des tentes. Cette race
est une branche des Mogols, originaires du

Тибепіскихъ. Преданїе сихъ народовъ говоришь, что назадъ тому много времени, какъ Чингись Ханъ, пошель къ западу съ великимъ числомъ войска, добравшись до малой Азіипослъ разсъялся въ цъпи Кавказскихъ горъ. Древность некоторых памятников, находящихся въ спіепи, котторую мы проъзжали, доказываетъ, что надобно отнести къ сему отгдаленному времени происхождение Калмыковъ въ сей спранв; впрочемъ нъщо почнихъ памяшниковъ ошносишельно до епохи, въ кошорую заняли они долины, отпавляющія Днепръ от Азовскаго моря. Въ времена, блискія къ нашей епохѣ, новые Монгольскіе выходцы явились съ востпока на Волгв, Уралв и Дону; въ 1723 году, часть сихъ Монголовъ, стараясь избавишься ошь владычества Торгошскихъ Хановъ , котпорые управляли ими лътъ съ пятдесяпть, пришли къ Дону въ числъ чепырнадцаппи пысячь семействь. Когда же хоптьли ихъ покорипъ Крымскому Хану, они бъжали къ Волгв, — что самое есть върояпиве. Резиденть, которой отказался оть сего странствованія, вступиль въ союзь съ ордою одного происхожденія, гораздо прежде поселившеюся въ етой странь.

Памяпиники, о котпорыхъ я прежде гово-

Thibet. La tradition de ces peuples porte que, long-temps après Gengis-Khan, une masse de guerriers fit une expédition vers l'ouest, pénétra jusque dans l'Asie mineure, et se dispersa dans la chaîne du Caucase. Il sembleroit par l'antiquité de certains monumens qu'on voit encore aujourd'hui dans le steppe que nous traversames, que c'est à cette date reculée qu'on doit rapporter l'établissement des Calmouks dans cette contree, mais il n'existe pas de documens exacts, concernant l'époque où ils ont occupés les plaines, qui séparent le Dniepre de la mer d'Azof. Dans un temps plus rapproché de nous, de nouvelles émigrations de Mogols, procédèrent de l'orient vers le Volga, l'Ural, et le Don; en 1723, une partie de ces Mogols, cherchant à se soustraire à la domination des khans des Torgots, qui les gouvernoient depuis cinquante ans, passèrent le Don au nombre de quatorze mille familles. Lorsqu'on voulut les soumettre au Khan de Crimée, ils s'enfuirent vers le Volga; ce qui en reste aujourd'hui est probablement, un résidu, qui se refusa à cette émigration, et qui se trouve confondu avec la horde de même origine, beaucoup plus anciennement établie dans le pays.

Les monumens dont j'ai dit un mot ci-des-

риль, и которые, по видимому, доказывають, что владьне Калмыковь сею страною есть древнее, суть статуи изъ камня, представляющие Калмыцкихъ женщинъ, которыя постановлены на курганахъ или холмахъ, изъ коихъ я уже видъль обращики въ Крыму, и кошорыя сушь могилы друвнихъ Скиоовъ или Ташаръ. Хотя сін статуи грубо обстчены; однако не льзя сомитватнься въ томъ, что онв представляють Калмыцкихъ женщинъ; потому что висящія косы есть древивишихъ временъ Азїатской уборъ женщинъ сихъ народовъ; у всёхърсихъ статуй есть подобныя косы. Я видъль ихъ полько малое число; но въ той странв, котпорую мы оставили въ правъ къ севъру находятся въ такомъ множествъ курганы и статуи, что улотребляють ихъ въ стройку домовъ. Въ меньшемъ аоднако иколичествъ попадающся спіатуи мущинъ и діней.

Такое множество памятильновь, ставленныхъ въ честь женщинъ, и роль, каковую онъ играють до ныпь у Татарь, показываеть прим'втиное исключение изъ сего закона рабства, которой у Магометанскихъ народовъ покоряетъ женщинъ своенравію мущинь. Калмыцкая женщина ни въ чемъ почти не уступаеть своему мужу: она

sus et qui semble prouver que la possession de cette contrée par les Calmonks est ancienne, sont des statues de pierres, qui représentent une femme Calmouk, que l'on trouve placée de bout sur les courgans ou tumuli dont j'avois déjà vu des échantillons en Crimée, et qui sont les tombeaux des anciens Scythes ou Tartares. Quoique ces statues soient grossièrement taillées, on ne peut guères douter quelles ne représentent des femmes Calmouks parce que les tresses pendantes sont de temps immémorial le costume caractéristique des femmes de cette nation, et que toutes ces statues ont des tresses semblables. Je n'en ai vu qu'un petit nombre; mais dans le pays que nous laissions à notre droite au nord, on trouve les courgans et les statues en telle quantité, qu'on emploie celles-ci à bâtir les maisons. Il y a aussi quelques statues d'hommes et d'enfans mais en nombre beaucoup moindre.

Cette multitude de monumens élevés à des femmes, et le rôle qu'elles jouent encore aujourd'hui chez ces Tartares, semble indiquer une exception remarquable à cette loi de servitude qui chez les peuples Mahométans, les assujettit aux caprices des hommes. Une femme Calmouk paroît l'égale de son mari : elle prend part aux mêmes exercices, et se soumet учавствуеть въ самыхъ сраженіяхъ, и покоряется самимъ безпокойствамъ. Калмыцкій женщины управляють лошадьми даже бішеными, съ такимъ проворствомъ и хладнокровіемъ, какое можно снискать одною только привычкою.

Порода Калмыцкихъ лошадей немного ниже породы лучшихъ Арабскихъ. Онъ всъ рьяны и послушны, быстры и надежны. Мы видали пожилыхъ женщинъ, котторыя ъздили верхомъ на бъшеныхъ лошадяхъ — и курили табакъ, когда безпокойное животное скакало отъ нетерпънія и ярости.

Калмыцкія лошади, вскормленныя вы степи, бывають дики до того самаго времени, когда кладуть на нихь узду: тридцати мысяцовы начинають ихы укрощать. Поймавы лошады петлею, точно такы, какы дылаюты Козаки, Калмыкы бросается на нее и даеты ей быжать до тыхы поры, пока не остановится оты усталости. Не смотря на ето, сыдокы требуеты оты лошади новыхы усилій—бысть, чтобы заставить се быжать, покачысть она не упадеть оты истощенія силы. Тогда надываеть на нее узду— повторяя сїє упражненіе два или три раза— и лошадь дылается смирною.

aux mêmes fatigues. Elles gouvernent les chevaux les plus fougeux, avec une aisance et un sang-froid que l'habitude seule peut donner.

La race des chevaux que les Calmouks élèvent est peu inférieure aux meilleurs chevaux de l'Arabie. Ils sont tout-à-la-fois ardens et dociles, rapides et sûrs: nous avons vu des femmes agées qui montoient des chevaux fougueux et fumoient tranquillement la pipe, tandis que l'animal inquiet bondissoit d'impatience et d'ardeur.

Les chevaux Calmouks, élevés dans le désert, sont précisément des chevaux sauvages, jusqu'au moment où on les assujettit au frein; c'est à l'âge de trente mois, qu'on entreprend de les dompter. Après avoir pris son cheval au lacet, à-peu-près comme font les Cosaques, un Calmouk s'élance dessus, et le laisse courir à volonté, jusqu'à ce que l'animal s'arrête de fatigue. Le cavalier alors exige de lui des efforts nouveaux: il le frappe pour le faire courir, jusqu'à ce que le cheval tombe épuisé. On lui met une bride on répète cet exercice deux ou trois fois, et le cheval est docile.

Мы переночевали въ Калгуевъ, большемъ Россійскомъ селеніи; на другой день провжавь двадцать миль, возвратились къ Днепровскимъ берегамъ. Въ степи дичи было удивишельно много; а особенно по близости ръки, по котпорой мы плыли вдоль до самаго Бериславля; въ день мы провзжали миль сорокъ пяшь. Обрабошанная земля предсшавляла для насъ новое зрълище; мы увидъли неизм вримое пространство, засвянное хл вомь. Тогда уже было время жаптвы; мнъ всего страннве показалось что въ области, столь худо населенной, жиупъ серпомъ, т. е. съ большею потерею времени. На каждомъ полъ вяжутъ рожь въ снопы, которые на мьсть и молотять; на берегу Днепра есть колоніи Нъмецкихъ маймистовь, селенія Квакеровъ и одна Руская секта, которой главное правило состоить въ томъ, чтобы имъть всё общимъ. Сіи учрежденія находяшся въ цвътущемъ состояни, и будутъ еще болье продвътать, если миръ откроешь новые способы къ продажь хльба; ибо необработанная земля представляеть еще теперь трудомобивымъ колоніямъ неисчерпаемый источникъ изобилія. Плодоносность земли и урожай хльба почти невьроятень; сколькобь Правительство нестаралось о размножени колоний; однако

Nous couchames ce soir à Calcof, grand village Russe. Le lendemain, après avoir fait vingt lieues, nous nous retrouvâmes sur les bords du Dnieper. Le gibier étoit en abondance prodigieuse dans le steppe, surtout en se raprochant du fleuve; nous le cotoyames jusqu'à Bereslaw, l'espace de quarante-cinq lieues que nous simes dans une journée. Nous eûmes le spectacle nouveau pour nous d'un pays cultivé: nous vîmes d'immenses espaces couverts de bles mûrs. On étoit en pleine moisson, et, ce qui me parut étrange, pour un pays si foiblement peuplé, c'est qu'on moissonnoit à la faucille, c'est-à-dire avec une énorme perte de temps. On fait des meules de ble sur chaque champ, et elles se battent sur la place. Il y a sur les bord du Dnieper, des colonies d'Allemands memnonistes, des peuplades de Quakers et une secte Russe, dont le principe est d'avoir tout en commun. Tous ces établissemens sont florissans et le seront davantage, lorsque la paix aura ouvert un débouché aux grains, car le terrain non cultivé, présente encore aux colons industrieux, des ressources sans bornes. La fertilité de la terre, pour la production des grains, est prodigieuse; mais quelque soient les efforts du gouvernement pour multiplier les colonies, la rareté малолюдство еще долгое время будеть примътно.

Сего дня шель проливной дождь: мы принуждены были остановиться; потому что наши лошади не хотвли итти далье; вы полчаса всв ручьи обратились вы потоки. Мы перевзжали Днепры вы томы же самомы мысть, гды и прежде, назады тому семь недыль; вы сравнении сы теперешнимы, тотда Днепры быль ручьемы. Вы нашей коляскы по песчаной дорогы, пробхали мы вы два часа семь миль. Напослыдокы переправились на понтонныхы мостахы, сдыланныхы на лыто, чрезы два рукава рыки, прежде нежели возвратились вы Бериславль.

На первой почтовой станцій, следующей оть Бериславля, застигла нась буря, стращнье еще прежней. Дождь шель сильной, и продолжался долгое время; громь гремьль вокругь нась съ ужаснымь трескомъ, четыре раза упадая близь нашей коляски; въ послъдній разь почувствоваль я въ львой рукь сотрясеніе, оть котораго больла у меня рука цылья сутки. Я думаль, что во время удара, показалась оть жельзнаго крючка, державшато передникь у коляски, искра, которую привлекла моя рука; потому что она блиско на-

des bras s'y fera nécessairement sentir long-

temps encore. Nous essuyames ce jour-la un orage de pluie terrible: nos fûmes obligés de nous arrêter, parce que nos chevaux ne vouloient pas marcher, et dans l'espace d'un quart d'heure, tous les ravins furent convertis en torrens. Nous passames le Dnieper dans le même endroit où nous l'avions passé sept semaines auparavant; il n'étoit plus qu'un ruisseau en comparaison de ce que nous l'avions vu. Nous fimes sur le sable, dans notre voiture, les sept-huitièmes de la traversée qui nous avoit pris deux heures. Nous passames ensuite sur des ponts de bateaux qu'on établit pour l'été, les deux bras du sleuve avant d'arriver à Bereslaw.

Dans la première traite de poste depuis Bereslaw, nous eûmes un orage plus
terrible encore que celui de la veille. La
pluie étoit tout aussi violente et dura beaucoup plus long-temps: le tonnerre grondoit
autour de nous avec un fracas épouvantable:
il tomba quatre fois assez près de notre calèche, et la dernière fois j'en eus une commotion
dans le bras gauche, dont je conservai la douleur vingt-quatre heures. Je crus, au moment
de la détonnation, voir sortir du crochet de
fer qui tenoit le tablier de la calèche, une for-

ходилась отъ крючка. Можетъ статься; ещо быль только призракь, последовавший опъ блеска молніи и громоваго удара. Товаришъ мой и почтальйонъ ничего не чувствовали. Такія бури въ сихъ мѣстахъ очень рѣдки; намъ должно было проѣзжать одинъ ручей, которой сдвлался потокомъ, и мы едва было не утонули; наша коляска стояла почпи вся въ водъ.

Одинъ случай, коего были мы свидътелями, при переправъ чрезъ Ингулъ, подаль намъ примъръ беззаботной жестокости крестьянъ сей страны, между коими, мнвнее о неизбъжности рока, вообще распространено. Одинъ пьяной крестьянинъ, не смотря на увъщанія своихъ шоварищей, съль въ маленькой челнокъ и поплылъ. Когда онъ уже находился по срединъ - челнокъ опрокинулся, и креспъянинъ изчезъ. Никіпо не хотталь подапть ему помощи. Жена его, будучи свидьппельницею сего бъдспівія, не могла ничего одна предприняпть. Хозяинъ одного челнока, шамь находившагося, никакь не соглашался его дашь, говоря, что онь етому не причиною, и чіпо, если надобно спастись, то онъ и самъ спасётся. Намъ непріятно было шакое хладнокровіе въ деніи жизни своего собрата; товарищь мой принужденнымъ нашелся употребить угроte étincelle, que ma main attira, parce qu'elle s'en trouvoit voisine. Peut-être fut-ce la une illusion causée par l'éblouissement et le fracas du tonnerre. Mon camarade ne sentit rien non plus que le postillon. De tels orages sont rares dans ces contrées, nous avions à traverser un ruisseau qui étoit devenu un torrent, et peu s'en fallut que nous ne fussions entraînes par le courant, car notre calèche fut un instant à flot.

Un incident dont nous fûmes témoin au passage de l'Ingoult, nous fournit un échantillon de l'insouciance et de la dureté des paysans de cette contrée, parmi lesquels l'opinion de la prédestination est généralement répandue. Un paysan ivre s'obstina, contre l'avis de ceux qui étoient présent, à passer seul la rivière, dans une petite nacelle. Lorsqu'il fut au milieu, le bateau chavira, et l'homme disparut. Personne ne bougea pour aller à son aide. Sa femme présente à l'accident ne s'employa pas à lui procurer du secours. Le maître d'un bateau qui étoit là, ne voulut pas le donner, et disoit que c'étoit bien sa faute, et que s'il devoit se sauver, cela arriveroit sans que personne s'en mêlât. Nous étions indignés de voir tant d'indifférence chez ces gens-la, pour la vie d'un de leur camarade; mon compagnon de voyage fût obligé d'employer la menace pour les forcer à remplir ce devoir de l'humanité, зы для того, чтобы заставить ихъ исполнить долгь человъчества — и имъ удалось его спасти. Сего вечера ночевали мы въ Херсонъ, и на другой день возвратившись въ Одессу безъ дальнихъ приключеній, послъ семи недъльнаго отсупствія, во время коего мы проъхали около шести сотъ девяноста миль, (около трехъ тысячь верстъ), никогда не раздъваясь дорегою. Въ слъдующемъ письмъ я сообщу вамъ нъкоторыя подробности объ Одессъ.

et on réussit à le sauver. Nous couchames ce soir-là à Cherson, et le lendemain nous arrivames ici sans accident, après une absence de sept semaines, pendant lesquelles nous avons parcouru l'espace de six cent quatre-vingtdix lieues (environ trois mille verstes), et nous ne nous sommes jamais deshabillés pour coucher. Je pourrai vous donner, dans une lettre suivante des détails sur Odessa.

письмо изъ одессы

къ гну. пиктету, одному изъ редакторовъ британской библютеки.

Февраль, 1809 года.

Я думаль, что вамь изображая картину торговли въ Одессъ, при несчастныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ вообще находится торговля, значило бы представлять утъщительную противоположность.

Въ сей каршинъ, хошя очень малой и несовершенной, вы съ удовольствиемъ увидите спокойствие, изобилие и благоденствие, царствующее среди многочисленнаго населения; вы увидите, что купецъ съ выгодою можетъ употреблять свое имущество, свои дарования и труды; напослъдокъ вы найдете еще въ ней доказательство, что счастие народовъ и каждаго гражданина находится въ самомъ себъ; что его нельзя снискать усильными средствами; что Провидъние на каждую точку земнаго шара излило равную часть своихъ благодъяний и сей драгоцънный источникъ

LETTRE SUR ODESSA,

ADRESSÉE A M. CH. PICTET, L'UN DES RÉDACTEURS DE LA BIBLIOTHÈQUE BRITANNIQUE.

Février, 1809.

Monsieur,

J'ai pensé que dans les circonstances malheureuses où se trouve le commerce en général, vous faire le tableau de celui d'Odessa, seroit vous offrir un contraste consolant.

Dans ce tableau, quoique très-succint, et imparfait, vous verrez avec plaisir la tranquillité, l'abondance et le bonheur, régner au milieu d'une population nombreuse; vous verrez que le négociant peut employer avec avantage, et avec sécurité, ses capitaux, ses talens et son travail; vous y trouverez enfin une preuve que le bonheur des nations, comme celui de chaque individu, gît en soi-même; qu'on ne peut l'acquerir par des moyens violens; que la Providence a répandu sur chaque point du globe, une égale portion de sa bienfaisance, et que ce germe précieux du

счасніїя людей одно шолько просв'єщеніе можень соділань полезнымъ.

Начиная съ прехъ сопъ лѣтъ, Черное море было непосредственнымъ владѣніемъ Турокъ; съ піѣхъ поръ, какъ они завладѣли имъ, торговля, прежде разливавшая свои благодѣянія на сій области, была изгнана; безпрерывныя войны, деспотизмъ правленія, разореніе жителей, уменьшивъ населеніе, разрушили также землепашество; й, спустя нѣсколько времени, видны только были на севѣрныхъ берегахъ Чернаго моря кочующіе разбойники.

Петръ I. желая просвътить свое Государство, призваль на помощь торговлю; для самаго етаго, онъ началь селить на Балтійскомь морѣ, и хотівль также учредить селенія на Черномь морѣ; но противныя обстоятельства ему въ томъ воспрепятствовали, такъчто едва онъ уствль сохранить Таганрогъ на Азовскомъ морѣ. — Екатеринь П. предоставлено было совершить его намъренія своими побъдами и завоеваніями — Александру І. мудростію и кротостію своего правленія.

Прежде завоеванія туберній, составляющихъ новую Россію, собственно называемую, обширньйшія равнины, котторыя нынь населяются и процвыщающь, были пусты и необрабопіанны; сій самыя областий, котторыя нынь изоbonheur des hommes ne peut être fécondé que par une culture douce et tranquille.

Depuis trois cents ans, la mer Noire étoit devenue le domaine exclusif des Turcs. Des qu'ils en eurent pris possession, le commerce qui auparavant répandoit encore ses bienfaits sur ces contrées, en fut chassé; des guerres continuelles, la durété du gouvernement, le pillage des individus, en diminuant la population, détruisirent aussi l'agriculture, et quelque temps après, on ne vit plus sur les côtes septentrionales de la mer Noire, que des brigands nomades.

Pierre Ier voulant civiliser son empire appela le commerce à son secours; à cet effet il s'établit sur la Baltique, et vouloit s'établir aussi sur la mer Noire; mais des circonstances contraires l'en empêchèrent: à peine put-il conserver Taganrok, sur la mer d'Azof. Il étoit réservé à Catherine II de réaliser ses projets par la conquête, et à Alexandre Ier, par la sagesse et la douceur de son gouvernement.

Avant la conquête des provinces qui forment la nouvelle Russie proprement dite, les immenses plaines qui aujourd'hui se peuplent et se fertilisent, étoient désertes et incultes; ces mêmes contrées, qui abondent en producбилують произведеніями всякаго рода, прежде были только заняты кочующими Татарскими ордами, едва находившими случай къ грабежамъ и къ прокормленію спадъ своихъ. Сія счастливая перемъна началась съ Кайнарджскаго практата, 21 Іюля, 1774 года. Въ силу практата, учиненнаго въ 1779, Россійскія суда свободно могли плавать по Черному морю — входить и выходить Дарданнелскимъ каналомъ. Россія, не имъя порша, чтобы пользоваться сею выгодою, избрала одно мъсто на Днепръ, гдъ бы она могла устроить свою коммерцію и военный флотпъ, котпорой желала имътвь на Черномъ моръ; на етопъ конецъ начатъ быль спроипься Херсонь, въ 1778 году, на правомъ берегу сей ръки, въ семнадцани миляхъ опть ея залива.

Императрица Екатерина II. пожаловала сему учрежденію многія привидлетіи, котторыя вскор'в туда привлекли множество иностранцевь, и возстановили знашную торговлю. Отпношенія его сперва начались съ Константинополемъ и Архипелагомъ, — он'в простирались даже до Марсели, Трієста и до другихь городовъ. Привозъ и вывозъ производился по н'вкотторымъ правиламъ, входившимъ въ д'виствишельную торговлю Одессы. Собственtions et matières premières les plus essentielles, n'étoient occupées alors que par des hordes errantes de Tartares, qui y trouvoient à peine quelques occasions de pillage, et de quoi nourrir leurs bestiaux. Le traité de Kainardji, 21 Juillet 1774, commença cet heureux changement. Par une condition de ce traité et une convention explicative de 1779, les bâtimens Russes eurent la faculté de naviguer librement dans la mer Noire, entrer et sortir par le canal des Dardanelles. La Russie n'ayant pas de port, pour mettre à profit cet avantage, choisit un endroit sur le Dnieper où elle pût établir son commerce, et la marine militaire qu'elle vouloit avoir sur la mer Noire: à cet effet la ville de Kerson fut commencée en 1778, sur la rive droite de ce fleuve, à dix-sept lieues environ de son embouchure.

L'Impératrice accorda à cet établissement plusieurs privilèges, qui bientôt y attirèrent beaucoup d'étrangers, et un commerce assez considérable. Ses relations commencèrent d'abord avec Constantinople, et l'Archipel; elles s'étendirent ensuite à Marseille, Trieste, et d'autres places. L'importation et l'exportation se composoient de quelques articles qui entrent dans le commerce actuel d'Odessa. Les marchandises de l'intérieur arrivoient

ныя повары шли, по большей части, чрезъ Днепръ; чужестранныя суда всходили опять по рѣкъ, однако не всъ до Херсоня.

Сколь ни выгоднымъ сперва казалось положение сие; однако оно представляло еще многія неудобства. Днепровские пороти препятиствовали перевозу товаровъ, содблывая его медленнымъ и труднымъ; потому что товары должно выгрузить, потомъ перевести сухимъ путемъ около семидесяти верстъ, и напослъдокъ вторично отправить водою въ Херсонь.

Суда не могушъ подходить къ самому городу; тв, кошорыя идуть въ водь болье шести футовь, останавливаются въ Глобовь — деревнь, разстоянтемъ отъ Херсоня на семь миль. Съ Октября мъсяца по ръкъ идетъ ледъ и держится часто до самаго Марта. Въ ето время вскрытте ръки бываетъ очень опасно, такъ что торговля можетъ, только въ продолженти семи мъсяцовъ въ году, производиться съ безопасносттю.

Сїй главныя неудобства, соединенныя со многими другими, а особливо съ нездоровостію воздуха въ Херсонь, бывають ощу-тительны; единственное средство для отвращенія сихъ неудобствь—сділать другой

pour la plupart par le Dnieper, les bâtimens étrangers remontoient le fleuve, mais pas tous, jusqu'à Kerson.

Quelque avantageuse que paroisse d'abord cette situation, elle n'en présentoit pas moins plusieurs inconvéniens: les cataractes du Dnieper gênoient beaucoup les transports de l'intérieur, les rendoient lents et dispendieux, surtout en perte de temps, parce que les marchandises devoient être déchargées, puis transportées dans un espace d'environ soixante-et-dix verstes par terre, et être rembarquées ensuite pour arriver à Kerson.

Tous les bâtimens ne pouvoient pas remonter le fleuve jusqu'à la ville: ceux qui tiroient plus de six pieds étoient obligés de s'arrêter à Globow, village distant de sept lieues. Dès le mois d'octobre, le fleuve charie des glaces et gèle souvent jusqu'en mars, où la debacle est très-dangereuse; de manière que ce commerce ne pouvoit se faire avec sécurité, que pendant sept mois de l'année.

Ces inconveniens majeurs, joints à plusieurs autres, et sur-tout à l'insalubrité de l'air de Kerson, ne pouvoient qu'être généralement sentis; l'unique moyen d'y obvier étoit de faire un autre choix, mais il étoit alors imposвыборь: но ето тогда было невозможно; потпому что граница двухъ Государствъ, лежа на Бугв, не представляла ничего лучшаго. Однако Херсонская порговля завсегда пріобрѣтала больше преимущества; -торговый трактать, заключенной между Россією и Портою 1783 года, Іюня 10 дня, довольно споспъшествоваль торговымь оборошамъ, и объщая ей великіе успъхи: ибо едва лишь шолько сдалался онъ извасшнымъ, какъ Австрія пребовала отъ Порты шакой жеблагосклонносши; и въ силу шракшата, состоявшагося отъ 24 Февраля, 1784 года, Австрійскія суда им вли свободное плаваніе въ Черномъ морв: сія торговля приняла быспрой ходь, и уже болбе двухь сопъ Австрійскихъ или Россійскихъ судовъ, служивщихъ торговлъ Гасинской посредствомъ Дуная, Херсонской посредствомъ Днепра и также Кефской, начавшей производиться въ царствование Императрицы, во время уступки всего Крыма, которую савлаль ей въ 1783 году Ханъ Хаїнъ Гирей. Сія успіупка Крыма одобрена была Портою. Однако война происшедшая въ 1787 году между Портпою и двумя дворами, ослабила стю возраждающуюся тортовлю. Миръ, заключенный между Турцією и Австрією въ 1700 году, 27 Іюля, привель было ее въ цвътущее состояние; однако она уже

sible, parce que la frontière des deux Etats. étant sixée au Bog, il ne s'offroit rien de mieux. Cependant le commerce de Kersonacquéroit tous les jours plus d'extension; le traité de commerce, conclu entre la Russie et la Porte le 10 Juin 1785, consolidoit ses succès, et lui en préparoit de nouveaux, car à peine fut-il connu, que l'Autriche reclama de la Porte la même faveur; et par le traité du 24 février 1784, les bâtimens autrichiens furent assimilés aux russes, pour la libre navigation dans la mer Noire. Ce commerce prenoit un essort rapide et déjà plus de deux cents bâtimens autrichiens, ou russes, qui servoient; au commerce de Galatz par le Danube, de Kerson par le Dnieper, et même de Caffa, qui venoit de passer sous la domination de l'Impératrice, par la cession de toute la Crimée, que le Khan Khain-Guerai lui avoit faite en 1783, cession approuvée par la Porte. Mais la guerre de 1787, survenue entre celle-ci, et les deux cours Impériales, paralysa ce commerce naissant. La paix conclue entre la Porte et l'Autriche en 1790 le 27 Juillet, lui redonna un peu de vigueur; mais ce ne sut qu'après celle conclue avec la Russie en 1792, qu'il reprit sa marche, pour atteindre successivement le degré de prospérité, où il est parvenu aujourd'hui. Par ce traité de paix, la послѣ мира, заключеннаго съ Россією въ 1792, припяла свой ходъ и достигала постепенно того благоденствія, въ которомъ теперь находится. По силѣ мирнаго трактата, Россія простерла свои границы отъ Буга до самаго Днестра; потомъ при послѣднемъ раздѣлѣ Польши, получила она Губерніи сето Королевства, которыя гораздо ближе къ Черному морю.

При сей перемѣнѣ обстоятельствъ, неудобства Херсоня чѣмъ болѣе продолжались предспіваляться, тѣмъ болѣе было средствъ для прекращенїя ихъ; надлежало бы также подумать о доставленїи свободнаго выпуска въ торгъ ихъ товаровъ плодоноснѣшимъ въ Польшѣ губернїямъ, вновь пріобрѣтеннымъ; что было тамъ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ Херсонѣ.

Малой заливъ Ташарскаго селенія, называемаго Каджибей, признавъ былъ способнымъ къ исполненію сихъ двухъ предмешовъ. Ешошь рукавокъ расположенъ подъ 46 градусомъ, и 35 минушами севърной широшы и 29 градусами и 20 минушами восшочной долгошы Парижскаго мерідіана, разсшояніемъ на 12 миль ошъ Днепровскаго залива. Сей заливъ шогда ничшо иное былъ, какъ небольшая Ташарская кръпосшь и Каджабейское селеніе; нывъ завсегда корабли или суда, плавающія

Russie porta ses frontières du Bog au Dniester; l'année suivante, elle acquit, par le dernier partage de la Pologue, les provinces de ce royaume qui sont le plus à portée de la mer Noire.

Dans ce nouvel état de choses, les inconvéniens de Kerson durent se présenter avec d'autant plus de force, que l'on avoit alors une plus grande latitude de moyens pour y obvier; l'on dut penser aussi à procurer aux fertiles provinces nouvellement acquises en Pologne, un débouché pour leurs productions, qui fut plus à leur portée que Kerson.

La baie du village tartare, dit Kadjabey fut reconnue propre à remplir ces deux objets. Cette baie est située sous le 46 degré 35 minutes latitude nord, et 29 degrés 20 minutes longitude orientale du méridien de Paris, à douze lieues Ouest de l'embouchure du Dnieper, et à neuf lieues Est de celle du Dniester. Il n'y avoit alors qu'un petit fort Tatare, et le village de Kadjabey; mais de tous temps les bâtimens qui naviguoient dans la mer Noire, venoient y chercher un abri en hiver, ou contre les orages. Ce nouvel établissement occupa toute la sollicitude de l'Impératrice Catherine

въ Черномъ моръ, приходящъ шуда искащь убъжища зимою, и во время бури. Сте новое заведеніе сдіблалось предметомъ попеченій Императрицы Екатерины II. Въ 1796 году, она наименовала его Одессою, пожаловавь ему разныя привиллегіи, котпорыя умножили жителей, учинивъ торговыя дёла важнёе. Съ самой кончины Императрицы (послъдовавшей въ 1796 году) до царствованія Александра І. діла идупъ всё шакимъ же ходомъ, какъ и прежде.

Когда Александръ І. вошелъ на пронъ тогда Люнневильской трактать успокоиль твердую землю. Послъ различныхъ переговоровъ, существовавшихъ между Англією и Россією, и торговых в отношеній ея съ Франціею, опяшь возобновился практать оть 8 Октиября, 1801 года; за Амїенскимъ договоромь, заключеннымь вь началь следующаго года, последоваль мирной практать франціи съ Портою, въ силу коего Францускіе корабли получили преимущества народовъ, болье уважаемыхь вь Турціи, вмысть сь свободою плавать въ Черномъ моръ. Вскоръ послъ ещаго, Агличане, Прусаки, Ишпанцы, Неаполишанцы, Рагузійцы, Голландцы и республика семи острововь снискали для себя такія же выгоды. Сія достопамятная епоха освободила море отть владычества Турковь: оно перешло въ общее владъніе, сдълавшись среII. En 1796 elle lui donna le nom d'Odessa, et lui avoit déjà conféré divers priviléges, qui y avoient amené une population et des affaires de commerce assez importantes. Depuis la mort de l'Impératrice (en 1796), jusqu'à l'avénement d'Alexandre Ier, les circonstances, ni peut-être les vues ou les moyens du gouvernement, ne furent favorables aux progrès d'Odessa; elle fit au contraire un pas rétro-

grade.

De traité de Luneville venoit de pacifier le continent, lorsque Alexandre Ier monta sur le trône. Bientôt après, les différens existans entre l'Angleterre et la Russie, et les relations commerciales de celle-ci avec la France rétablie par le traité du 8 Octobre, 1801. Au traité d'Amiens qui se conclut au commencement de l'année suivante, succèda celui de la France avec la Porte, par lequel les bâtimens francais furent assimilés à ceux des nations les plus favorisés en Turquie, et obtinrent en consequence la liberté de naviguer dans la mer Noire. Bientôt après les Anglois, les Prussiens, les Espagnols, les Napolitains, les Ragusains, les Hollandais, et la république des Sept-Isles, obtinrent pour eux ce même avantage. Cette époque mémorable affranchit la mer, de la domination des Turcs: cette mer, rentra dans le domaine commun, et devint le

дотпочіємъ великихъ купеческихъ расчетновъ: Одесса учинилась такимъ мѣстомъ, гдв всв торговыя дъла соединяютися. Правительство, занимающееся съ особливою забоппливоспію благоденствиемъ новой России, завсегда уважало значишельность сей главной пружины торговли: оно ободряло ее, удерживая отпускъ 25 за сто на права пошлины за входъ и выходъ, которыя Императрица предоставила всъмъ портамъ Чернаго моря.-Одесса, какъ важнъйшій портпъ, была предметомъ благоволенія Государя Императора, которой въ 1803 году опредълиль Губернапторомъ въ Одессу Гна. Дюка де Ришелье, съ пожалованіемъ ему значущихъ преимуществъ. Въ ешомъ году девяшь сошъ кораблей вышли въ Черное море; пяшь сошъ приддашь шесть пришли въ Одессу. Большая часть изъ нихъ была съ собственнымъ ластомъ; нъкотпорые корабли привозили товары изъ Ишпаніи, Франціи, Иппаліи и Леванта; въ Одессь нагружающся они харбомь, которой болье всего спрашивають, и которой Одесса только и можетъ доставлять, за неимъніемъ сношеній со внушренностію Россійскаго Государства. Сей хлабъ привозится изъ Губерній: Подольской, Волынской, Кіевской и Херсонской. Три первыя Губерніи привозять въ Одессу хлъбъ сухимъ пушемъ; послъдняя

centre de très-grandes spéculations: Odessa fut le point où elles aboutirent principalement. Le gouvernement qui s'occupe avec succès et une sollicitude particulière de la prospérité de la nouvelle Russie, apprécia l'importance de ce mouvement général du commerce : il l'encouragea sur-tout, en maintenant la remise du 25 pour cent sur les droits de douane, d'entrée, et de sortie, que l'Impératrice avoit déjà accordées à tous les ports de la mer Noire. Odessa, comme le plus essentiel, occupa particulièrement la bienveillance de Sa Majesté qui en 1803, voulut bien nommer Son Excellence Mr. le Duc de Richelieu, gouverneur général, avec des attributions trèsétendues. Neuf cents bâtimens entrèrent cette année-là dans la mer Noire, et sur ce nombre cinq cent trente-six vinrent à Odessa. La plupart etoient sur leur lest; quelques-uns apportoient divers articles d'Espagne, de France, d'Italie et du Levant; tous chargèrent du blé, qui alors étoit à peu près le seul article demandé et le seul aussi qu'Odessa pût fournir, n'ayant pas encore de relations suivies avec l'intérieur de l'Empire. Ce ble étoit tiré des gouvernemens de Podolie, Vohlinie, Kiovie, et de celui de Kerson. Les trois premiers transportent leur blé à Odessa par terre; le dernier, en partie sur des allèges qui descendent le же на богнахъ, идущихъ по Днепру до самой Одесской рейды.

Полагая на всякой корабль по 1200 четвертей; нынвшимъ годомъ вывезли хльба 643,200 четвертей; каждая четверть обходипся, по обыкновенной цънъ, опть 6 руб. 4 плашимой въ шаможняхъ; что составитъ сумму до 4,020,000 руб. На върное можно сказашь, что часть етой суммы платится Голландскими дукаппами, Ишпанскими и Турецкими піастрами, переходящими чрезъ Броди, или собственно привозимыми на корабляхъ. Такое множество дёль требуеть многочисленнаго населенїя. Въ 1803 году жишелей. умножилось до осьми пысячь; однако городъ всё еще мало строился; въ немъ домы были малые, худо выстроенные, магазины совстмы неудобные для складки товаровь, публичныхь сданій совсьмъ почти невидно, карантинъ очень несовершенной, и одна только плотина на рейдъ, котпорая очень слабо предохраняла суда отъ юговосточнаго вътра, иногда приводившаго ее въ опасность. Окружносши не были обрабошаны и состояли изъ пустоши, лежащей на двадцати миляхъ: порговыя сношенія много терпьли оть етой особности; городские жители, будучи снабнеобходимымъ, имѣютъ недостажены токъ въ огородныхъ овощахъ и въ другихъ

Dnieper, et portent la marchandise jusque sur la rade d'Odessa.

En fixant la portée moyenne de chaque bâtiment à 1200 tchetverts, on exporta cette année 643,200 tchetverts, qui, au prix communs de 6 Rb. 4 rendu à bord, laissèrent dans le pays une somme de 4,020,000 Rb. On peut hardiment affirmer que la moitié de cette somme fut payée comptant, en ducats d'Hollande, Piastres d'Espagne, et de Turquie, qui arrivoient par Brodi ou que les bâtimens apportoient eux-mêmes. Une pareille masse d'affaires suppose une population assez nombreuse. En 1803 elle s'élevoit déjà à huit mille ames environ, mais la ville n'étoit que tracée; il n'y avoit que peu de maisons, petites, mal bâties, incommodes, moins encore de magasins pour les marchandises, point d'établissemens publics, une quarantaine très-imparfaite et une seule jetée sur la rade, qui ne garantissoit que foiblement des vents sud-est qui la rendoit quelquesois dangereuse. Les environs étoient incultes et déserts, dans un rayon d'à-peu-près vingt lieues : les relations de commerce souffroient de cet isolement; les habitans de la ville, fournis du necessaire, manquoient de fruits, de légumes, et d'autres objets d'agrément; l'eau douce même n'étoit pas toujours en quantite suffisante pour l'abreuvage des nombreux плодахь; также пръсной воды не всегда достаеть для продовольствованія скота, которой перевозить хлъбъ въ Одессу.

Правишельсшво, зная нужды сего города, подавало ему помощь съ родительскимъ участіємъ. Оно уже составило ему доходь, позволяя брашь на ошкупъ водки для трапы города, и часть доходовь съ пошлинъ; оно опредвлило ему новые доходы для вспомощестивованія необходимымъ исдержкамъ, поручивъ еще знапіную денежную сумму на распоряжение Комишета городского управленія, и для снабженія 6 на ежегодно житте. лей, которые захопять спроить домы. Елагопіворенія піорговли и сія удобность застпавили частіныхъ людей лучше прежняго спроипься. Городъ, съ своей спороны началъ трудиться надъ портомъ удобнымъ и вмЪстъ надежнымъ, и новымъ карантиномъ — обширнымъ, лучше расположеннымъ для народнаго здравія и торговыхъ выгодъ. Въ Одессв недавно начали строить Россійскую кафедральную и Кафолическую церковь, гимназію, гофинишаль, шеашрь и вообще такія заведенія, которыя, теперь будучи окончаны, поставять сей городъ на ряду съ большими Европейскими городами. Окрестности Одессы также привлекли внимание Правищельства, учредившее тамъ

bestiaux qui transportoient le blé à Odessa.

Le gouvernement éclairé sur les besoins de la ville, vint à son secours, avec un empressement paternel. Il lui avoit dejà formé un revenu, en lui allouant le produit de la ferme de l'eau-de-vie, pour la consommation de la ville, et un dixième du produit des douanes; il lui assigna de nouveaux fonds pour subvenir aux dépenses nécessaires; il mit encore des sommes à la disposition du commité d'administration de la ville, pour prêter à l'intérêt de 6 pr. ; par an, aux habitans qui voudroient faire bâtir des maisons. Les bénéfices du commerce, et cette facilité, déterminèrent un grand nombre de constructions particulières, mieux faites que celles qui existoient. La ville de son côté commença les travaux d'un port commode et sûr, d'une nouvelle quarantaine, vaste, mieux située pour la santé publique et les commodités du commerce; elle jeta les fondemens d'une église cathédrale russe, d'une église catholique, d'un gymnase, d'un hôpital, d'un théatre, et en général de tous les établissemens qui, maintenant achevés, assimilent Odessa aux grandes villes de l'Europe. - Les environs attirèrent en même temps l'attention de l'administration ; elle y établit plusieurs co-

многія колоніи Булгарскія, Венгерскія, Славянскія и Нітмецкія, которыя оставивь добровольно свое оппечество, поселились въ Россіи. Колоніи землепашцевъ были населены по деревнямъ въ селеніяхъ каждой націи оптдъльно; ремесленники живушъ въ городъ. -Чтобы болбе покровительствовать новымъ пришлецамъ, лишеннымъ по большей части средствъ производить свое ремесло; одни изъ нихъ снабжены были скоптомъ, и земледізьческими орудіями; а другимъ отведены домы по близосити города, гдв они, тот чась по прибытій, пом'вщены были. Сій зачеты возвращаются опять черезъ двадцать льть, начиная съ десятаго года по населеніи каждой колоніи. — Война, вдругъ возобновленная между Францією и Англією въ 1803) году, изумила Одесское правительство среди важныхъ его заняшій; однако ревносшь его не оппчаявалась; оно еще опытномъ дознало, что мореплавание неуптральныхъ судовъ, выгоды и нужды Европы доставять больше дъящельности Одесской торговль. 1804 годъ совершиль спо надежду; Иппалійскія войны, смятенія въ Египтъ и на берегахъ Варварійскихъ, запрешеніе вывоза хабба въ Венгрие, истощило хаббные магазины, и заключивъ ихъ въ Европъ, которая могла удовольствовать свои нужды только

lonies

lonies de Bulgares, Hongrois, Sclavons, et Allemands qui abandonnoient volontairement leur patrie, pour s'en faire une nouvelle en Russie. Les colons agriculteurs ont été distribués dans la campagne, en villages de chaque nation respective: les artisans ont été établis dans la ville. Pour favoriser ces nouveaux venus, la plupart denués de moyens, l'on a fait aux uns des avances en bestianx, et en instrumens d'agriculture; on avoit préparé aux autres des maisons dans un quartier de la ville, où ils ont été places à leur arriyee. - Ces avances sont à restituer dans vingt ans, à commencer à la dixième année de l'arrivée de chaque colon. - La guerre renouvelée tout-à-coup entre la France et l'Angleterre en 1803, surprit l'administration d'Odessa au milieu de ses importans travaux; son zèle n'en fut pas découragé: elle comprit que la navigation des neutres, l'intérêt et les besoins de l'Europe, donneroient encore une très-grande activité au commerce d'Odessa. L'année 1804 réalisa cette espérance; les guerres d'Italie, les troubles d'Egypte et des côtes de Barbarie, les prohibitions contre les blés de la Hongrie, avoient épuisé, ou fermé les greniers de l'Europe: elle ne pouvoit plus satisfaire à ses besoins que par Odessa; et dans cette même année, quatre cent quaranteпосредствомъ Одессы; въ етомъ году нагружены были хлъбомъ четырества сорокъ девяпъ кораблей. Изъ Одессы вывезено было, (полагая на каждой корабль по 1200 четвертей хлъба, выключая другихъ товаровъ), 538,800 четвертей, на 3,367,500 рублей. Половина сей суммы пошла на обмънъ товаровъ, а половина заплачена ходячею монетою.

Одесса вкушаетъ нынъ плоды отъ мудрыхъ попеченій Правишельства. Городъ снабженъ ремесленниками; окружныя пустоши обработаны — и доставляють уже теперь нъкоторыя произведенія; торговать болье всего покровительствують; ходъ ея гораздо успъшнъе; сношенія ея гораздо обширнъе и надеживе; самые жиптели съ удивлентемь смопрящь на успъхи возраждающаго ихъ города, съ признательностию замѣчая, что Правишельство безпрестанно изыскиваеть вев средства, могущія постановить благоденствіе ихъ на твердомъ основаніи. Землепашество совершенствуется; обработываніе шелковичныхъ деревъ вводишся съ ободреніемь; долины, на котторыхъ прежде не было ни деревъ, ни жилья, покрывающся селеніями и плодовишыми садами. Улучшение овечьей шерсии, заведеніемъ овецъ лучшей породы, производится съ успъхомъ. Виды Одесскаго

neuf bâtimens vinrent y charger du blé.—
D'après le terme moyen de 1200 tchetverts
pour chaque bâtiment, 538,800 tchetverts
indépendamment de quelques autres articles,
furent exportés d'Odessa moyennant la somme
3,367,500 Rb. au moins, qui fut payée à-peuprès moitié en marchandises d'entrée et en
argent comptant.

Odessa commença à jouir des soins éclaires de son administration. La ville étoit fournie des artisans nécessaires; les déserts des environs se defrichoient, et fournissoient dejà quelques productions d'agrémens; le commerce étoit plus particulièrement protégé, sa marche locale plus régulière, ses relations avec l'intérieur plus étendues et plus suivies; les habitans eux-mêmes voyoient avec étonnement les progrès de leur ville naissante, et observoient avec reconnoissance que l'administration s'occupoit de toutes les institutions capables d'assurer leur prospérité sur les bases les plus solides; l'agriculture indigène se persectionnoit, la culture du mûrier sut introduite et encouragée; on voyoit les plaines, qui auparavant ne présentoient ni arbres ni habitations, se couvrir de villages et de vergers. Les tentatives pour l'amélioration des toisons indigènes par l'introduction des races, à laine fine furent faites avec succès. Dejà les начальства клонились не токмо къ частному благосостоянию города; оно видѣло, что сте благоденствие неразлучно соединено съ благоденствиемъ цѣлой Ново-Россти. — Правительство, дабы болѣе сосредоточить сти два предмета, столь важные, привело ихъ, въ 1805 году, къ одной общей цѣли, опредѣливъ главнымъ Губернаторомъ Г. Дюка де Ришелье надъ губерніями: Екатеринославскою, Таврическою и Херсонскою.

Отправленіе хліба изъ Одессы 1804 года въ Ишпанію и другія земли, оказало шакія благодівнія, что считають за обыкновенный срокь 80 на ; это самое было причиною важнівшихь оборотовь въ 1805 году, въ продолженіи коего пришло 643 корабля. При такомъ стеченіи торговыхь оборотовь, четверть хліба стоила боліве 8 рубл: такь что напослідокь 771, боо четвертей, взятыхь на корабли, стоили около 5,772,800 рубл., считая Голландскими дукаціами, по курсу оть 3 рубл. бо коп. по 70 коп. и другими ходячими монетами.

Въ 1806 году, полиническія обстоятельства становились болье и болье неблагопріятными мореплаванію неутральныхъ судовъ, что самое долженствовало нъсколько унизить торговыя сношенія Одессы съ Европою. Въ самомъ дъль, въ продолженіи сего vues de l'administration d'Odessa s'étendoient au-delà de la prospérité particulière de la ville; elle avoit senti que cette prospérité étoit essentiellement liée avec celle de toute la nouvelle Russie. — Le gouvernement pour mieux identifier ces deux objets si importans, les ramena à un centre commun en 1805, en nommant S. Exc. M. le duc de Richelieu gouverneur-genéral des gouvernemens d'Ekaterinoslaw, de Tauride et de Kerson.

Ces expéditions de blé faites d'Odessa en 1804 pour l'Espagne et autres pays, avoient donné des bénéfices que l'on, compte pour terme moyen à 80 pr %, ce qui détermina de plus fortes opératious pour l'année 1805, pendant laquelle il arriva 643 bâtimens. Cette affluence porta les blés audessus de 8. rb, rendus à bord, de manière que les 771, 600 tchetverts qu'ils exportèrent, coûtèrent àpeu-près 5,772, 800 rb. payés comme dessus, le ducat d'Hollande au cours de 3 rb. 65 à 70 copeks, et les autres monnoies à proportion.

En 1806, les circonstances politiques devinrent toujours plus défavorables à la navigation des neutres, ce qui dût altérer d'autant les relations commerciales d'Odessa avec l'Europe. Pendant cette année, il n'arriva en effet que deux cent soixante dix-neuf bâtimens; mais le

года пришло въ Одессу шолько двъсти семдесянь девянь кораблей; однако Леваннская торговля, будучи исключена отъ сихъ затрудненій, имівла въ виду чівмь замівнить симъ новымъ пушемъ прежнїе, давно уничшожившіеся, пріобрівла от политических обстоятельствъ гораздо болье общирности въ своихъ отношенїяхъ съ Одессою, котторая учинилась центромъ многочисленн в шаго населенія въ своихъ окружноспіяхъ и внупіренними сношеніями подавала новые случаи къ выпуску иностранныхъ товаровъ, въ особенности Леванитскихъ. Въ концъ 1806 года шорговля представляла разрывъ дружественныхъ связей, воспослѣдовавшихъ вскорѣ послѣ войны между Россією и Турцією, и уничіпожившихъ всякое сообщение съ иностранною торговлею. Заняппїе Молдавїи и Валахїи Россійскими войсками открыло новое поле къ производству пюрговыхъ двлъ-между твмъ, какъ съ другой стпороны Одесская торговля успъла вознаградить свое бездвиствие высокими цвнами, по котпорымъ продавались товары, складенные въ магазины прежде войны, шакъ равно и нискими цінами, по копторымъ покупались собственные товары.

За Тильзипскимъ миромъ вскорт воспослъдовало перемиріе, въ силу коего начали, въ Сентябрт мъсяцт 1807 года, отправлять commerce du Levant, exempt de ces obstacles, et ayant à suppléer par cette nouvelle voie aux anciennes, qui étoient obstruées ou fermées, les circonstances politiques du moment donnèrent beaucoup plus d'extensions à ces relations avec Odessa. Celle-ci, de son côté, devenue le centre d'une population déjà nombreuse dans les environs, et des demandes de l'intérieur, offroit un débouché considérable aux marchandises étrangères, et à celles du Levant en particulier. Vers la fin de cette année, le commerce pressentoit la rupture qui éclata bientôt après entre la Russie et la Turquie, et qui interrompit toute relation avec l'étranger. L'occupation de la Moldavie et de la Valachie, par les troupes Russes, ouvrit un nouveau champ à beaucoup de bonnes spéculations, tandis que d'un autre côté le commerce d'Odessa se dédommageoit de son inaction momentanée par les hauts prix auxquels il vendoit les marchandises d'importations, mises en magasin avant la guerre, ainsi que les bas prix aux quels il achetoit les marchandises du pays,

Le Traité de Tilsit amena hientôt un armistice; au moyen duquel en septembre 1807, l'on commença à expédier à Constantinople въ Консшантинополь разныя суда, нагруженныя хлѣбомъ и другими товарами; равномѣрно стали получать много привозныхъ товаровъ. Погода благопріятиствовала сему новому производству торговли, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ 1801 года; даже зимою плавали съ такою безопасностію, какъ и лѣтомъ. Въ продолженіи сихъ трехъ мѣсяцевъ, перевороты нашей торговли почитать можно до трехъ милліоновъ рублей, которые обращались на о смидесяти корабляхъ, нагруженныхъ, кромѣ хлѣба, саломъ, свѣчами, коровьимъ масломъ, икрою и другими то зарами.

Наступившая война, прекратила отношенія между двумя Государствами, произведши великія взаимныя нужды. Турція, будучи лишена сала, коровьяго масла и хліба, которой прежде доставляла ей Молдавія и Валахія, терпівла великой недостатнокъ въсихъ продуктахъ; Морейской хлібов никакъ не можно было привозить въ Константинополь, по причинів осады Дарданеллъ; Египенть же не имівль почти никакихъ отношеній съ Турцією; Анатолія была ей неподвластна. — Сій важныя причины, соединивтись со многими другими, привели Константинополь, Смирну и другія мівста къ Россійскимъ берегамь на Черномъ морів. Ето

divers bâtimens charges de ble, et d'autres articles. L'on recut egalement beaucoup de marchandises d'importation. La saison favorisa singulièrement ce nouvel élan du commerce, pendant les trois derniers mois de 1807: l'on navigua en hiver avec la même sécurité que pendant la belle saison. Aussi l'on peut estimer les reviremens de notre commerce pendant ces trois mois, à près de trois millions de roubles, qui furent transportés par quatre-vingt-neuf bâtimens; les bâtimens exportèrent moins de blé que de suif, de chandelles, de beurre, de caviar, et autres objets.

La guerre qui venoit d'avoir lieu, et la suspension de toute relation entre les deux Empires, avoit fait naître de grands besoins réciproques. La Turquie sur-tout privée des suifs, beurres et blés que lui fournissoient auparavant la Moldavie et Valachie, manquoit totalement de ces articles; les blés de la Morée ne pouvoient plus arriver à Constantinopole, à cause du blocus des Dardanelles; l'Egypte étoit presque sans relation avec cette place, la Natolie étoit dans l'anarchie... Ces causes puissantes réunies a plusieurs autres, avoient réduit Constantinople, Smirne, et autres placesdu Levant, à la seule ressource des côtes Russes sur la mer Noire. C'est ce qui préparoit

самое предуготовило въ 1808 году Одесской торгова в блисшательный шую епоху. Если изобразить точную картину всей Черноморской торговли въ семъ году: то едва повърять, чтобы на пространствъ, столь ограниченномъ, и въ шакихъ обстоятельспвахь, можно было имъпь споль знапной оборошь капишаловь. Вь одинь городь Одессу пришло, и изъ него отправилось до трехъ сотъ девяноста девяни кораблей, которые привезли для Россіи Левантскихъ товаровъ почти на шесть милліоновъ рублей; а съ пропускомъ почти на десять милл. руб. Полагающь, чіно изъ Россіи вывезли на шесть милліоновъ рублей хлѣба, сала, коровьяго масла, свъчь, икры и другихъ вещей, до того времени еще неизвъстиныхъ нашей торговль. Безъ сомнънія примъщить можно, что ввезеніе иностранныхъ товаровь производилось гораздо больше въ сей спранв, особливо въ продолжени послъдняго года; и еслибы политическая економія, дознавъ собственнымъ опышомъ и здравою логикою, не привела въ лучшій порядокъ свои правила: по можно бы повърить, что сін страны, мало по малу стали бы клониться къ торговому перевъсу, для нихъ невыгодному, и вмъсшъ раззорительному.

au commerce d'Odessa la brillante année de 1808. Si l'on présentoit un tableau détaillé de tout le commerce de la mer Noire cette année, l'on croiroit à peine, que dans un espace aussi borné et en pareilles circonstances il ait pu y avoir un mouvement aussi considérable de capitaux. La seule ville d'Odessa a reçu et expédié trois cent quatre-vingt dix-neuf bâtimens, qui ont importé en articles du Levant pour la Russie la valeur de six millions de roubles à-peu-près, et pour environ dix millions de rbl. en transit; on compte qu'ils ont exporté pour à-peu-près six millions de rb. en articles de Russie, tels que blé, suif, beurre, chandelles, caviar, et autres objets inconnus jusqu'alors à notre commerce d'exportation. L'on observera sans doute que l'importation à beaucoup augmenté dans ce pays-ci pendant cette dernière année sur-tout; et si l'économie politique, éclairée par l'expérience et la saine logique n'eût fait rectifier depuis peu ses principes, on pourroit croire que ces pays-ci marchent vers une balance commerciale désavantageuse et ruineuse pour eux.

Но принимая въ разсужденте то, что умноженте народоселентя и землепашества служитъ върнымъ и необманчивымъ признакомъ благоденствия сей страны, можно удостовъриться въ семъ новомъ доказательствъ, безъ опровержентя ложности торговыхъ перевъсовъ. Въ продолженти сего года самыя ть обстоятельства, которыя мало благоприятствовали торговлъ другихъ городовъ, были выгодны для Одесской — открыли ей новой источникъ — пошлины, платимыя за хлопчатую бумагу и другте товары, отправляемые изъ Леванта въ Европу чрезъ Одессу и оттуда чрезъ Броди, въ Въну и другтя мъста, и на оборотъ.

Изъ всего сказаннаго мною о возрожденти и успѣхахъ Одесской торговли, вы можете заключить, что городъ знатное должень получить приращенте. Въ то самое время, когда я къ вамъ пишу, тв люди, котторые жили въ Одессв назадъ тому пящь лѣтъ, ны нѣ совершенно ее не узнають; и если вдругъ можно было бы перенести на одинъ изъ нашихъ народныхъ праздниковъ, или вечеринокъ, какого нибудъ изъ прежнихъ городскихъ жителей, или лучше сказать, какого нибудъ Таттарина, котторой, лѣтъ двадцать бродилъ въ Бессарабскихъ пустыняхъ: они все ето почли бы очаровантемъ.

Mais en réfléchissant que l'augmentation de population et d'agriculture, est le seul et infaillible signe de prospérité d'un pays, on aura par l'expérience de celui-ci, une preuve sans réplique de la fausseté du système des balances commerciales. Pendant cette année, les mêmes circonstances qui paralisoient tout-à-fait le commerce des autres places, agissant en sens inverse pour celui d'Odessa, lui ont ouvert une nouvelle branche, qui est le commerce de transit, pour les cotons et autres marchandises expédiées du Levant en Europe à Odessa, et de là par Brodi, Vienne et autres places, et vice versa.

D'après ce que j'ai eu l'honneur de vous dire sur la naissance et les progrès du commerce d'Odessa, vous couclurez avec raison, que la ville a dû prendre un accroissement considérable. A l'époque où je vous écris, les personnes qui l'habitoient il y a cinq ans, ne s'y reconnoisent plus; et si tout-à-coup l'on transportoit au milieu de nos fêtes publiques, ou de nos soirées de de société, un des primitifs habitans de la ville, ou bien un des Tartares qui, il y a vingt ans, erroit dans les déserts de la Bessarabie, l'un et l'autre croiroient à l'effet d'un enchantement.

Воздухъ въ Одессв здоровъ и чистъ; улицы широки и правильно расположены; всв почти домы каменные — большая часть о двухъ етажахъ, и выстроены по Европейскому вкусу; амбары такъ многочисленны, что могуть въ себь вывщань болье прехь сопь пысячь четвершей хавба; каменных погребовъ шакже находишся довольно. Население города просширается отъ осмнадцати до двадцати тысячь жишелей; счишая по годовымъ ошчешамъ, что число раждающихся превышаеть число умирающихъ. Въ окреспиноспияхъ, на двадцаши миляхь, находишся до шесшидесящи селеній, въкоихъ полагають от тридцати до сорока пысячь жителей. Селенія доспіавляюшь городу не шолько огородныя овощи; но еще различные шовары, какъ напр: коровье масло, сало, шерсть и болве ста тысячь четвертей хльба, называемаго арнаутскимь, бобы, горохь, кортофель и другія вещи. Обработываніе шелковичныхъ деревъ доставляетть прибыль владетелямь; обделывание шерсти производится довольно успъшно, такъ что одно заведение, состоящее въ двадцати верстахъ отъ Одессы, доставляетъ черезъ два года при пысячи прекрасныхъ барановъ и овецъ Правишельству, которое напослъдокъ раздаешъ ихъ различнымъ владъщелямъ съ обожданиемъ платы. Отстройка при-

L'air d'Odessa est sain et vif, les rues sont larges et alignées; toutes les maisons bâties en pierre, la plupart à deux étages, et d'après le goût européen; les magasins se sont multipliés au point de pouvoir conserver en ville, plus de trois cent mille tchetverts de ble, les caves en pierre sont aussi-très communes. La population de la ville s'élève à dix-huit ou vingt mille habitans fixes; d'après les états annuels, les naissances sont dans la proportion de 1 à 30, elles s'élèvent au double des morts. Les environs à vingt lieues comptent cinquante à soixante villages peuples de trentecinq à quarante mille ames à-peu-près. La campagne fournit à la consommation de la ville, non seulement les productions potageres, mais encore divers articles de commerce, tels que beurre, suif, laines, et plus de cent mille tchetverts de ble dur dit arnaoute, haricots, pois, pommes de terre et autres legumes. La culture du mûrier a fait des progrès qui donnent dejà un produit aux propriétaires. L'amélioration des laines est déjà assez avancée, pour qu'un établissement situé à vingt verstes d'Odessa se soit engagé à fournir dans deux ans trois mille béliers ou brebis à laine fines au gouvernement, qui les distribue ensuite à divers propriétaires, en leur accordant des facilités pour le payement. Les travaux du стани и карантина приводится къ окончанію; уже около трехъ лѣтъ, какъ открыта сдѣсь гимназія, заключающая въ себѣ, кромѣ публичныхъ классовъ, пансіонъ, состоящій изъ сорока пансіонеровъ.

Воспипанники занимаются изученіемъ отечественнаго и иностранныхъ языковъ, наукъ: фисики, исторіи, изящныхъ искуствъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ заведенъ частной театръ, на которомъ играютъ разныя піесы на Россійскомъ, Польскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; публичной театръ прекрасно отстроивается. Человѣколюбіе и доброй порядокъ устроили сдѣсь гофшниталь; вотъ уже цѣлой годъ, какъ ее привели къ окончанію.

При столь хорошихъ попечентяхъ о полезномъ, не оставлено безъ внимантя и пртятиное; многтя плантацти деревъ разсажены аллеями на публичныхъ мъстахъ и на пъкоторыхъ улицахъ; на невымощенныхъ же улицахъ, для уменшентя грязи, сдъланы дорожни для пъшеходцевъ. Одинъ прекрасной садъ купленъ городомъ, которой намъревается обратить его въ публичной садъ, отдълавъ его гораздо лучше.

port et de la quarantaine vont être acheves; depuis trois ans le gymnase est en activité, et renferme, outre les classes publiques, un pensionnat particulier de quatre-vingt pensionnaires.

L'étude de la langue nationale, des langues étrangères, des sciences exactes et physiques, de l'histoire, et des beaux-arts occupe les élèves. Pendant deux ans, l'on a eu un théatre provisoire, sur lequel on jouoit des pièces en langue russe, polonoise et allemande; le théâtre public vient d'être construit sur un très-beau plan. L'humanité et le bon ordre réclamoit un hôpital, depuis un an il est achevé.

L'agréable n'a pas été négligé par l'empressement avec lequel on travailloit à l'utile : plusieurs plantations d'arbres ont été faites et disposées en allées sur les places publiques, et dans quelques rues; on a tracé des trotoirs pour diminuer aux gens à pied les inconvéniens de la boue dans les rues non pavées. Un jardin particulier fort joli pour le pays, a été acheté par la ville, qui employe de nouveaux fonds pour en faire un jardin public.

FIN.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

письмо	I.	Путешествие изъ Одессы въ Яссы
		чрезъ Бессарабію, и возвращеніе въ
	YES	Одессу. стр 2.
письмо	II.	Опъвздъ изъ Одессы въ Крымъ чрезъ
		Николаевь, Херсонь, Береславь,
		Перекопъ и Ах-мечешь. стр 34.
письмо	III.	Поъздка чрезъ горы и долины на
		полдень Крыма, Бакчиссарая, Юфу-
		та-Кале, Севастополя, Балаклавы,
		Байдарь, Алушпы и Шапирдага.
	7	стр 62.
письмо	IV.	Продолжение путешествия начиная
		сь Ах-мечетя черезь Карасубазарь,
		Судакъ, старой Крымъ, Кефу,
		Керчь, Паншикапію, Тамань, Бу-
		таць (Черноморск.) Темрукъ, Пул-
	P	тавка и Екатеринодаръ. стр. 114.
письмо	v.	О Екатеринодаръ и Черкессахъ
		стр
письмо	VI.	Ошььздь изъ Екашеринодара въ Одес-
		су чрезъ Шербиновку, Азовъ, Рос-
		шовь, Нахчивань, Ашаю, Черкаскь,
		Таганрогь, Маріенполь, Калуфу и
		Биреславь. стр 202.
письмо	VII.	Объ Одессъ, ен основание, положение
	- 5	и торговля. стр
WITH THE STATE OF		

